

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

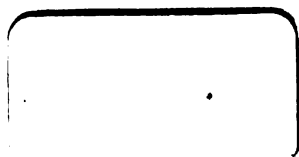
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВІСНИКЪ
Россійскаго Императорскаго
Училищнаго Министерства
А. №. XIX
Кн. II
Ч. I. a

ЧАСТЬ СЛХVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О смерти царевича Дмитрія . . . . . Е. А. Балова.

Николай Коперникъ и его ученіе. (Окончаніе) . . . . . Я. И. Вейнберга.

Дѣйствительно ли походъ Олега подъ Царьградъ — сказка? . . . . . Н. П. Ламбина.

Разрывъ между Россіей и Турціей въ 1787 году . . . . . А. Г. Брикера.

Иосифъ Юнгманъ . . . . . Н. А. Попова.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права. (Продолженіе). . . . . К. Г. Стефановскаго.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА. } (См. на 3-й стр. обѣрки.)
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. }

О СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

(Посвящается памяти покойнаго Казанскаго профессора
Н. А. Иванова).

Вопросъ о родѣ смерти царевича Димитрія Иоанновича уже не разъ былъ поднимаемъ въ нашей литературѣ. Уже вскорѣ послѣ изданія „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина возникли сомнѣнія по этому предмету. Арцыбашевъ (въ *Вѣстникъ Европы* за 1830 годъ) говорилъ прямо, что, послѣ изданія слѣдственнаго дѣла, стыдно вѣрить лѣтописному разказу о смерти царевича ¹⁾. М. П. Погодинъ въ статьѣ „Объ участіи Годунова въ убіеніи Димитрія“ ²⁾ представилъ, какъ увидимъ ниже, весьма рѣзкія и притомъ весьма основательныя возраженія въ защиту Бориса Годунова. То же сдѣлалъ А. А. Красевскій въ своей статьѣ „Борисъ Годуновъ“ (въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, изд. Плюшаромъ). Но ни тотъ, ни другой, ни третій не сочли нужнымъ записаться подробнымъ разборомъ слѣдственнаго дѣла и сопоставить оное съ лѣтописнымъ разказомъ. Мы осмѣлились взять на себя этотъ трудъ.

Изъ разсмотрѣнія слѣдственнаго дѣла, и особенно изъ сопоставленія результатовъ этого разсмотрѣнія съ лѣтописнымъ разказомъ, мы пришли къ убѣжденію, что смерть царевича была печальная, и что только она въ послѣдствіи доставила въ руки враговъ Бориса Годунова оружіе, которымъ они низвергли его съ престола. Печальная смерть царевича Димитрія открыла поприще для борьбы за престолъ тремъ,

¹⁾ К. Н. Пестушевъ-Рюминъ, въ своей статьѣ объ Арцыбашевѣ (см. *Энциклопедическій Словарь*, изд. русскими учеными и литераторами), говоритъ, что Арцыбашевъ въ статьѣ о смерти царевича Димитрія Углицкаго разбираетъ слѣдственное дѣло; но кромѣ нѣсколькихъ замѣтокъ, никакого обстоятельнаго разбора тамъ не находится.

²⁾ См. *Историко-критическіе отрывки*, изд. 1846 года.

четыремъ фамиліямъ, — борьбы, безъ которой немислимо было бы и смутное время. Въ „Обзорѣ событій русской исторіи“ (помѣщенномъ въ *Современникѣ* 1848 года), С. М. Соловьевъ говоритъ: „Общество не могло начать новой жизни, не очистившись отъ дурныхъ соковъ, не излѣчившись отъ тяжелыхъ болѣзней, а это излѣченіе могло произойти только вслѣдствіе сильнаго потрясенія всего организма“. Но ни дурное состояніе нравственности, ни прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, ни другія подобныя явленія, или „дурные соки“, не могли бы вызвать бури безъ споровъ за престолъ. Всѣ они стали причинами смутнаго времени только тогда, когда споры за престолъ породили въ народѣ неувѣренность въ законности власти царей, сидѣвшихъ на престолѣ отъ смерти Θεодора до 1613 года. Всѣ названныя явленія могли вызывать волненія; но только споры Годуновыхъ, Романовыхъ, Шуйскихъ за престолъ дали возможность этимъ волненіямъ слиться въ общую бурю. Въ недавно изданномъ „Курсѣ новой исторіи“ С. М. Соловьевъ высказываетъ слѣдующую, вполне вѣрную мысль: „Можно писать большія книги о причинахъ французской революціи, подробно исчислять всѣ злоупотребленія, всю неправильность отношеній между различными частями народонаселенія: но этимъ явленіе вполне не объясняется, ибо нѣтъ такого злоупотребленія, нѣтъ такой неправильности, которыя не могли бы быть отстранены сильнымъ и разумнымъ правительствомъ, умѣющимъ извлекать и собирать около себя лучшія силы народа“. Но если нашъ историкъ признаетъ (и совершенно справедливо) возможнымъ отклоненіе французской революціи, то странно ставить смутное время неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разныхъ злоупотребленій и накопившихся дурныхъ соковъ.

Въ борьбѣ за престолъ соперники не разбирали средствъ, и потому едва ли кто могъ выйти совершенно чистымъ изъ этой борьбы; поэтому и личность Филарета Пикитича Романова является передъ нами не безъ тѣни.... Иначе и быть не могло; но заслоненные великою личностью Петра, интересы смутной эпохи столь же отъ насъ далеки, какъ и интересы борьбы Ольговичей съ Мономаховичами; потому мы можемъ и относиться къ нимъ безпристрастно.

Нашъ трудъ раздѣляется на четыре главы: первая посвящена разбору мнѣнія С. М. Соловьева о достовѣрности лѣтописнаго сказанія и подовѣрности слѣдственнаго дѣла; вторая — разбору слѣдственнаго дѣла; третья — разбору лѣтописнаго сказанія; четвертая — судьбѣ и дѣятельности лицъ, заинтересованныхъ въ Углицкой драмѣ.

Изъ историковъ нашихъ Карамзинъ слѣдуетъ лѣтописному разказу безъ всякаго разбора слѣдственнаго дѣла, а С. М. Соловьевъ дѣлаетъ наиболѣе сильныя возраженія противъ слѣдственнаго дѣла: потому и первая глава нашего труда преимущественно занята разборомъ его возраженій. Одинъ изъ новѣйшихъ специальныхъ историковъ смутнаго времени, Н. И. Костомаровъ, не посвятилъ ни одной страницы разбору слѣдственнаго дѣла. Не признавая всѣхъ подробностей лѣтописнаго разказа, онъ несомнѣнно признаетъ убійство царевича и виновникомъ убійства считаетъ Бориса Годунова. Слѣдственнае дѣло считаетъ онъ несправедливымъ; но въ то же время, на основаніи слѣдственнаго дѣла, признаетъ, что Витяговскихъ не было во время катастрофы. Это значитъ, что онъ остановился на полъ-дорогѣ, что много повредило ему въ оцѣнѣ лицъ и событій смутной эпохи.

I.

Мнѣніе С. М. Соловьева о слѣдственномъ дѣлѣ и о лѣтописномъ разказѣ объ убіеніи царевича Дмитрія.

Приступая къ разбору мнѣній С. М. Соловьева о слѣдственномъ дѣлѣ и о лѣтописномъ разказѣ, мы начинаемъ съ приведенія его словъ: „Мы прежде всего должны замѣтить, что правдоподобіе, естественность этого акта (то-есть, слѣдственнаго дѣла), никакъ не могутъ служить въ его пользу для тѣхъ, во мнѣніи которыхъ царевичъ погибъ насильственной смертью; ибо для нихъ чѣмъ естественнѣе и правдоподобнѣе будетъ слѣдственное дѣло, тѣмъ подозрительнѣе: для нихъ ясно, что Годуновъ и Клешнинъ съ товарищами должны были употребить всѣ мѣры, чтобы сдѣлать его какъ можно правдоподобнѣе и естественнѣе. Такимъ образомъ, естественность и правдоподобность слѣдственнаго дѣла можно выставлять на видъ только тогда, когда лѣтописное свидѣтельство будетъ заподозрѣно; но мы показали, какъ трудно его заподозрить“.

Съ опроверженіемъ слѣдственнаго дѣла и защитой лѣтописнаго разказа у С. М. Соловьева связаны возраженія противъ М. II. Погодина. Доводы же М. II. Погодина, не смотря на ихъ отрывочность, настолько поколебали защитника лѣтописнаго разказа, по крайней мѣрѣ въ степени участіи Бориса Годунова въ убіеніи Дмитрія, что С. М. Соловьевъ долженъ былъ прибѣгнуть къ странной гипотезѣ, произвольно толкуя слова Авраамія Палицына, именно къ гипотезѣ, что Борисъ погубилъ царевича Дмитрія не одинъ, а вмѣстѣ съ цѣлюю

партіей. Онъ даже не признаеть за историкомъ права обвинять Годунова въ посягательствѣ на престолъ, ибо для такого обвиненія нѣтъ достаточныхъ данныхъ; онъ признаеть Годунова только главнымъ соучастникомъ въ этомъ дѣлѣ. Все это догадки и предположенія, и въ дѣйствительности рѣшительно нѣтъ никакихъ доказательствъ, воперныхъ, на то, чтобы существовала цѣлая партія, враждебная царевичу Дмитрію, и вопвторыхъ, на то, чтобы у боярской партіи, представителемъ которой на слѣдствіи былъ кн. В. И. Шуйскій, существовали интересы, тождественные съ интересами Бориса Феодоровича Годунова, и напротивъ — есть довольно доказательствъ враждебности къ нему этой партіи. Притомъ же, съ перваго раза, въ глаза бросается странное противорѣчіе: г. Соловьевъ не признаеть за историкомъ права обвинять Бориса Годунова въ посягательствѣ на престолъ, и въ то же время, безъ всякихъ доказательствъ, даже безъ всякихъ слуховъ, обвиняеть въ убійствѣ царевича не одного Годунова, но цѣлую партію. И все это только на основаніи того извѣстія, что царевичъ Дмитрій удалень былъ въ Угличъ „совѣтомъ начальнѣйшихъ людей“. Отношенія же Годунова къ совѣту этихъ начальнѣйшихъ людей были враждебны въ продолженіе всего царствованія Феодора Иоанновича. Не начальнѣйшіе ли люди хлопотали о разводѣ царя Феодора съ Иринею, сестрою Годунова? Не выгодно ли было бы имъ имѣть на престолѣ Дмитрія, чѣмъ сына Феодора (еслибы онъ родился), при которомъ опять тотъ же Годуновъ занялъ бы первое мѣсто? Странно, чтобы не сказать болѣе, предположить цѣлую боярскую партію, столь слѣпую, что она работала за Годунова, въ его пользу. Отчего же наши историки впали въ такое странное противорѣчіе? Онъ видитъ, что въ обвиненіяхъ противъ Бориса много злобы, неправды, и вмѣсто того, чтобы подвергнуть все обвиненія строгому изслѣдованію, принимаетъ ихъ въ половину. Онъ говоритъ, что лѣтописцы предполагали въ Борисѣ замыселъ достигнуть престола еще тогда, когда онъ не имѣлъ никакихъ способовъ къ осуществленію оного. Онъ признаеть неслѣдность предположенія, что этотъ замыселъ таился въ Борисѣ еще во времена Грознаго. Вотъ эти-то сомнѣнія въ полной правдивости лѣтописныхъ обвиненій противъ Годунова и породили знаменитую гипотезу о цѣлой партіи, погубившей, вкупѣ съ Годуновымъ, царевича Дмитрія. Такимъ образомъ, г. Соловьевъ не вдумался, какъ мы сейчасъ замѣтили, въ то обстоятельство, что участіе бояръ въ убійствѣ Дмитрія, вкупѣ съ Годуновымъ, значило бы, что они лю-

потали для него же, Годупова. Годуновъ, съ воцареніемъ Димитрія, могъ бояться Нагихъ; но какимъ образомъ могли бояться Нагихъ люди, которые хлопотали о разводѣ царя Θεодора съ Ириной?

Это противорѣчіе произошло оттого, что С. М. Соловьевъ видѣлъ невозможность обвинить одного Бориса; ибо этому мѣшало присутствіе В. И. Шуйскаго при производствѣ слѣдствія. Какимъ образомъ, не прибѣгая къ произвольнымъ догадкамъ, онъ могъ бы объяснить, что люди разныхъ партій, разныхъ слоевъ общества — князь В. И. Шуйскій (родственникъ враговъ Годунова и самъ никогда не пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ его), дяки Вылузинъ и Клешиинъ, митрополитъ Геласій, могли такъ нагло скрыть убійство? Увлечшись своею гипотезой, С. М. Соловьевъ говоритъ, что Годуновъ съ товарищами, въ своихъ мѣрахъ противъ Димитрія, шли постепенно. Но гдѣ же эта постепенность? Удалили въ Угличъ, затѣмъ не приказали о немъ молиться ¹⁾, а потомъ приказали зарѣзать! Эта гипотеза о постепенности, точно также, какъ и гипотеза о цѣлой партіи, погубившей Димитрія, тоже вызвана была доводами М. П. Погодина, который весьма основательно замѣтилъ, что, при задуманномъ убійствѣ, запрещеніе молиться было излишнею мѣрою, навлекавшею лишнее, и притомъ, непужное подозрѣніе на Годунова.

Лѣтописный разказъ о смерти царевича исполненъ такихъ противорѣчій, такъ чуждъ естественности, что уже Карамзинъ предвидѣлъ возраженіе: почему прибѣгнули къ открытому убійству, почему не отравили? Можетъ-быть, говоритъ историографъ, совѣсть еще дѣйствовала въ исполнителяхъ адской воли; можетъ-быть, дрожащая рука бережно сыпала отраву, уменьшая мѣру ея, къ досадѣ нетерпѣливаго Бориса? Еще болѣе, лѣтописный разказъ предвидѣлъ такое возраженіе, и по обычаю того вѣка, объяснял чудомъ, что отрава не дѣйствовала, и потому-то и прибѣгли къ открытому убійству! Понятно, что М. П. Погодинъ въ своей статьѣ останавливается на такомъ естественномъ возраженіи, говоря, что если бы захотѣли убить царевича, то легко могли бы его отравить. Чтѣ

¹⁾ С. М. Соловьевъ опровергаетъ мнѣніе М. П. Погодина, что Димитрій, какъ сынъ 7-й или 8-й жены Грознаго, былъ не опасенъ Годунову,—и это опроверженіе очень основательно. Но что касается до запрещенія молиться за Димитрія, то оно могло быть сдѣлано и вслѣдствіе раздраженія противъ Нагихъ, безпрестанно собиравшихся съ приставами, и вслѣдствіе излишняго опасенія, чтобы взоры подданныхъ не обращались отъ слабого и безвѣстнаго Θεодора къ подроставшему отроку.

же говорить объ этомъ С. М. Соловьевъ, который специально занимался опроверженіемъ М. П. Погодина? „Лѣтописецъ говоритъ, что сначала хотѣли извести царевича Дмитрія ядомъ, но что это намѣреніе не удалось: лѣтописецъ приводитъ здѣсь свое объясненіе, Карамзинъ—свое, *но намъ нѣтъ нужды ни до того, ни до другаго*“. И сказавъ эти странныя слова, историкъ спокойно переходитъ къ другимъ обстоятельствамъ дѣла! Какъ нѣтъ нужды ни до того, ни до другаго? Нѣтъ нужды останавливаться на возраженіи, которое колеблеть въ основаніи лѣтописный разказъ? Но всякому здравомыслящему человѣку, не зараженному слѣпою вѣрой въ каждый лоскутокъ старой бумаги, исписанный славянскими буквами, естественно приходить на мысль это возраженіе: пусть Годуновъ, пусть цѣлая партія желали смерти царевича; но, почему, имѣя на своей сторонѣ Волохову, всѣ эти злодѣи не прибѣгнули къ яду? Это простое, естественное возраженіе, которое предвидѣли враги Годунова въ XVII столѣтіи, ставятъ въ тупикъ двухъ историковъ XIX вѣка. Карамзинъ впутываетъ сюда совѣсть страннаго свойства, сыпавшую ядъ по немногу, а не вдругъ; а г. Соловьевъ говоритъ, что ему и дѣла нѣтъ до этого возраженія!

Но кромѣ этого довода М. П. Погодинъ приводитъ другой, не менѣе важный доводъ въ защиту Бориса Годунова. Онъ говоритъ, что Борисъ, отыскивая убійцъ, не могъ довѣряться цѣлой толпѣ соучастниковъ. Противъ этого довода С. М. Соловьевъ приводитъ такіа возраженія: „Обыкновенный убійца могъ обойтись безъ соучастниковъ и совѣтниковъ; но не могъ безъ нихъ обойтись правитель Годуновъ: не самому же ему было идти въ Угличъ для совершенія преступленія? И благоразумно ли было Годунову самому непосредственно сноситься съ убійцами? Ясно, что онъ долженъ былъ, для отклоненія всякаго подозрѣнія, дѣйствовать черезъ повѣреннаго, какимъ является Клешнинъ“. Но вѣдь Клешнинъ, близкій человѣкъ къ Годунову, отыскиваетъ убійцъ, сносится съ ними и такимъ образомъ выдаетъ тайну Годунова многимъ лицамъ. Если бы Битяговскіе, Качаловъ, Волоховъ остались живы, они или оговорили бы Клешнина, или оставили бы въ своихъ рукахъ страшную тайну Годунова. Неужели Годуновъ, привыкшій, безъ сомнѣнія, при дворѣ Грознаго все взвѣшивать, неужели онъ не принялъ бы во вниманіе такихъ простыхъ соображеній? Малѣйшее же указаніе на Клешнина давало уже врагамъ Годунова страшное противъ него оружіе; не забудемъ, что за Годуновымъ ревниво слѣдили Ромаповы и Шуйскіе съ ихъ многочисленнымъ родствомъ. Разчитать, что убійцы будутъ растерзаны пародомъ,—

трудно было; ибо нельзя было предвидѣть безумнаго поведенія Нагихъ, безъ котораго Битяговскіе, Качаловъ и Волоховъ ¹⁾ остались бы цѣлы. Еще прежде Волохова, Качалова и Битяговскаго Данилы, для убійства будто бы выбраны были Загряжскій и Чепчуговъ, которые отказались, не смотря на свою приверженность къ Годунову. Карамзинъ простодушно передаетъ разсказъ Никоновской, Ростовской и другихъ лѣтописей и говоритъ: „Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ, Владиміра Загряжскаго и Никифора Чепчугова, *одолженными милостями правителя*; но оба уклонились отъ сдѣланнаго имъ предложенія—готовые умереть за Бориса, мерзили душегубствомъ—обязались только молчать и съ сего времени были гонимы“. Болѣе провинцательный С. М. Соловьевъ обходитъ разсказъ о томъ, что Загряжскій и Чепчуговъ обязались только молчать и съ сего времени были гонимы. Ему неприятна Карамзинская защита лѣтописнаго разказа; онъ понимаетъ, что Карамзинъ оказываетъ плохую услугу этой защитѣ, и потому въ одномъ мѣстѣ вышеназваннаго „Обзора“ говоритъ, что защищаетъ лѣтописный разсказъ, а до Карамзина ему нѣтъ дѣла! Онъ забываетъ, что Карамзинъ буквально вѣрнѣе лѣтописному разказу. Возражая М. П. Погодину, С. М. Соловьевъ говоритъ такъ: „Говорятъ, Борисъ не могъ знать Загряжскаго и Чепчугова, отказавшихся исполнить его намѣреніе; онъ долженъ былъ или убить ихъ, или наградить безъ мѣры. Легко сказать исследователю: онъ долженъ былъ убить ихъ—трудно было Борису это сдѣлать. Борисъ искалъ приобрѣсть привязанность гражданъ милостями, а не казнями, всего болѣе боялся вооружить противъ себя общественное мнѣніе, и вотъ его заставляютъ убивать двухъ гражданъ безъ вины, или заставляютъ награждать ихъ черезъ мѣру, для возбужденія подозрѣній въ другихъ, для обнаруженія своей боязни предъ самими награжденными“. Впрочемъ, нельзя предположить, что М. Погодинъ могъ думать, чтобы Борису слѣдовало казнить публично Загряжскаго и Чепчугова, — это значило бы считать Бориса ограниченнымъ человѣкомъ. У Бориса было много средствъ отдѣлаться отъ Загряжскаго и Чепчугова; а въ покоѣ онъ могъ ихъ оставить только въ такомъ случаѣ, если бы рѣшился болѣе не возобновлять своего плана умерщвленія Дмитрія ²⁾). Повторяемъ, что

¹⁾ Просимъ читателей обратить вниманіе и на нецѣпный выборъ убійца—сына Волоховой, его пріятеля Качалова и сына дѣла Битяговскаго!

²⁾ О Чепчуговѣ и Загряжскомъ см. ниже—гл. III, разборъ лѣтописнаго разказа. Тамъ мы укажемъ, откуда взялись эти имена, казавшіяся Погодину баснословными.

никому не могло прійти въ голову „заставлять“ Бориса Годунова публично казнить Загряжскаго и Чепчугова и этою казнію возбудить противъ себя общественное мнѣніе. С. М. Соловьевъ дастъ такой оборотъ дѣлу, чтобъ избѣжать весьма существеннаго возраженія. Наградями же трудно было возбудить подозрѣніе, если Чепчуговъ и Загряжскій молчали, а если не молчали, то они должны были погибнуть. Но дѣло въ томъ, что Годунову нельзя было положиться на ихъ молчаніе. Годуновъ долженъ былъ, по словамъ С. М. Соловьева, опасаться чрезмѣрными наградами возбудить подозрѣнія! А не долженъ былъ Годуновъ опасаться, вѣряясь цѣлой толпѣ сообщниковъ?!

Вотъ все, что самый сильный защитникъ лѣтописнаго разказа представляетъ въ его защиту; и не смотря на эту слабую защиту, онъ смѣло говоритъ: „Въ лѣтописномъ разказѣ объ убіеніи царевича Дмитрія мы не находимъ никакихъ невѣроятностей и несообразностей; напротивъ, рассмотрѣвши его внимательнѣе, не трудно открыть ясныя слѣды достовѣрности“. Но мы видѣли, что основаніе, на которомъ зиждется лѣтописный разказъ, не сообразно съ здравымъ смысломъ: нельзя предположить, чтобы Борисъ Годуновъ (считая его злодѣемъ), такой умный человѣкъ, не нашелъ болѣе удобнаго и легкаго способа отдѣлаться отъ большаго отрока и вѣрилъ свою судьбу цѣлой кучѣ людей. Въ числѣ признаковъ достовѣрности лѣтописнаго разказа С. М. Соловьевъ ставитъ подробности, какія трудно было бы выдумать лѣтописцу,—собственныя имена Клешнина, Загряжскаго, Чепчугова, извѣстіе о томъ, что Григорій Васильевичъ Годуновъ былъ противъ насильственныхъ мѣръ; сюда относитъ онъ подробности объ убійствѣ, какъ Волоховъ спрашивалъ: „у тебя, государь, новое ожерелье?“ и какъ Дмитрій, поднявъ голову, отвѣчалъ ему; „нѣтъ, старое!“ — какъ покончили дѣло Битяговскій и Д. Качаловъ, какъ защищала царевича кормилица.

Опроверженіе всего этого разсужденія читатель найдетъ въ III-й главѣ, гдѣ будетъ показано, какъ сложился лѣтописный разказъ. Но теперь мы приступимъ къ разбору слѣдственнаго дѣла и постараемся показать, на сколько оно достовѣрнѣе лѣтописнаго сказанія.

II.

Разборъ слѣдственнаго дѣла.

а) В. И. Шуйскій и Наріе.

С. М. Соловьевъ опровергаетъ мнѣніе М. П. Погодина, что значеніе главнымъ слѣдователемъ В. И. Шуйскаго, человѣка изъ

враждебной Годунову фамилии, свидѣтельствуемъ о невинности Годунова. „Правда“, говоритъ С. М. Соловьевъ, — „князь Василій принадлежалъ къ фамилии, враждебной Годунову, дѣлавшей заговоры противъ послѣдняго; но что онъ самъ не участвовалъ въ этихъ заговорахъ, доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что онъ остался невредимъ и съ прежнимъ значеніемъ. Правда, что В. И. Шуйскій принадлежалъ къ фамилии, враждебной Годунову; но эта фамилия была также враждебна и Нагимъ, и Дмитрію; если, какъ выше было сказано, въ заговорѣ на жизнь удѣльнаго князя были всѣ сторонники Θεодора, то въ числѣ ихъ необходимо находился и В. И. Шуйскій“. Мы говорили уже о неосновательности гипотезы С. М. Соловьева относительно заговора цѣлой партіи на жизнь Дмитрія и здѣсь только укажемъ на произволъ и бездоказательность нашего почтеннаго историка. Вникните въ смыслъ вышеприведенныхъ словъ: *если* заговоръ былъ, то В. И. Шуйскій непременно участвовалъ въ немъ! Такія произвольныя *если* и *то* необходимы для историка, защищающаго лѣтописный разказъ о смерти царевича Дмитрія, разказъ, который есть ничто иное, какъ хитро распуценная, народомъ усвоенная, лѣтописцемъ закрѣпленная клевета на царя Бориса. Если бы даже предполагаемая партія существовала, то и тогда историкъ не имѣлъ бы никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ могъ бы предположить, что въ этой партіи безъ сомнѣнія участвовалъ и В. И. Шуйскій. Что же касается до мнѣнія С. М. Соловьева, что хотя В. И. Шуйскій и принадлежалъ къ фамилии, враждебной Борису, но самъ въ заговорахъ не участвовалъ, — то такое предположеніе возбуждаетъ множество вопросовъ. Развѣ историкъ видѣлъ имена заговорщиковъ? Развѣ были списки ихъ? Заговоръ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ ихъ С. М. Соловьевъ, безъ сомнѣнія не было; рядъ фамилій стоялъ враждебно противъ Годунова и въ челѣ этихъ фамилій стояла фамилія Шуйскихъ. Когда замыслы враждебныхъ Борису фамилій не удалось, когда опала постигла Шуйскихъ, то разумѣется, она постигла главныхъ членовъ этой фамиліи, въ числѣ которыхъ не былъ тогда Василій Ивановичъ. При этомъ не должно забывать хитраго характера главнаго Углицкаго слѣдователя, который всегда ловко умѣлъ вести интригу. „Здѣсь, однако, могутъ возразить“, продолжаетъ С. М. Соловьевъ, — „положимъ, что В. И. Шуйскій былъ противъ Дмитрія; но теперь, когда опаснаго царевича не стало, теперь князь Василій могъ вооружиться противъ Годунова“. Предполагая и выставляя такое возраженіе,

С. М. Соловьевъ опровергаетъ все, что передъ этимъ сказали; онъ сознается самъ, что Шуйскій не могъ быть за Годунова, иначе историкъ не сдѣлалъ бы такого предположенія и не выставилъ бы его въ видѣ возраженія. — Да, В. И. Шуйскій могъ быть только противъ, но не за Годунова. „Какъ онъ могъ это сдѣлать?“ продолжаетъ нашъ историкъ, какъ онъ могъ вооружиться противъ Годунова? — Отвѣчаемъ: это сдѣлать было бы легко, *если бы* царевичъ дѣйствительно былъ зарѣзанъ. Стоило В. И. Шуйскому собрать свѣдѣнія, какъ и за что побиты Волоховъ, Битяговскіе, Качаловъ и др., и еслибъ эти свѣдѣнія доказали, что царевичъ убитъ, то у В. И. Шуйскаго и его друзей и у всѣхъ враговъ Годунова было бы сильное орудіе противъ правителя. Битяговскіе дѣякъ и сынъ, слуги Годунова, участники убійства, одни могли бы бросить густую тѣнь на правителя. Нѣтъ сомнѣнія, что Шуйскіе, Романовы и другіе враги и соперники сумѣли бы воспользоваться, *если бы было чѣмъ*. Но въ томъ-то и дѣло, что нечѣмъ было воспользоваться. В. И. Шуйскій ¹⁾, а за нимъ и другіе слѣдователи, види, что царевичъ закололся нечаянно самъ, не потрудился даже обстоятельно изслѣдовать ту часть дѣла, которая касалась причинъ побіенія Битяговскихъ и его друзей. И въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ при разборѣ слѣдственнаго дѣла, В. И. Шуйскій дѣйствовалъ въ пользу Нагихъ, а не Годунова. И здѣсь-то, можетъ быть, посяло было первое сѣмя смутнаго времени; ибо здѣсь несомнѣнно произошло сближеніе В. И. Шуйскаго съ Нагими, съ которыми онъ дѣйствовалъ за одно и при вступленіи самозванца, и при сверженіи его. Такимъ образомъ, М. П. Погодинъ былъ правъ, выставляя назначеніе В. И. Шуйскаго въ числѣ доказательствъ невинности Бориса Феодоровича Годунова. — „Борисъ“, говоритъ С. М. Соловьевъ, „оставивши Шуйскаго Клешиппимъ и Геласіемъ, могъ-быть покоснѣ“. Хороша же была солидарность Годунова и В. И. Шуйскаго, если Борисъ могъ быть покоснѣ только при извѣстной обстановкѣ. Разумѣется, странно было бы требовать, чтобы Годуновъ составлялъ слѣдственную комиссію только изъ враговъ своихъ; но составъ комиссіи свидѣтельствуетъ его о благоразуміи Бориса Годунова, и о желаніи его отклонить отъ себя всякое нареканіе назначеніемъ В. И. Шуй-

¹⁾ С. М. Соловьевъ дѣлаетъ предположеніе, что царевича погубила цѣлая партія; а отчего же не сдѣлать предположенія, что партія, враждебная Годунову, настояла на назначеніи слѣдователемъ князя В. И. Шуйскаго?

скаго, принадлежавшаго къ враждебной ему фамиліи. Не извѣстно, на какомъ основаніи нашъ историкъ считаетъ главнымъ лицомъ при слѣдствіи митрополита Геласія. Слѣдствіе производилось княземъ Василюмъ Ивановичемъ Шуйскимъ, окольничимъ Андреемъ Петровичемъ Клешинымъ и дьякомъ Елизаріемъ Вылузгинимъ. Они производили допросы, а Геласій былъ только довѣреннымъ лицомъ отъ царя и правителя. Какъ духовное лицо, онъ докладывалъ о дѣлѣ собору, какъ духовное лицо, по обычаю печаловаться за несчастныхъ, онъ принималъ челобитную Русина Ракова. Все это еще далеко не доказываетъ первенствующей роли Геласія. Но на какомъ основаніи и какое право имѣетъ историкъ считать митрополита Геласія способнымъ скрыть не только простое убійство, а убійство царевича, брата государя, о которомъ послѣдній плакалъ горько, и безъ сомнѣнія, искренно? Неужели только потому, что Борисъ помогъ Геласію занять митрополичій престолъ? Достаточно ли это основаніе для тяжкаго обвиненія, взводимаго на Геласія? Геласій, безъ сомнѣнія, былъ преданъ Годунову; но отъ преданности до готовности закрыть такое преступленіе — огромная разница! Объ окольничемъ Клешиинѣ говорится еще произвольнѣе: „Товарищемъ его (то-есть, Василя Ивановича Шуйскаго) былъ окольничій Клешиинъ, тотъ самый, котораго лѣтопись представляетъ главнымъ дѣятелемъ въ заговорѣ, которому, *смысленно*, извѣстенъ былъ весь планъ, у котораго было *все приготовлено*“ (!) Какой планъ — какъ схватить царевича за ожерелье и какъ заколотъ его? Если бы совершилось убійство, и совершилось такъ, какъ передаетъ лѣтописный разказъ, то мы положительно могли бы сказать, что никакого плана не бывало.... Да и что же такое *все было приготовлено*?... Выставивъ сначала В. И. Шуйскаго соучастникомъ Годунова ¹⁾, С. М. Соловьевъ оканчиваетъ тѣмъ, что представляетъ этого хитраго человѣка совершенно во власти Клешиина, какимъ-то безсознательнымъ орудіемъ послѣдняго. Неужели В. И. Шуйскій былъ такимъ человѣкомъ, который поддавался бы обману Клешиина, зная, что онъ преданный слуга Годунова? „Что было дѣлать В. И. Шуйскому, если Клешиинъ выставилъ передъ нимъ толпу людей, которые всѣ единогласно свидѣтельствовали, что царевичъ накололся ножомъ самъ?“ Откуда все это взято? Неужели В. И. Шуйскій былъ такимъ человѣкомъ, которому можно было выставить толпу людей, говорившихъ то, что угодно Клешиину? (О Клешиинѣ, какъ о мнимомъ участникѣ заговора, мы скажемъ при разборѣ лѣтописныхъ сказаній).

Между Нагими первое мѣсто занимаетъ царица Марья Теодоровна, главная виновница страшныхъ золъ, постигшихъ Россію. Седьмая (если не восьмая) супруга Іоанна Грознаго; она, съ первыхъ дней своего замужства, жила подѣ страхомъ не сегодня, такъ завтра попасть въ монастырь, если не въ ожиданіи чего-нибудь худшаго. „Въ самый первый годъ сего несчастнаго брака“, говоритъ Карамзинъ, — „уже зная беременность Маріи¹⁾, Іоаннъ дѣйствительно искалъ себѣ знатной невѣсты въ Англии, чтобъ еще болѣе укрѣпить дружественную связь съ Елизаветою“. Передъ смертію Іоаннъ сваталъ Марію Гастингсъ. Умираетъ Іоаннъ; Марія Теодоровна удалена въ Угличъ; съ нею отправлены и братья ея. Удаленная съ сыномъ и братьями въ Угличъ, она естественно воображала, что вражда Годунова грозитъ опасностію ея сыну, и безъ сомнѣнія, преувеличивала значеніе слуховъ, доходившихъ до нея о дѣйствительной или мнимой враждѣ Годунова. Подобные слухи легко могли возникать, ибо, судя по ссорамъ Нагихъ съ М. Витяговскимъ, Годунову не разъ приходилось или отказывать Нагимъ, или посылать имъ выговоры. И царица Марья, и вся семья ея не отличались особеннымъ умомъ и не могли составить себѣ плана, какъ держать себя, сообразно обстоятельствамъ. Вслѣдствіе безтактности они, безъ сомнѣнія, часто попадали въ неловкое положеніе, и въ раздраженіи высказывались угрозы, которыя безсознательно повторялъ Димитрій. Слухи объ этомъ должны были доходить и до Годунова; взаимное раздраженіе усиливалось: Толки, слухи, догадки должны были выростать не по днямъ, а по часамъ. Когда же случилась смерть царевича, эти толки и догадки открыли широкій просторъ народному воображенію... Все это положительно можно вывести изъ несомнѣнной вражды М. Витяговскаго съ Нагими, и этимъ психическимъ анализомъ только и можно объяснить извѣстіе объ угрозахъ царевича (см. III-ю главу).

Не мудрено, что подѣ влияніемъ такихъ впечатлѣній царица Марья Теодоровна, пораженная смертію сына, почти помѣшалась. Въ полночь послѣ роковаго дня, Аванасій Нагой прискакалъ въ Ярославль, къ жившему тамъ въ ссылке Англичанину Горсею, своему пріятелю. Онъ сообщилъ ему (разумеется, на основаніи слуховъ, пущенныхъ его же братьями), что дѣтки зарѣзали царевича, и что царица Марья отравлена или испорчена, и просилъ лекарства. „Вѣроятно“, говоритъ Н. И. Костомаровъ, передавая извѣстіе Горсея, — „матери, отъ

¹⁾ Можеть-быть, болѣзнь царевича получила начало еще во чревѣ матери.

потрясенія произведеннаго смертію сына, стало дурно; это, по обычаю того времени, объяснено было порчею, и брату ея естественно было обратиться къ иноземцу и попросить у него какой-нибудь заморской хитрости“. Можно думать, что царицѣ Марьѣ, жившей постоянно въ страхѣ при мужѣ, въ постоянномъ раздраженіи во время вдовства, можно думать, что ей не только стало дурно, но что она просто помѣшалась. Помѣшательство приняло характеръ какого-то безопаснаго озлобленія ¹⁾. Иначе нельзя объяснить, почему она, черезъ два дня по смерти сына, приказала умертвить породившую женку, живущую у Витяговскихъ и ходившую къ Андрею Пагому. Царица велѣла убить ея, потому что ей пришло въ голову, что эта женщина портила царевича.

Братья царицы были люди ничтожные и злобные. Эта злоба развилась въ нихъ вслѣдствіе того, что, по недостатку умственныхъ силъ, ни одинъ изъ нихъ не игралъ и не могъ играть никакой важной роли. Вражда ихъ къ Годунову была унаслѣдована отъ отца. Есть извѣстіе, что Феодоръ Пагой думалъ войти въ довѣренность Грознаго клеветая на Бориса Годунова. Во время семейной катастрофы, когда Грозный, не привыкшій сдерживать порывы гнѣва своего, наказалъ былъ страшною смертію старшаго своего сына, Борисъ осмѣлился заступиться за царевича и былъ избитъ Грознымъ до такой степени, что лежалъ больной. Тогда Феодоръ Пагой донесъ царю, что Борисъ притворился. Разгнѣванный царь явился къ Борису, и клевета Пагого обнаруживается: тогда Грозный приказалъ врачу Строганову сдѣлать заволоки на бокахъ и груди тестю своему Феодору Пагому. Этотъ разказъ, приводимый Карамзинымъ по Латухинской Степенной книгѣ, можетъ-быть, и не совсемъ точенъ въ своихъ подробностяхъ, но онъ, безъ сомнѣнія, вѣрно рисуетъ положеніе Пагихъ и зависть ихъ къ людямъ, которые пользовались довѣренностію царя. Это такъ и должно было быть, ибо ни отецъ, ни братья царицы не пользовались ни малѣйшимъ довѣріемъ Грознаго, и по свойству людей подобнаго рода, приписывали это врагамъ, завистникамъ. Удаленіе въ Угличъ еще

¹⁾ Характеръ помѣшательства рисуетъ намъ вполне и обычный характеръ этой женщины — дурной отъ природы и еще болѣе испорченный обстоятельствами. Отсутствие нравственныхъ убѣжденій доказывается ея поведеніемъ при и послѣ самоубійства, ея злость — поведеніемъ по смерти сына. Справедливо замѣчаетъ М. П. Погодинъ, что исторіографъ сгладилъ грубыя черты этого характера и скрылъ все зло, которое эта женщина принесла Россіи. (См. III-ю и IV-ю главы нашего изслѣдованія).

болѣе должно было раздражить Нагихъ, тѣмъ болѣе, что они и здѣсь были подъ надзоромъ царскихъ чиновниковъ. Притязанія ихъ встрѣчали противодѣйствіе въ дьякѣ Михаилѣ Битяговскомъ; между Михаиломъ Нагимъ и Михаиломъ Битяговскимъ происходили постоянныя ссоры. „Дьяки“ стали Нагимъ ненавистны, и что мудренаго, что при такихъ отношеніяхъ смерть царевича приписали дьякамъ. „Дьяки убили царевича“, говоритъ Аванасій Нагой.

в) Разборъ показаній относительно смерти царевича Дмитрія.

Во вторникъ, 19-го мая 1591 года, вечеромъ прибыла въ Угличъ слѣдственная коммиссія. Слѣдователи: князь В. И. Шуйскій, дьяки Клешининъ и Вылузгинъ, спросили Михаила Нагого: „Которымъ обычаемъ царевича Дмитрія не стало, и что его болѣзнь была, и для чего онъ велѣлъ убить Михаила Битяговскаго и Михайлова сына Данила и Микяту Качалова и Данила Третьякова и Осипа Волохова и посадскихъ людей и Михайловыхъ людей Битяговскаго и Осиповыхъ Волохова, и для чего онъ во вторникъ велѣлъ собирать ножи и пищали и палицу желѣзную и сабли и власти на убитыхъ людей; и посадскихъ и изъ селъ многихъ людей для кого собиралъ и почему прикащика городского Русина Ракова приводилъ къ цѣлованью¹⁾, что ему стояти съ нимъ за одинъ и противъ кого имъ было стоять?“

Изъ этихъ вопросовъ ми видимъ, что слѣдователи начали допросы— или собравъ уже предварительныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Угличѣ, или получивъ о нихъ извѣстія отъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями событій. Иначе и быть не могло: нельзя же было имъ пачать распрашиванія, какъ было дѣло, прямо съ Нагихъ, то-есть, съ людей наиболѣе заинтересованныхъ въ скрытіи убійства лицъ, поименованныхъ въ вопросномъ пунктѣ¹⁾.

Но С. М. Соловьевъ смотритъ на дѣло иначе; онъ говоритъ: „Притѣхали вечеромъ 19-го и что же спросили? Не о томъ только, какъ приключилась смерть царевичу и какія были ея слѣдствія, — *но спросили*, какаѣ болѣзнь была у царевича, зачѣмъ онъ, Нагой, велѣлъ убить извѣстныхъ людей, зачѣмъ велѣлъ на нихъ положить оружіе, зачѣмъ собиралъ людей, зачѣмъ приводилъ городского прикащика ко

¹⁾ Мы останавливаемся сначала на показаніи Нагихъ; хотя ихъ показанія не объясняютъ, какъ погибъ царевичъ, но они вводятъ насъ въ тотъ хаосъ, который царилъ тогда въ Угличѣ, и даютъ положительное свидѣтельство, что никто изъ Нагихъ не выдастъ, какъ погибъ царевичъ.

кресту?" Что же смущает историка въ этихъ вопросахъ? Откуда они все это узнали? спрашиваетъ онъ. Что они знали уже все, это ясно; но откуда они узнали, мы положительныхъ свѣдѣній не имѣемъ, потому что начала слѣдственнаго дѣла до насъ не дошло. Но кромѣ того, что слѣдователи уже въ дорогѣ могли получить свѣдѣнія (не даромъ, какъ увидимъ ниже, М. Нагой старался перехватывать всѣхъ ѣдущихъ въ Москву и изъ Москвы), они могли собрать эти свѣдѣнія и въ городѣ. Прежде всего они должны были обратитися къ остаткамъ городскихъ (полицейскихъ) властей, спросить уцѣлѣвшихъ отъ побоища городовыхъ служителей. Если слѣдователи въ Москвѣ или на дорогѣ не получили свѣдѣній — то въ Угличѣ, очень можетъ-быть, однимъ изъ первыхъ явился къ нимъ городской прикащикъ Русинъ Раковъ, а за нимъ и другіе. Однимъ словомъ, у слѣдователей довольно было средствъ разузнать, въ чемъ дѣло, и потомъ приступить къ слѣдствію ¹⁾).

Что же на эти вопросы отвѣчалъ Михаилъ Нагой? Михайло Нагой показалъ, что, услыхавъ звонъ у Спаса и подумавъ, что гдѣ-нибудь горитъ, онъ побѣжалъ на дворъ къ царевичу, „а царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ да Микита Качаловъ, да Данило Битяговскій“. Онъ самъ этого не видалъ, а кто ему сказалъ—объ этомъ ни слова, и слѣдователи тоже ни слова не спросили. Изъ послѣдующаго хода дѣла мы увидимъ, что виновницей этого слуха была царица Марья, и потому слѣдователи всячески обходили этотъ вопросъ. Далѣе Михаилъ Нагой говорилъ, что онъ не приказывалъ побивать убійцъ, не приказывалъ Ракову собирать ножи, пицали и власть на побитыхъ людей, къ крестному цѣлованью Русина Ракова не приваживалъ, и что Русинъ Раковъ „самъ отъ себя все это дѣлалъ“. Зачѣмъ же все это было дѣлать Русину Ракову? Онъ не видалъ не только смерти царевича, но даже и побіенія Битяговскихъ и другихъ. „Русинъ Раковъ самъ отъ себя все это дѣлалъ!“ Въ этихъ словахъ такъ и слышится дѣтское заpiresательство ограниченнаго человѣка. Это заpiresательство, выраженное въ такой простой, обычной формѣ, съ перваго же раза показываетъ, что отвѣты записывались точно, со словъ показателей. Другого оправданія ограниченный Михаилъ Нагой придумать и не могъ.

Русинъ Раковъ въ свое оправданіе сослался на брата Михаила Нагого Григорія и на Михайлова человѣка Бориску Офонасьева, у

¹⁾ Искусень былъ приемъ слѣдователей или итъ, правленъ или неправленъ, — это другое дѣло; но предварительныя свѣдѣнія они могли, и по нашему мнѣнію, должны были собрать.

котораго опъ, по приказанію Михайла Нагого, спрашивалъ такого ножа, который удобно было бы положить на тѣла побитыхъ. Бориско Офонасьевъ сказалъ, что такой погайскій ножъ есть у Григорія Нагого, и что Григорій Нагой сказалъ—есть у него такой ножъ, но что ножъ этотъ подъ замкомъ, а ключъ у брата Михайла. Бориско ходилъ за ключемъ къ Михайлу, который и прислалъ ключъ къ брату Григорію. Послѣдній отперъ ножъ и передалъ его Русину Ракову. Григорій Нагой и Бориско Офонасьевъ подтвердили это показаніе: Бориско Офонасьевъ, кромѣ того, подтвердилъ и показаніе Русина Ракова, что Михайлъ Нагой велѣлъ собирать ножи и еще вѣять палицу у Битяговскаго и приказалъ положить и ножи, и палицу на убитыхъ. Соборный священникъ Степанъ показалъ на счетъ палицы нѣсколько иначе, именно, что Михайло Нагой велѣлъ Русину Ракову *палицу одну сберечь, какъ де и тои палица попытають, к ти бы де и палица не пропала*. С. М. Соловьевъ останавливается на этомъ противорѣчій и говоритъ: иное дѣло беречь, иное дѣло положить на трупы. Изъ показаній видно, что М. Нагой былъ мертво пьянъ; но не смотря на это, онъ не могъ потерять совершенно чувство самосохраненія и то, что онъ говорилъ Русину Ракову и своему дворовому человѣку, онъ могъ и не сказать при священникѣ Степанѣ; не смотря на свое пьяное состояніе, Михайлъ Нагой не могъ отдавать подобныхъ приказаній при такомъ свидѣтелѣ, какъ соборный священникъ. Но если даже Михайлъ Нагой и отдавалъ приказаніе только беречь палицу, то зачѣмъ беречь? Конечно, съ цѣлю положить на убитыхъ. Показаніе священника Степана только доказываетъ вину Мих. Нагого. Битяговскіе были убиты; кто же отнесъ палицу назадъ, если она была съ нимъ, а если съ нимъ не было опой, то зачѣмъ ее беречь? Кромѣ того, что при священникѣ Степанѣ онъ говорилъ сдержаннѣе, онъ еще и путался въ своихъ распоряженіяхъ. Цѣлность же этихъ распоряженій подтверждаетъ только показаніе на счетъ пьянаго состоянія М. Нагого. Цѣлность распоряженій и дѣйствій Михайла Нагого, вслѣдствіе его пьянаго состоянія и страха, не только не даетъ повода заподозрить слѣдственное дѣло, но говорить въ его пользу: всѣ дѣйствія, всѣ распоряженія М. Нагого запечатлѣны такою психологическою правдою, которую придумать нельзя,—всѣ распоряженія соотвѣтствуютъ его характеру и положенію. Показанія Русина Ракова, Бориски Офонасьева, Григорія Нагого и священника Степана вполне это подтверждаютъ.

„Какъ бы то ни было“, говоритъ С. М. Соловьевъ,—„поведеніе На-

гихъ, по смерти Димитрія, *есть обстоятельство побочное (!)* и ничего не объясняетъ намъ относительно сущности дѣла; велѣлъ ли Михаилъ Нагой положить оружіе на трупы, или нѣтъ,—это нисколько не служитъ къ ихъ оправданію или къ ихъ обвиненію“. Странно, что историкъ нашъ такъ легко относится къ этому вопросу и называетъ поведеніе Нагихъ дѣломъ побочнымъ! Хлопоты о томъ, чтобы достать оружіе, и положеніе онаго на трупы убитыхъ свидѣлствуютъ явно о намѣреніи скрыть преступленіе, то-есть, безвинное побиеніе Витяговскихъ и ихъ друзей, *и вмѣстѣ съ другими обстоятельствами рѣшительно служатъ къ обвиненію Нагихъ и особенно Михаила*. Эта же преступная дѣятельность М. Нагого свидѣлствуетъ и о томъ, что ему нужно было настаивать на слухѣ, что царевича зарѣзали. Иначе какъ онъ могъ бы объяснить побіеніе столькихъ невинныхъ людей? С. М. Соловьевъ ставитъ, и совершенно справедливо, въ упрекъ слѣдственному дѣлу, что М. Нагого не свели на на очныя ставки ни съ Русиномъ-Раковымъ, ни съ Бориской Офонасьевымъ; но только отсутствіе очныхъ ставокъ было скорѣе въ пользу Михаила Нагого, чѣмъ во вредъ. Вина его слишкомъ очевидна и доказывается, какъ увидимъ ниже, кромѣ показаній Русина-Ракова и Бориски, и другими важнѣйшими показаніями, и глупымъ отвѣтомъ, что Русинъ-Раковъ все это сдѣлалъ самъ по себѣ. Здѣсь, при самомъ началѣ слѣдствія, мы встрѣчаемся съ чертой, о которой будемъ говорить не разъ, а именно—съ постояннымъ стараніемъ отклонить излишніе распросы о дѣйствіяхъ Нагихъ и тѣмъ, на сколько было возможно, смягчить вину ихъ. Но еще важнѣе, что Михаила Нагого не потрудились спросить: кто ему сказалъ, что царевича зарѣзали? И опять-таки не спросили потому, какъ увидимъ далѣе, что распросы вели къ виновницѣ всей Углицкой трагедіи, къ сестрѣ Михаила Нагого, къ Марьѣ Θεодоровнѣ Нагой. Что М. Нагой самъ не видалъ смерти царевича,—это ясно изъ его показанія. Карамзинъ говоритъ: „Свидѣтельство истины, мірское, единогласное было утаено: записали только отвѣты Михаила Нагого, какъ-бы явнаго клеветника, упрямю стоящаго на томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ“. Справедливо замѣчаетъ М. П. Погодинъ по поводу этихъ словъ историографа: Чтò значило показаніе жителей цѣлаго города Углича, когда они не видали, какимъ образомъ царевичъ лишился жизни? Въ этомъ случаѣ важно было показаніе очевидцевъ, всѣ прочіе могли только догадываться. При томъ записано было показаніе не только М. Нагого, но и брата его Андрея.

Такимъ образомъ, показаніе М. Нагого относительно рода смерти царевича, голословно и даже преднамѣренно.

Григорій Нагой далъ совсѣмъ иное показаніе, чѣмъ братъ его Михаилъ. Вотъ оно: „Въ субботу онъ съ братомъ Михаиломъ отправился на подворье, и когда зазвонили въ колокола, они прибѣжали на дворъ къ царевичу Димитрію и увидѣли, что царевичъ лежитъ, *набрушился самъ въ подучей болѣзни*,—и добавилъ, что царевичъ еще былъ живъ. По поводу этого показанія С. М. Соловьевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Григорій Нагой не разсудилъ прибавить обстоятельствъ важныхъ: въ какомъ положеніи онъ засталъ царевича (кормилица показала, что онъ скончался на ея рукахъ), былъ ли у него или подлѣ него маленькій ножъ, которымъ онъ игралъ? И слѣдователи не заблагоразсудили объ этомъ спросить у него, *удовольствовались (?)* голословнымъ показаніемъ челоуѣка не-очевидца“. Замѣчаніе совершенно справедливое съ точки зрѣнія писателя XIX вѣка; но слѣдователямъ XVI вѣка такія тонкости могли и не прійти въ голову. Гораздо важнѣе то обстоятельство, что слѣдователи не спросили, какимъ образомъ Михаилъ и Григорій Нагіе пришли вмѣстѣ, а показываютъ столь различно? Причину этого увидимъ ниже, а теперь обратимся къ показанію Андрея Нагого.

Андрей Нагой показалъ: „Царевичъ на заднемъ дворѣ игралъ черезъ черту пожемъ и закричали на дворѣ, что царевича не стало, сбѣжала царица съ верьху, сбѣжалъ и онъ—онъ въ тѣ поры сидѣлъ у ѣствы, — засталъ онъ, сбѣжавши съ верьху, царевича мертвымъ на рукахъ у кормилицы, а сказываютъ, что его зарѣзали, а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ, а на царевичѣ была падучая болѣзнь“. И далѣе, ни кѣмъ не спрашиваемый, онъ простодушно показалъ, какіе припадки бывали у царевича прежде, показалъ, *какъ въ болѣзни царевичъ на встѣхъ бросался, какъ въ ювѣнье у его дочери обѣтъ руки, да и у нсю у Ондрея царевичъ руки ѣдалъ же въ болѣзни, и у жильцевъ и у постольцевъ*, что въ это время царевичъ кусалъ, что попало. Свое показаніе Андрей Нагой заключаетъ такими словами: „*а онъ былъ у царевича тѣла безотлучно, и тѣло царевича онъ внесъ въ церковь*“.

Это показаніе очень важно: вопервыхъ, изъ него видно, что царевичъ игралъ черезъ черту ножомъ на заднемъ дворѣ; вторыхъ, оно обстоятельно описываетъ припадки, которые бывали съ царевичемъ.

Но кромѣ того, въ показаніи Андрея Нагого встрѣчается весьма важное противорѣчіе съ показаніемъ Григорія Нагого: Григорій На-

гой прибѣжалъ съ своего подворья и засталъ Димитрія еще живымъ, Андрей же прибѣжалъ съ верьху и засталъ его мертвымъ. С. М. Соловьевъ говоритъ, что эти показанія, по своему явному противорѣчію и утайкѣ главныхъ обстоятельствъ дѣла, должны быть отстранены и заподозрѣны. Это должны были сдѣлать слѣдователи—и сдѣлали, ибо не припили показаній Михаила и Андрея Нагихъ объ убійствѣ царевича Димитрія; мы же теперь должны подумать, что можно извлечь изъ этихъ противорѣчивыхъ показаній? Показаніе Григорія Нагого, что царевичъ „набрушился“ самъ въ падучей болѣзни, получаетъ значительную степень достовѣрности вслѣдствіе показаній Андрея Нагого о припадкахъ, и прежде бывавшихъ съ царевичемъ, и показанія о томъ, что царевичъ игралъ на заднемъ дворѣ ножомъ черезъ черту. Что же касается до рода смерти царевича, то Андрей Нагой показалъ только, что онъ слышалъ, что убили, а кто— не знаетъ. Показанія относительно болѣзненныхъ припадковъ имѣютъ характеръ положительный; относительно же рода смерти царевича въ показаніяхъ Андрея Нагого мы видимъ уклоненіе, изворотливость. Во-первыхъ, онъ не говоритъ отъ кого слышалъ, то-есть, не хочетъ назвать царицы Марьи; а во-вторыхъ, какимъ образомъ онъ не слышалъ, кто убилъ царевича, когда изъ-за этого слуха побили столько людей? Какъ это онъ ничего не знаетъ, когда сбѣжалъ вслѣдъ за царицей? Это уклоненіе, видимо, въ пользу Михаила Нагого и царицы Марьи: онъ не могъ прямо указать ни на кого, но своимъ неопредѣленнымъ показаніемъ — слышалъ, что убили, а кто не знаетъ, — онъ оказывалъ нѣкоторую помощь Михаилу Нагому и царицѣ Марьѣ. Не отъ этого ли и противорѣчіе его съ Григоріемъ Нагимъ относительно того обстоятельства, что онъ, прибѣжавъ съ верьху, не засталъ царевича въ живыхъ, между тѣмъ, какъ Григорій, прибѣжавъ съ подворья, засталъ его еще живымъ? Можно ли было Андрею Нагому показать, что онъ засталъ царевича въ живыхъ? Это значило бы, что преступленіе только что совершилось; какимъ же бы образомъ онъ могъ сказать, что онъ не знаетъ, кто убилъ? Слѣдователи не спрашивали и Андрея Нагого и опять по той же причинѣ, по которой не спрашивали и Михаила. Имъ не хотѣлось собирать массу доказательствъ на голову царицы Марьи, и потому они довольствовались показаніемъ Андрея Нагого, что онъ самъ не видалъ, какъ случилась смерть царевича. Замѣтимъ разъ на всегда, что слѣдователи преимущественно обращали вниманіе только на фактъ смерти царевича, мало занимаясь вопросами, по ихъ мнѣнію, второстепен-

ными. Причину этого увидимъ въ заключеніи нашего изслѣдованія. Изъ показаній Нагихъ видно несомнѣнно, что при слѣдствіи не было никакихъ понужденій; ибо если Михаила и Андрея Нагихъ не могли заставить показать, что царевичъ „набрушился“ самъ пожемъ, то какимъ образомъ и почему могли бы заставить показывать такъ Григорія? Мы думаемъ, что у Григорія не было этой возможности, и что его легко могли бы обличить, какъ увидимъ ниже изъ разбора показаній Волоховой. Михаилъ поднялъ бурю, возбуждалъ къ убійству Битяговскихъ и другихъ, Андрей оставался совершенно въ сторонѣ, а Григорій билъ полѣномъ Волохову, и вѣроятно, передъ этимъ спрашивалъ женщинъ, бывшихъ при смерти царевича. Всѣ показанія Нагихъ соотвѣтствуютъ ихъ поведенію во время кагастрофы: Михаилъ Нагой, какъ мы уже сказали, стоитъ твердо на томъ, что царевича зарѣзали Волоховъ, Качаловъ, Д. Битяговскій—ибо это показаніе служило объясненіемъ, почему эти люди побиты, и слѣдовательно, оправданіемъ ему, что онъ въ ихъ побіеніи не виноватъ. Андрей Нагой, ничего не дѣлавшій, своимъ неопредѣленнымъ показаніемъ прикрываетъ брата. Григорій Нагой, бывший Волохову, билъ ее, безъ сомнѣнія, за недосмотръ и потому не могъ иначе показать, какъ только правду, что царевичъ въ падучей болѣзни „набрушился“ на ножъ ¹⁾).

Теперь перейдемъ къ важнѣйшей части слѣдственнаго дѣла — къ показанію очевидцевъ. М. П. Погодинъ, въ своей высокозамѣчательной статьѣ: „Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія“, задаетъ себѣ такой вопросъ: „Кто былъ свидѣтелемъ убійства? Только три женщины съ нѣсколькими дѣтьми — мамка Волохова, преданная Борису, кормилица Тучкова, преданная царицѣ (хотя сія послѣдняя и не совсѣмъ довѣряла ей), и постельница Колобова“. Во первыхъ, не извѣстно, почему въ числѣ очевидцевъ пропущенъ Юдинъ, а во вторыхъ, не извѣстно откуда авторъ, не вѣрующій въ лѣтописный разказъ, беретъ извѣстіе о преданности Волоховой Борису и о преданности Ждановой-Тучковой царицѣ? „Волохова“, говоритъ онъ, „могла выдумывать въ пользу Бориса, кормилица могла лгать по повелѣнію царицы, и ихъ равносильныя свидѣтельства уничтожаются сами собою“. Такъ запутывалъ себя писатель, который, вмѣстѣ съ Арцы-

¹⁾ Мы слѣдимъ дѣло шагъ за шагомъ, и потому да не поспѣютъ читатели, если встрѣтить у насъ необходимыя повторенія. Только такимъ кропотливымъ разборочъ можно вполне уяснить дѣло, и мы считаемъ своимъ долгомъ болѣе умать объ истинѣ, чѣмъ о гладкости изложенія.

башевымъ и Краевскимъ, стоялъ ближе всѣхъ къ истинѣ. Все это зависѣло отъ того, что онъ не далъ себѣ труда подробно рассмотреть слѣдствіе. М. П. Погодина поразила только неправдоподобность лѣтописнаго разказа; но онъ не сопоставилъ этотъ разказъ съ слѣдственнымъ дѣломъ, отъ чего его изслѣдованіе и не достигло цѣли, не смотря на множество разсыпанныхъ въ немъ прекрасныхъ, отдѣльныхъ замѣчаній. Такъ, онъ дѣлаетъ превосходное замѣчаніе, что первые слухи въ городѣ разнесены были стороною Нагихъ, ибо Борисовы слуги лежали мертвы, а другіе боялись подобной же участи. Мы въ послѣдствіи разъяснимъ и разовьемъ это прекрасное замѣчаніе, а теперь рассмотримъ показаніе Волоховой.

Пусть читатель откинетъ предубѣжденія, съ дѣтства пропитавшія его дупу не только недоувѣріемъ, но и ненавистію къ этому лицу; пусть откинетъ эти враждебныя чувства и явится строгимъ, но справедливымъ и безпристрастнымъ судьей. Строгое и спокойное безпристрастіе гонитъ иллюзіи, но въ замѣнъ ихъ даетъ истину. Показанія Василисы Волоховой такъ важны, что, передавая ихъ вполнѣ, въ важнѣйшихъ мѣстахъ словами слѣдственнаго дѣла, мы просимъ читателя внимательно просмотрѣть ихъ. Онъ увидитъ, что эти показанія запечатлѣны естественною правдоподобностію, а не искусственною, что докажемъ и ходомъ дѣла, и психическимъ анализомъ этихъ показаній. Вотъ они: „Въ среду царевичъ разболѣлся падучею болѣзнію и только въ пятницу стало ему легче, и тогда царица взяла его съ собою къ обѣднѣ и *пришотчи отъ обѣдни вельми ему на дворъ погулять*; а на завтра, въ субботу, тоже: *пришотчи отъ обѣдни, царица вельми царевичу на дворъ итти гулять*, а съ царевичемъ были: она Василиса, да кормилица Орна, да маленькіе робитки жильцы, да постельница Марья Самойлова; а игралъ царевичъ ножикомъ, и тутъ на царевича пришла опять та жъ черная болѣзнь—и бросило его о землю и тутъ царевичъ самъ себя ножомъ покололъ въ горло *и было съо домо*, да тутъ его и не стало. „Прежде“, продолжала Василиса Волохова, „бывали такіе же припадки: царевичъ обѣлъ руки у Андрѣевой дочки, такъ что едва отняли, разъ накололъ ножомъ мать свою; „и какъ царевичъ въ болѣзни покололся ножомъ и царица Марья съжалала на дворъ и почала еъ Василису царица Марья бити сама по-льмомъ и юлоу пробилла во многихъ мѣстахъ и почала ей Василису приговаривать, что будто сынъ ее Василисинъ Осипъ съ Михайловымъ сыномъ Гитиловскаго, да Микита Качиловъ царевича Дмитрія заръзали, и она Василиса почала ей бити челомъ, чтобы велѣла ца-

рица дати сыскъ праведной, а сынъ еѣ и на дворъ не бывалъ и царица де велѣла еѣ тѣмъ же полѣномъ бити по бокамъ Григорью Нагово и тутъ еѣ чуть живу покипули за мертво и почали звонити у Спаса въ колокола, и многіе люди посацкіе и всякіе люди прибѣжали на дворъ; и царица де Марья велѣла еѣ Василису взяти посацкимъ людемъ и мужики де еѣ взяли и еѣ ободрали и простоволосу еѣ держали передъ царицею, и прибѣжалъ де на дворъ Михайло Битювскій и началъ было разговаривать посацкимъ людемъ и Михаилу Нагому и царица де Марья и Михайло Ногой велѣли убити Михайла Битюговскаго и Михайлова сына и Микиту Качалова и Даніила Третьякова, и говорила де царица міру: *то де душесубицъ царевича*. А сынъ еѣ Осипъ *вѣтпоры былъ у себя* и какъ почалъ шумъ быти великой и сынъ еѣ Осипъ прибѣжалъ къ Михайловой женѣ Битюговскаго и тутъ его и поймали посацкіе люди и привели его *еще жива передъ царицу и Михайлову жену Битюговскаго съ дочерьми передъ царицу же привели*; и царица де міру молила: то де и убойца царевичю сыпъ еѣ Осипъ Волоховъ и сына еѣ Осипа тутъ до смерти и убили; а убивъ и прохлкали, что надъ зайцемъ“.

Далѣе Волохова разказываетъ, какъ убили челоуѣка ихъ Васку (Ваську), который хотѣлъ зацѣтити Осипа Волохова, а другаго убили за то, что шапкой прикрылъ простоволосую Волохову, и въ заключеніе говоритъ объ умерщвленіи, черезъ два дня по смерти царевича, породивой жонки, которая убита была по приказанію царицы Марьи только потому, что она была вхожа къ Битюговскимъ или жила у нихъ и хаживала къ Андрею Нагому. Царица заподозрила ее, что она портила царевича.

Показаніе начинается, какъ видитъ читатель указаніемъ на болѣзнь, которая мучила царевича съ среды до пятницы; въ пятницу, едва ему стало легче, царица взяла его въ обѣднѣ, въ субботу то же¹⁾; въ оба дня послѣ обѣдни приказывала гулять.

Эти свѣдѣнія чрезвычайно важны и ведутъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: два дня (среду и четвергъ) семилѣтній мальчикъ²⁾ былъ болѣнъ, на третій и на четвертый (два дня сразу) его берутъ къ

¹⁾ А на завтра, въ субботу приоточи отъ обѣдни, царица велѣла царевичу итти на дворъ. Хотя прямо не сказано, что царица и въ этотъ день брала его къ обѣднѣ, но по ходу дѣла вто ясно. Еслибъ онъ не былъ у обѣдни 15-го мая, то равнѣ гулялъ бы на дворѣ.

²⁾ Димитрій родился 19-го октября 1583 г., слѣдовательно, 15-го мая 1591 г. ему было 7 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, безъ четырехъ дней.

обѣдѣ. Мать, конечно, считала это необходимымъ дѣломъ для здоровья сына; но простоять двѣ обѣдни два дня сряду, послѣ двухъ-дневной болѣзни, для нервнаго мальчика было не легко, и это доказывается тѣмъ, что и въ пятницу, и въ субботу послѣ обѣдни мать высыпала его гулять на свѣжій воздухъ. Безъ сомнѣнія, она замѣчала утомленіе, можетъ-быть, раздраженіе. И это естественно: богослуженіе, ладанъ, свѣчи, можетъ-быть, духота, толпы народа должны были дѣйствовать раздражительно на нервы Димитрія. Все это должно было подготовить новое нервное раздраженіе, и слѣдовательно, новый припадокъ. Дозволилъ ли бы нынѣ хоть одинъ благоразумный медикъ брать къ обѣднѣ, да еще два дня сряду, мальчика-эпилептика, послѣ двухъ-дневной болѣзни, и притомъ, когда онъ еще не совсѣмъ выздоровѣлъ, а лишь ему стало немного полегче!

Могла ли Василиса Волохова, жепщина XVI столѣтія, сообразить важность этихъ показаній? Могла ли женщина XVI вѣка придумать такія подробности, которыя неотразимо свидѣтельствуютъ о причинахъ припадка падучей болѣзни, постигшаго Димитрія въ роковой день 15-го мая 1591 года?

Показаніе Волоховой объ игрѣ пожомъ, кромѣ другихъ свидѣтельствъ, подтверждается показаніемъ Андрея Нагого. Онъ прямо и положительно говоритъ, что царевичъ игралъ черезъ черту пожомъ; онъ не говоритъ, что слышалъ, слѣдовательно, онъ это навѣрное зналъ. Точно также единогласно съ Андреемъ Нагимъ, Василиса Волохова показываетъ, что царевичъ *отълъ* руки у дочери его Андрея, добавляя, что разъ въ припадкѣ онъ накололъ и мать свою. Замѣчательно, что болѣе подробностей о припадкахъ сообщаетъ Андрей Нагой, конечно, не понимая значенія своихъ показаній. Неужели подобныя тонкости могли быть придуманы слѣдователями XVI вѣка, когда ихъ не замѣтили даже историки XIX столѣтія? ¹⁾

Далѣе слѣдуетъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ важномъ показаніи Василисы Волоховой, какъ царица Марья, сбѣжавши съ верьху, начала бить полѣномъ Волохову, и бивши её по видимому довольно долго, ибо успѣла пробить ей голову во многихъ мѣстахъ, *приво-*

¹⁾ М. П. Погодинъ замѣчаетъ: «Неужели В. И. Шуйскій явно заставлялъ гражданъ подписываться подъ готовыми отвѣтами? Какъ Борисъ рѣшился до такой степени обнаруживаться передъ своими (будущими) подданными?» Конечно, если бы В. И. Шуйскій и дѣйствительно производилъ слѣдствіе въ угоду Борису, то и тогда трудно было бы допустить возможность такой наглости. Но главное-то дало въ томъ, что такихъ показаній придумать не могли

ривала (замѣтнѣе это выраженіе), что царевича зарѣзали О. Волоховъ, Д. Битяговскій и Н. Качаловъ.

С. М. Соловьевъ говоритъ: „Изъ соображенія всѣхъ показаній обнаруживается, что виновницей всей смуты была царица Марья, которая первая произнесла имена убійцъ, но сама не была свидѣтельницею несчастія; слѣдовательно, она или выдумала это обстоятельство, или услышала о немъ отъ которой-либо изъ женщинъ. Положимъ, что выдумала; по странно, почему она назвала троихъ людей: Данилу Битяговскаго, Качалова и Волохова? Почему она не назвала Михаила Битяговскаго, главнаго врага ея братьевъ и ея самой?“

Мы думаемъ, что ей никто не говорилъ, и что она и не выдумывала. Въ какомъ состояніи была царица во время катастрофы, мы говорили выше. Она сбѣжала съ верьху уже въ страшно раздраженномъ состояніи, что доказывается тѣмъ, что она немедленно начала бить Волохову. Начала, разумѣется, бить за недосмотръ, въ чемъ Волохова и была виновата; но чѣмъ больше била, тѣмъ сильнѣе усиливалось ея раздраженіе. Она начала приговаривать, и приговаривая, въ озлобленіи, дошла до убѣжденія, что сына ея парочно убили; при имени Волоховой пришло ей въ голову имя ея сына, затѣмъ имена его пріятелей — Даниила Битяговскаго и Никиты Качалова. Царица, конечно, видала чаще этихъ молодыхъ людей вмѣстѣ, а не съ Михаиломъ Битяговскимъ. Извѣстно, что въ самомъ раздраженномъ состояніи человѣка умъ не теряетъ совершенно правильности сочетанія понятій. Марья била, приговаривала; а извѣстно, какъ далеко заходить въ подобныхъ приговариваніяхъ. Въ озлобленномъ умѣ мгновенно вспыхнуло подозрѣніе, которое, на время, по крайней мѣрѣ, легко обратилось въ полную увѣренность. „Ты виновата (въ смыслѣ: не досмотрѣла), ты убила (опять въ смыслѣ: не досмотрѣла), ты убила (первоначальный смыслъ слова уже колеблется), ты убила (уже въ настоящемъ значеніи слова)“. По ассоціаціи идей озлобленіе и подозрѣніе на Волохову перешло и на ея сына, ибо самой Волоховой тутъ не было, что царица знала, а что не было сына Волоховой, того не знала, а дагѣ — на его пріятелей, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ былъ сыномъ ненавистнаго царскаго дьяка. Такимъ образомъ, кромѣ того, что она Осина Волохова, Д. Битяговскаго и Качалова видала вмѣстѣ, еще двѣ причины соединили въ головѣ ея Осина Волохова и Д. Битяговскаго: первая — злоба и раздраженіе противъ Волоховой, вторая — ненависть къ Битяговскому. Качаловъ былъ пріятель Волохова, что видно изъ того, что онъ за Волохова заступался, оба были пріятели

Битяговскаго. Этого было довольно. Какъ все, чтó соприкасалось къ Битяговскимъ, возбуждало злобу и подозрѣніе царицы, какова была у царицы ассоціація идей въ эту пору, лучше всего видно изъ того, что она черезъ два дня по смерти царевича велѣла умертвить породивую жонку, жившую у Битяговскихъ. И здѣсь, и тамъ ассоціація идей дѣйствовала одинаковымъ образомъ. За чтó царица велѣла убить породивую жонку? Она, жившая у Битяговскихъ, хаживала къ Андрею Нагому. И вотъ у обезумѣвшей матери родилось подозрѣніе, что она портила царевича ¹⁾. Она не хочетъ вѣрить, чтобы несчастіе случилось само собою — и какъ это естественно у матери! — ея озлобленный умъ всюду отыскиваетъ виновниковъ гибели ея сына. Такимъ образомъ, попросъ С. М. Соловьева, кто сказалъ царицѣ и предположеніе, что сказала одна изъ женщинъ, падаетъ самъ собою. Еслибы царицѣ сказала одна изъ женщинъ, то она не преминула бы заявить объ этомъ на слѣдствіи, и еще болѣе не упустила бы случая упомянуть о семъ, вкушъ съ В. И. Шуйскимъ, по сверженіи самозванца. Что царица была сначала Волохову только за недосмотръ, это, между прочимъ, подтверждается и показаніемъ Григорія Нагого, что царевичъ самъ „набрушился“ ножомъ. Григорій Нагой, по приказанію царицы, продолжавшій бить Волохову полѣномъ по бокамъ, не показалъ однако, что царевича зарѣзали. Безъ сомнѣнія, онъ слышалъ о дѣлѣ изъ первыхъ устъ, и конечно, переспросилъ уже о томъ другихъ свидѣтелей-очевидцевъ. Но почему же весь гнѣвъ царицы палъ на одну Волохову? Конечно, потому, что она была главной воспитательницей; на ней, послѣ матери, болѣе всѣхъ лежала отвѣтственность и за здоровье, и за жизнь царевича. Замѣчательна еще одна черта въ показаніяхъ Волоховой: она проситъ дать ей „праведный сыскъ“ на счетъ сына Осипа и ни слова не говоритъ „о праведномъ сыскѣ“ на счетъ того, гдѣ она была, когда случился припадокъ съ царевичемъ? О настоящей винѣ своей она молчитъ; слѣдователи тоже промолчали, вѣроятно, во вниманіе къ тому, что Волохова и такъ много перенесла, много перетерпѣла.

Подобно Волоховой, и другія двѣ женщины: кормилица Орина Жданова-Тучкова и постельница Марья Самойлова ни слова не говорятъ въ своихъ показаніяхъ, гдѣ онѣ были, когда случилась бѣда, далеко ли? Причина молчанія одна и та же. Тучкова-Жданова пока-

¹⁾ Подозрѣніе юридической жонки въ порчѣ — новое доказательство, что падушая болѣзнь существовала. Безъ сомнѣнія, припадки этой болѣзни и были приняты за порчу суевѣрною и озлобленною матерью.

вала, что въ субботу ходилъ царевичъ Димитрій по двору, игралъ съ жильцами ножикомъ, и „она того не уберегла, какъ пришла на царевича болѣзнь черная; а у него втѣпоры былъ ножъ въ рукахъ и онъ ножомъ покололся и она взяла къ себѣ царевича на руки и у нея на рукахъ царевича и не стало“.

С. М. Соловьевъ останавливается на выраженіи: „и она того не уберегла“. „Всѣ три не уберегли“, говоритъ онъ, „и въ этомъ случаѣ особенно виновата Волохова, какъ главная“. Эти слова слѣдуетъ понимать буквально, въ связи съ послѣдующими: „и она того не уберегла, какъ пришла на царевича болѣзнь черная“, то-есть, она сожалѣетъ, что ей не удалось предупредить припадка, тѣмъ болѣе сожалѣетъ, что у царевича въ рукахъ былъ ножъ. Кромѣ того, какъ кормилица, она болѣе его любила, чѣмъ другія, почему и лѣтописный разказъ къ ней благосклоннѣе; въ немъ прямо говорится, „что она вскормила его сосцами своими“. Изъ этихъ же словъ можно еще заключить, что Орины не было близко около царевича, и она не могла предупредить припадка и выхватить у него ножъ. Показаніе постельницы Марьи Самойловой столь же кратко, какъ и показаніе Ждановой-Тучковой. Она также говоритъ, что царевичъ ходилъ по двору и тѣшилса ножомъ съ жильцами, „и пришла на него болѣзнь черной недугъ, и бросило его о землю“, а у него былъ ножикъ въ рукахъ и онъ тѣмъ ножомъ закололся ¹⁾. Но ни Волохову, ни Жданову, ни Самойлову и никого не спросили: кто позволялъ царевичу играть ножомъ? Изъ показаній Волоховой мы выше уже видѣли, что разъ царевичъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, накололъ и мать свою, слѣдовательно, и при матери у него бывалъ въ рукахъ ножъ. Не потому ли Волохова упомянула объ этомъ, чтобъ отклонить отъ себя отвѣтственность, что у царевича и на сей разъ въ рукахъ былъ ножъ?

Изъ показаній дѣтей - жильцевъ Колобова Петрушки, Тучкова (сына кормилицы), Красенскаго и Козловскаго еще яснѣе видно, что Василисы Волоховой не было на дворѣ во время несчастія. Они показали: „Игралъ же царевичъ въ тычку ножикомъ съ ними на заднемъ дворѣ, и пришла на него болѣзнь падучій недугъ и набросился

¹⁾ Замѣтимъ еще, что и Тучковой, и Самойловой допросъ дѣлали передъ царицей. Разумеется, если бы та или другая женщина сказала царицѣ, она не преминула-бы это при допросѣ поставить на видъ. С. М. Соловьевъ говоритъ о краткости показаній этихъ женщинъ. Но что жъ они могли сказать болѣе о дѣлѣ, которое такъ быстро совершилось? Это, съ другой стороны, опять-таки доказываетъ, что возлѣ царевича ихъ не было, хотя онѣ несомнѣнно были на дворѣ.

на ножъ". На вопросъ: „кто втѣпоры были за царевичемъ?“ мальчики отвѣчали: „Были втѣпоры за царевичемъ: кормилица Орина, да постельница, Самойлова жена, Колобова Марья“. На вопросъ: „были ли за царевичемъ втѣпоры Осинъ Волоховъ и Данило Битяговскій?“ они отвѣчали, что за царевичемъ были только они четыре человекъ жильцевъ, и опять повторили (что очень важно), что еще были кормилица, да постельница, Осина же Волохова и Данилы Михайлова, сына Битяговскаго, за царевичемъ не было и за царевичемъ не хаживали.

С. М. Соловьевъ, смотря на слѣдствіе съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, отыскивалъ въ немъ совсѣмъ не то, что можно было отыскать; онъ видѣлъ противорѣчія тамъ, гдѣ только недоговоренность, и изо всего слѣдствія не извлекъ ни одного факта. По поводу показаній дѣтей онъ говоритъ: „Дѣти указали дважды на кормилицу Ирину и на постельницу Марью Самойлову, но пропустили Василису Волохову! И слѣдователи не обратили вниманія на это обстоятельство, которое въ глазахъ нашихъ подрываетъ все свидѣтельство дѣтей; ибо ясно, что они говорили, сами не зная что, когда вмѣсто трехъ женщинъ указали только на двухъ и пропустили самую главную, ибо мамка важнѣе кормилицы и постельницы“.

Но мы уже говорили, что мамки-то близко и не было во время несчастія, что *доказывается и тѣмъ, что она въ показаніяхъ молчитъ, и въ она была, и тѣмъ, что умирающаго царевича на руки взяла не она Волохова, а кормилица Тучкова - Жданова*. И пропускъ Волоховой въ показаніяхъ дѣтей-жилецевъ окончательно это подтверждаетъ. Вопросы дѣтямъ поставлены были умно, положительно, ясно, такъ что негдѣ было разгуляться дѣтской фантазіи. Дѣти два раза назвали Ирину Тучкову-Жданову и Марью Колобову (Самойлову) и ни слова не сказали о Волоховой: такое показаніе убѣждаетъ разомъ и въ правдивости показанія дѣтей, и въ отсутствіи Волоховой. А слѣдователи уже знали, что Волоховой не было; имъ нужно было знать: были ли за царевичемъ Осинъ Волоховъ и Данило Битяговскій? И замѣтимъ, что слѣдователи этотъ вопросъ предложили именно дѣтямъ, отъ которыхъ, разумѣется, скорѣе всего могли ждать правды. Это показываетъ, что слѣдователи были очень внимательны относительно главнаго пункта ¹⁾.

¹⁾ Куда дѣвались эти мальчики, свидѣтели смерти царевича? Ни Василій Ивановичъ Шуйскій, ни царица Марья и никто въ послѣдствіи ни единымъ на-

{ } Свидѣтельства очевидцевъ заканчиваются показаніемъ стряпчаго, Семейки Юдина; онъ показалъ: „Царевичъ тѣшился съ жильцами, съ робятки съ маленькими въ тычку ножомъ, и пришла на него немочь падучая, и бросило его о землю и *было ея долю*, и онъ покололся ножомъ самъ, а вѣпоры онъ (Юдинъ) стоялъ у поставца, а то видѣлъ“. Для насъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ правдивости показанія Юдина служитъ то обстоятельство, что онъ напередъ объ этомъ говорилъ Тулубѣву и далъ свое показаніе о смерти царевича, только вслѣдствіе очной ставки съ Тулубѣвнымъ. Изъ этого мы можемъ заключить, что были, вѣроятно, и другіе очевидцы, которые молчали, не желая влутываться въ дѣло, потому что всякому хотѣлось быть подалѣе отъ онаго. Юдинъ говоритъ, что когда царевича *бросило* на землю, то *было ея* долго. Это очень важно, потому что объясняетъ причину, почему у царевича образовалась широкая рана, и кромѣ того, снова подтверждаетъ, что *близъ* царевича, кромѣ дѣтей, никого не было. Юдинъ, видѣвшій, какъ закололся царевичъ, ни слова не говоритъ, кто былъ около него: естественное желаніе спасти людей отъ нечаянной и неоправдываемой бѣды ¹⁾).

Кромѣ названныхъ лицъ, о томъ, что царевичъ нечаянно закололся ножомъ самъ, показывали истопники, боярскіе дѣти, сѣнные и сытныя сторожа, губной староста Мурановъ; но какъ въ ихъ показаніяхъ нѣтъ примаго спидѣтельства, что они видѣли сами, то мы и не причисляемъ ихъ къ очевидцамъ. Всѣ эти лица, не упоминая, что они видѣли сами, не говорятъ, что и слышали.

Что же изъ всѣхъ этихъ показаній можемъ мы вывести о смерти царевича?

Царевичъ Дмитрій Углицкій былъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни. Въ 1591 году 12 и 13-го мая, онъ былъ болѣнъ. 14-го Мая, въ пятницу, едва онъ оправился отъ болѣзни, какъ мать его царица Марья Феодоровна, взяла его къ обѣднѣ; 15-го мая — тоже. Въ этотъ день, послѣ обѣдни, мать отправила его гулять, и не извѣстно, кто дозволилъ ему играть ножомъ съ дѣтьми-жильцами. Подготов-

некомъ не упоминаетъ, чтобъ этихъ жильцевъ-дѣтей, самыхъ важныхъ свидѣтелей, заставляли показывать насильно, чего, разумется, и не могло быть, при тогдашнемъ раздраженномъ состояніи народа въ Угличѣ.

¹⁾ «Вотъ и всѣ очевидцы!» восклицаетъ С. М. Соловьевъ. — Дл разнѣ ихъ мало? спросимъ мы въ свою очередь. Притомъ, г. Соловьевъ не обратилъ вниманія на внутреннюю достовѣрность показаній, на то, что они объясняютъ и дополняютъ другъ друга.

ленный двумя объднями къ припадку, онъ среди игры, можетъ быть, на что-нибудь разсердясь (болѣзненные припадки отъ гнѣвнаго раздраженія бывали съ нимъ и прежде), или просто, вслѣдствіе волненія игры, схваченъ былъ сильнымъ припадкомъ падучей болѣзни: его бросило на землю, при чемъ онъ накололся ножемъ. И такъ какъ *возмъ* него никого, кромѣ дѣтей, очень близко не было, то онъ бился долго, что и было причиной его смерти ¹⁾. Изъ другихъ лицъ, ближе всѣхъ, къ царевичу была кормилица Орина Тучкова - Жданова; но и она была не на столько близко, чтобъ успѣть захватить во-время. Тучкова-Жданова подняла его уже съ земли. В Волохова, понадѣявшись на Тучкову, не была и на дворъ, а прибѣжала, безъ сомнѣнія, на крикъ; за нею прибѣжала царица, и тогда началась новая кровавая драма, для которой смерть Дмитрія служила только прологомъ.

Для лучшаго разъясненія этой кровавой драмы, также по слѣдственному дѣлу, мы должны сначала рѣшить вопросъ: кто приказалъ ударить въ набатъ? кто первый приказалъ звонить? Какъ ни мало заслуживаютъ довѣрія показанія Нагихъ, главныхъ виновниковъ кроваваго дѣла, но мы обязаны прежде всего остановиться именно на этихъ показаніяхъ. Посмотримъ, нельзя ли чего вывести изъ самыхъ противорѣчій и умолчаній братьевъ Нагихъ?

Михайло Нагой показалъ, что въ 6-мъ часу дня зазвонили у Спаса, а онъ Михайло „вгѣпоры былъ у себя на подворьи и чалъ, что горить“. Григорій Нагой показывалъ почти то же, что едва только они пришли съ братомъ на подворье объдать, какъ „зазвонили въ колокола, и они чаяли, что загорѣлся“. Такимъ образомъ, изъ показаній Михаила и Григорія Нагихъ выходитъ, что они прибѣжали на звонъ; не то однако выходитъ по другимъ показаніямъ.

Царя-Константиновской церкви вдовый полк. Федотъ Офонасьевъ, по прозванію Огурецъ, показалъ, „что, когда не стало царевича, онъ былъ дома, у Спаса въ городѣ зазвонилъ сторожъ Кузнецовъ, и онъ Огурецъ побѣжалъ въ городъ, и какъ прибѣжалъ, ему попался на встрѣчу стражничій кормоваго дворца Субота - Протопоповъ и велѣлъ ему у Спаса въ колоколъ звонить: *да удирилъ сю съ цисю и ислълъ ему сильно звонити, а говорилъ ему Субота передъ Григоріемъ Нагимъ, а сказалъ, что ему велѣла звонить царица Марья, и онъ потому и звонилъ въ колокола*. Но Григорій Нагой заявилъ, что онъ не слы-

¹⁾ Долго, разувѣтся, слово относительное; довольно было 4-хъ, 5-ти минутъ, чтобъ при судорожномъ сжиманіи мускуловъ образовалась широкая рана.

халъ, чтобы тому поцу Ѳедоту велѣлъ звонить Субота-Протопоповъ, и что про это приказаніе Суботы сказалъ ему самъ же Огурецъ“. Субота-Протопоповъ съ своей стороны показалъ, что ему приказалъ звонить Михайло Нагой, дабы міръ сходился, а онъ велѣлъ звонить пономарю Огурцу. Углицкіе разсылщики въ своей челобитной подтверждаютъ показаніе Суботы-Протопопова: „и прискочилъ, государь, съ его двора къ царицѣ на дворъ Михайло Нагой пьянъ на конѣ и велѣлъ звонить въ колоколъ“.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ показаній видно, что звонить приказывалъ Михайло Нагой, по что нѣтъ основанія отвергать и показанія Нагихъ. Кузнецовъ могъ зазвонить по чьему-либу приказанію, дапному изъ дворца. Приказаніе могло быть дано именемъ царицы Марьи, ибо она легко могла закричать, чтобы звонили, окружающіе же передали приказаніе сторожу Кузнецову. Изъ хода дѣла и изъ показаній Огурца видно, что Кузнецовъ звонилъ тихо, потому что Субота-Протопоповъ ударилъ его въ шею и приказалъ *звонить сильно*. Субота - Протопоповъ, какъ видно изъ показанія, билъ въ шею Огурца на улицѣ, а не на колокольнѣ, и тутъ велѣлъ ему *звонить сильно*, стало быть, кто-нибудь *звонилъ несильно*. Въ показаніяхъ Огурца и Суботы-Протопопова нѣтъ существенныхъ, важныхъ противорѣчій. Вдовый протопопъ Ѳедотъ Офонасевъ, человекъ жалкій, забытый, на чтѣ указываетъ и его насмѣшливое прозвище, и то, что онъ изъ протопоповъ поналъ въ звонари, солгать не посмѣлъ бы; но не лгалъ и Субота-Протопоповъ, ибо Огурцу онъ могъ приказывать звонить сильно именемъ царицы, ради большаго авторитета, а самъ могъ и не получать приказанія лично изъ устъ царицы: ему могъ или отъ имени царицы, или отъ своего имени приказать Михайло Нагой. Поэтому, на слѣдствіи Субота-Протопоповъ и сослался на Михаила Нагого. Не нужно забывать, что, кромѣ Василисы Волоховой, всѣ дававшіе показанія тщательно избѣгали упоминать имя царицы ¹⁾. Волненіе въ городѣ могло начаться еще и до звона Кузнецова по слуху, который, естественно, въ маленькомъ городѣ разошелся быстро. На это обстоя-

¹⁾ Показаніе Василисы Волоховой относительно звона должно, по всѣмъ вѣроятіямъ, относиться ко второму, ибо она упоминаетъ о звонѣ послѣ того, какъ царица Марья и Григорій Нагой избили ее за мертво. «И почали звонить у Спаса въ колокола» — значитъ, ударили уже во всѣ колокола, значитъ, звонъ былъ уже сильный. Что касается до перваго звона, то Василиса Волохова могла его и не слышать: псугъ по смерти царевича, главъ и побои царицы, естественно, должны были отвлекъ ея вниманіе отъ всего, чтѣ дѣлалось кругомъ.

тельство есть указаніе въ Никоновской лѣтописи: „Слышаху же во градѣ и на посадѣ, по вратамъ ѣздяху (кто?), біяху и вопіяху, что сидите? царя у васъ нѣтъ“ (см. ниже III-ю главу). Что же касается до того, что слѣдователи мало обратили вниманія на вопросъ, какъ началась въ городѣ суматоха, кто велѣлъ первый звонить, то это потому, что убѣдившись въ нечаянной смерти царевича, они, какъ увидимъ, не очень заботились о раскрытіи причинъ и обстоятельствъ побіенія Битяговскихъ, О. Волохова, Качалова и другихъ.

Точно также и при разборѣ вопроса о смерти Битяговскихъ и другихъ, какъ и при разборѣ вопроса, кто приказалъ звонить, мы должны начать съ разбора показанія Михаила Нагого, который послѣ своей сестры былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ убійствъ. Михаилъ Нагой увѣрялъ, что Битяговскаго съ сыномъ побили черные люди, а онъ, М. Нагой, „посадкимъ всякимъ людямъ побити ихъ не величать, а былъ онъ у царицы, а посацкіе люди сбѣжались на звонъ“. Затѣмъ это прибавленіе: а посацкіе люди сбѣжались на звонъ? Въ этомъ прибавленіи явно видно желаніе выпутаться изъ бѣды, желаніе показать, что не онъ былъ виновникомъ суматохи. Въ показаніи Григорія Нагого еще яснѣе видно желаніе прикрыть преступленіе брата и сестры. Григорій Нагой показалъ, что когда Битяговскій прискакалъ съ своего подворья, начали говорить *невѣдомо кто*, что будто царевича зарѣзали Д. Битяговскій, О. Волоховъ, Н. Качаловъ, а Михайло Битяговскій сталъ уговаривать. Сталъ уговаривать то-есть, увѣщевать, что все это неправда. Все это показаніе естественно и вѣрно безъ сомнѣнія, кромѣ того, что „невѣдомо кто началъ говорить“, что царевича убили такіе-то. Ему, конечно, вѣдомо было, кто первый сказалъ, что царевича убили такіе-то; но онъ молчитъ объ этомъ обстоятельстве; ему, естественно, не хотѣлось увеличить своимъ показаніемъ количество доказательствъ виновности царицы Марьи и брата ея Михаила. Григорій Нагой, бывший Волохову по приказанію сестры, не измѣняетъ, въ этомъ случаѣ, своего показанія, какъ думаетъ С. М. Соловьевъ, а прибавляетъ къ нему извѣстный слухъ, понадобившійся ему для оправданія сестры и брата. Гдѣ же тутъ противорѣчіе? Онъ не отказывается отъ своего показанія, что царевичъ „побурился“ ножомъ; онъ только для объясненія смерти Битяговскихъ прибавляетъ „невѣдомо кто“ и проч. Что же касается до показанія, что М. Битяговскаго убили за то, что онъ началъ увѣщевать, разубѣждать раздраженную толпу, то это, безъ сомнѣнія, было такъ, только дававшій показаніе упускаетъ объясненіе того,

къмъ толпа раздражна была въ эту минуту противъ Битяговскаго? Но что увѣщанія Битяговскаго подлили масла въ огонь, это несомѣнно; потому что въ это время, когда Битяговскій началъ увѣщавать толпу, безъ сомнѣнія, началась и перебранка съ М. Нагимъ, о которой свидѣтельствуеъ Андрей Нагой, бывший во дворцѣ съ самаго начала событія и, который, относительно смерти Битяговскаго съ сыномъ и другихъ побитыхъ, даетъ еще болѣе отрицательное показаніе, чѣмъ относительно смерти царевича. Онъ говоритъ, что не знаетъ, кто побилъ Битяговскихъ, и что онъ все время былъ у царицы. О смерти царевича онъ сообщаетъ слухъ, а о смерти Битяговскихъ онъ даже ничего и не слышалъ! Царица послала кутейщика Богдана за городъ, къ архимандриту Савватію, извѣстить его, что такіе-то люди зарѣзали царевича,—какъ же она ничего не говорила ни Григорію, ни Андрею Нагимъ? Какъ ни Григорій, ни Андрей Нагой не спросили царицу, кто ей сказалъ?

Дѣло въ томъ, что Битяговскіе и Нагіе жили, что называется, на ножахъ; жена Битяговскаго и Русинъ-Раковъ городской прикащикъ показали, что, кромѣ всегдашнихъ ссоръ, М. Битяговскій и Михаилъ Нагой ссорились и въ этотъ день до роковаго событія. Не могло обойтись безъ перебранки, когда появился М. Битяговскій и засталъ уже взволнованную толпу. Въ роковой день, 15-го мая, постоянная вражда вспыхнула съ новою силою, тѣмъ болѣе, что семья Волоховыхъ и семья Битяговскихъ, какъ видно по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Все соединилось въ этотъ день на погибель Битяговскихъ: и личная вражда съ Нагими, и дружба съ Волоховыми, все это было причиною, что съ первой минуты страшнаго раздраженія, имена Битяговскихъ и Волоховыхъ неразрывно связались въ умѣ царицы. Кромѣ того, М. Нагой, какъ видно изъ показаній Русина-Ракова и изъ челобитной разсильныхъ, былъ мертвецки пьянъ. Что же мудренаго, что въ такомъ состояніи, подъ вліяніемъ враждебнаго чувства къ Битяговскимъ, онъ усвоилъ вполнѣ, въ эту минуту, болѣзненные подозрѣнія своей сестры? Враждебныя отношенія Нагихъ къ Битяговскимъ должны были имѣть гибельныя послѣдствія при извѣстной враждѣ народа къ служилымъ людямъ, къ дьякамъ. Эта вражда, обыкновенно тихая, сдержанная, обнаружилась страшнымъ раздраженіемъ, когда царица и братъ ея бросили искру въ этотъ горячій матеріалъ. Какъ велика была вражда къ дьякамъ и подъячимъ, видно изъ того, что когда подъячіе стали упрекать народъ за убійство дьяка Битяговскаго, имъ отвѣчали: „и

вакъ то же будетъ"... Подъячіе разбѣжались и не смѣли показаться въ городъ до прїѣзда слѣдственной комиссіи.

Уклончивое показаніе Григорія Нагого, вполне отрицательное показаніе Андрея Нагого, оба показанія, совершенно неспроятливая, подаютъ поводъ заключить, что М. Нагой былъ виновенъ въ побіеніи Битяговскаго съ сыномъ и друиизъ. Его распоряженія еще болѣе объ этомъ свидѣлствуютъ. Такъ, онъ разослалъ конюховъ за городъ, какъ видно изъ показанія конюха Михайлы Григорьева, встрѣчать всѣхъ людей, которые ѣхали изъ Москвы, дабы узнать отъ нихъ вѣсти. Какихъ же вѣстей ожидалъ Михайло Нагой изъ Москвы? Безъ сомнѣнія, ему хотѣлось узнать, что въ Москвѣ думаютъ объ Углицкомъ дѣлѣ, судить ли тамъ объ этомъ дѣлѣ по слухамъ, пущеннымъ имъ и его семьей, или туда дошли другіе слухи? Можно себѣ представить, въ какомъ страхѣ держалъ онъ Угличъ изъ опасенія послѣдняго обстоятельства, то-есть, чтобы не дошли въ Москву другіе слухи; это было ему тѣмъ легче, что изволинованный имъ народъ, совершивъ преступленіе, ждалъ, конечно, подобно Михаилу Нагому, не безъ страха, прибытія слѣдователей. Такимъ образомъ, общее преступленіе соединило интересы Углицкихъ мужиковъ, какъ говорится въ слѣдственномъ дѣлѣ, съ интересами Михаила Нагого.

Чѣмъ, какъ не страхомъ, можно объяснить безумныя распоряженія Михаила Нагого класть на убитыхъ ножи, палицу и прочее оружіе, омоченное кровью? Это распоряженіе заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія уже потому, что одно обстоятельство, касающееся оного, возбуждаетъ сомнѣнія главнаго и единственно серьезнаго противника слѣдственнаго дѣла, С. М. Соловьева.

Русинъ-Раковъ и сторожъ Евдокимъ Михайловъ показали, что Русинъ-Раковъ и человекъ Михайлы Нагого, Тимоха, во вторникъ, въ дьячей избѣ, спускали въ тазъ куричью кровь и велѣли посадскому человеку Малафѣеву мазать ею два самопала, пять ножей, да желѣзную палицу. Это показаніе подтвердилъ и Малафѣевъ. Но другой человекъ Михайлы Нагого, Бориско Офонасьевъ, подтвердившій всѣ показанія на счетъ собиранія ножей (но не на счетъ спусканія крови, чего онъ не видалъ), говорилъ, что Тимоха, Михайлы Нагого человекъ, спускавшій во вторникъ кровь вмѣстѣ съ Раковымъ, въ поведѣльнигъ сбѣжалъ невѣдомо куда. С. М. Соловьевъ смущается этимъ обстоятельствомъ, но мы не видимъ тутъ причины смущенія. И то, и другое показанія могутъ быть справедливы: Во-
часть СЛХVIII, отд. 2.

риско Офонасьевъ говорить, что Тимоха вечеромъ въ понедѣльникъ сбѣжалъ со двора, — это не могло ему помѣшать во вторникъ спустить въ тазъ куричью кровь въ дьячей избѣ. Бориски Офонасьева въ дьячей избѣ не было; тамъ было только четверо — сторожъ, Русинъ-Раковъ, Тимоха, да посадскій человекъ Малафѣевъ. Тимоха со двора ушелъ въ понедѣльникъ вечеромъ, во вторникъ спускалъ кровь куричью, и затѣмъ — бѣжалъ. Неужели трое, сторожъ, Раковъ и Малафѣевъ, лгали на Тимоху? Какаа имъ была въ этомъ нужда? Много ли имя Тимохи увеличивало достовѣрность ихъ показанія? Затѣмъ бѣжалъ Тимоха? Очень можетъ-быть, что онъ былъ въ числѣ главныхъ убійцъ и потому, струсивъ, бѣжалъ!

„Почему“, спрашиваетъ С. М. Соловьевъ, „не сдѣлали Михаилу Нагому втораго допроса, почему не свели его на очную ставку съ братомъ Григоріемъ, съ слугою Борисомъ, съ Русинимъ-Раковымъ и съ другими; почему не дали ему оправдаться? Мы ничего не знаемъ, остался ли Михаилъ Нагой при прежнемъ своемъ показаніи, или повинился: знаемъ только одно, что онъ не приложилъ руки къ своимъ рѣчамъ“. Если Михаилъ Нагой не могъ оправдаться послѣ перваго допроса, если первая его показанія опровергаются всѣми обстоятельствами дѣла, глумимъ его оправданіемъ, что Русинъ-Раковъ самъ отъ себя собиралъ оружіе и мазалъ оное кровью, — то чтѣ онъ могъ сказать, когда число уликъ противъ него возрастало съ каждымъ показаніемъ? Михаилу Нагому не сдѣлали втораго допроса потому же, почему царицу Марью совсѣмъ не спрашивали. Уваженіе къ имени царицы, ко двору Грознаго, къ мачихѣ царя — вотъ чтѣ останавливало дальнѣйшіе распросы и облегчило участь Михаила Нагого, брата ея.

„Мы не знаемъ“, говорятъ С. М. Соловьевъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ, — „остался М. Нагой при своемъ показаніи, или повинился?“ Мы думаемъ, что было съ его стороны негласное, молчаливое признаніе вины своей, чтѣ видно изъ устной просьбы царицы Марьи, высказанной Геласію. Передъ отъѣздомъ Геласія изъ Углича, она призвала его къ себѣ, и умалчивая о собственной винѣ, просила ходатайствовать за братьевъ — „какъ Михайло Битяговскаго съ сыномъ и жильцовъ побия, и то дѣло учинилось грѣшное“, и затѣмъ просила, „чтобъ государь тѣмъ бѣднымъ червемъ, Михаилу съ братіей, въ ихъ винѣ милость показалъ“. С. М. Соловьевъ толкуетъ эти слова въ томъ смыслѣ, что она признасть убійство Битяговскаго съ сыномъ и другихъ дѣломъ грѣшнымъ только въ томъ

смыслѣ, что они убиты безъ суда государева! Можно ли допускать такія произвольныя толкованія? Она называетъ дѣло грѣшнымъ въ буквальномъ, церковномъ смыслѣ слова, иначе она добавила бы что-нибудь, привела бы смягчающія обстоятельства. Какъ ни ограничена была эта женщина, но этого она не могла бы упустить. Справедливо, что въ ея словахъ нѣтъ самообвиненія, даже, можетъ-быть, нѣтъ и раскаянія; но въ ея словахъ слышится страхъ, и повторимъ, этотъ самый страхъ продиктовалъ бы ей, обстоятельства облегчающія вину ея и ея братьевъ. С. М. Соловьевъ не преминулъ при этомъ упомянуть о подозрительномъ характерѣ Геласія; но развѣ Геласій могъ выдумать такія слова про царицу, которая еще долго жила и здравствовала? Напротивъ то, что она обратилась къ лицу духовному, къ митрополиту, проси его печаловаться передъ государемъ за братьевъ, есть уже своего рода признаніе вины, если не своей, то братьевъ. Разбирая слѣдствіе, С. М. Соловьевъ упустилъ показаніе конюшаго Григорьева, одного изъ главныхъ убійць, обвинявшаго Нагого въ подстрекательствѣ, что вмѣстѣ съ другими показаніями, весьма важно, какъ увидимъ ниже.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакого повода отвергать распоряженія Нагого, доказывающія его вину, потому что самая вина его несомнѣнна.

Перейдемъ теперь къ показаніямъ, которыя свидѣтельствуютъ о террорѣ, царившемъ въ Угличѣ и еще болѣе свидѣтельствуютъ о виновности М. Нагого.

Уже изъ бѣгства подъячихъ, которые не смѣли показаться въ Угличѣ до пріѣзда слѣдователей, видно, что городъ находился во власти черни, взволнованной М. Нагимъ. А изъ убійства юродивой жонки, убитой черезъ два дня по смерти царевича, по приказанію царицы, о чемъ на слѣдствіи и не думали спрашивать, ясно, что гибель грозила вському, на кого падало подозрѣніе Нагихъ. Естественно, что въ Угличѣ все трепетало передъ ними, никто не смѣлъ вымолвить противъ нихъ слова, всѣ должны были исполнять ихъ волю. Такъ было, наприѣмръ, съ Русинимъ-Раковымъ: онъ, по приказанію М. Нагого, спускалъ въ тазъ курничью кровь, влялъ на побитыхъ оружіе, естественно, все изъ страху; но наѣхало слѣдствіе, какъ говорятъ въ народѣ, этотъ страхъ смѣнился другимъ—боязнью ответственности передъ закономъ. И вотъ, онъ смѣшитъ освободиться изъ подъ этого страха, смѣшитъ передать слѣдователямъ свѣдѣнія о распоряженіяхъ Нагого и умоляетъ Геласія о ходатайствѣ передъ царемъ. Геласій,

вида невольную вину Русина - Ракова, принимаетъ эту челобитную. Подъ вліяніемъ страха, подкляшники, стоявшіе во время смерти царевича и побіенія Битяговскихъ на верьху за поставцемъ, не смѣли спуститься на дворъ, и даютъ показанія о смерти царевича и о побіеніи Битяговскихъ, на основаніи разказа мальчика - жильца Петрушки Колобова, игравшаго съ царевичемъ. Страхъ, наведенный М. Нагимъ, былъ такъ великъ, что едва ли всѣ могли отъ него избавиться вполне и по приѣздѣ слѣдователей.

Относительно повода убійства Михаила Битяговскаго всѣ показанія, съ ничтожными оттѣнками, сводятся къ одному, именно, что онъ началъ уговаривать народъ. В. Волокова говоритъ: „учалъ разговаривать посацкимъ людемъ... и царичу Марью и брата ея Михайлу Наюва,“ за то царица и Михайло Нагой велѣли его убить“. Ту же причину показываютъ и попъ Богданъ, и сытникъ Кирила Маховиковъ; оба говорятъ, что М. Битяговскій убить за то, что началъ уговаривать народъ. Маховиковъ показываетъ, что онъ отворилъ ворота М. Битяговскому и „меня (то-есть, Маховикова) почали бити, избили на смерть, руки и ноги переломали“. С. М. Соловьевъ спрашиваетъ, за что били Маховикова? Конечно, за то, что далъ знать Михаилу Битяговскому о случившемся во дворцѣ, какъ видно изъ другихъ показаній, но о чемъ, онъ самъ умалчиваетъ при допросахъ; ибо давалъ свои показанія подъ впечатлѣніемъ побоевъ, да и не могъ разсудить, хорошо или дурно онъ сдѣлалъ, извѣстивъ дьяка.

О томъ, какъ Битяговскій узналъ о случившемся во дворцѣ, существуютъ два показанія съ небольшимъ различіемъ, которому С. М. Соловьевъ придаетъ необыкновенно важное значеніе. Вотъ въ чемъ дѣло: попъ Богданъ показалъ, что Битяговскій дома узналъ о смерти царевича, что, услыхавъ звонъ, онъ послалъ своихъ людей провѣдать: въ чемъ дѣло? Эти люди и принесли ему извѣстіе о смерти царевича. Углицкіе же разсмыслители говорятъ, что Битяговскій, услыхавъ звонъ, зашелъ въ дьячью избу, гдѣ (по словамъ С. М. Соловьева, но не слѣдственнаго дѣла) онъ и получилъ извѣстіе отъ Маховикова, но не о смерти, а о болѣзни царевича. Вотъ эта-то великая, по мнѣнію С. М. Соловьева, разница въ двухъ показаніяхъ о томъ, гдѣ Битяговскій узналъ о смерти царевича, и смущаетъ нашего историка. Разсмотримъ же то и другое показаніе. Попъ Богданъ показалъ, что онъ въ тотъ день „ѣлъ у М. Битяговскаго, и почали въ городѣ звонить у Спаса въ колоколъ, и Михайла послалъ своихъ людей провѣдать въ городъ, а чаялъ, что гдѣ загорѣлся, и прибѣжали Михайловы люди къ нему

на подворье и сказали, что царевича не стало... А Михайловъ сынъ Битяговскаго Данило вѣпоры былъ у отца своего у Михаила на подворьѣ, обѣдалъ". (*Вѣпоры* значить — въ то время, когда тамъ былъ и попъ Богданъ). Углицкіе же разсылщики показывали такъ: „Дьякъ по звону пришелъ съ сыномъ въ дьячью избу, а подалъ вѣсть Михаилу Битяговскому сытникъ Кирило Маховиковъ; но куда подалъ вѣсть, гдѣ оную получилъ Битяговскій, — объ этомъ нѣтъ ни слова. Разница тутъ состоитъ во времени и не можетъ касаться правдивости того или другого показанія. Когда послалъ Маховиковъ извѣстять о болѣзни царевича, мы не знаемъ. Очень не мудрено, что когда зазвонили, посланный Маховикова (не видно, чтобъ онъ самъ лично давалъ знать) еще не приходилъ, и М. Битяговскій могъ послать людей узнать, что за звонъ. Извѣстіе же о болѣзни царевича, отъ посланца Маховикова, Битяговскій могъ получить на дорогѣ и въ дьячей избѣ. Здѣсь противорѣчія нѣтъ ни какого. Притомъ же, должно еще замѣтить, что Углицкіе разсылщики могли и не знать хорошо обстоятельство этого дѣла. Важно въ этихъ показаніяхъ то, что Битяговскій былъ извѣщенъ о случившемся во дворцѣ; а первое показаніе важно еще потому, что изъ него мы узнаемъ, что Битяговскій съ сыномъ въ это время были дома, что показывала и вдова Битяговскаго.

Далѣе С. М. Соловьевъ спрашиваетъ: „Зачѣмъ Битяговскій зашелъ въ дьячью избу? Онъ долженъ былъ снѣшиться во дворецъ“. Мы не знаемъ, долго ли былъ М. Битяговскій въ дьячей избѣ, онъ могъ зайти туда на минуту, чтобы подробнѣе разузнать, въ чемъ дѣло, или по другой причинѣ. Вѣдь дьячья изба, конечно, стояла весьма близко отъ дворца; онъ зашелъ по дорогѣ, можетъ-быть, и это еще вѣроятнѣе и для того, чтобы сдѣлать какія-либо распоряженія для прекращенія начавшейся суматохи.

Что же касается того, что не спросили сторожа Евдокимова, былъ ли въ дьячей избѣ М. Битяговскій, и какъ попали туда его сынъ и Н. Качаловъ, то это ничего не значитъ для сущности дѣла; тутъ упущеніе простой формальности. Не было въ живыхъ ни Битяговскихъ, ни Качалова, сторожъ Евдокимовъ могъ показывать, что хотѣлъ. Защитникъ гѣтописнаго разказа даже не видитъ, что если бы слѣдствіе производилось въ пользу Годунова, то сторожа Евдокимова могли заставить говорить, что угодно ¹⁾.

¹⁾ «Не спросили», говорятъ С. М. Соловьевъ, «объ этомъ обстоятельстве, а спрашивали, какъ кололи курицу, спускали кровь, мазали оружіе!» Удиви-

Точно также несправедливо обвинять слѣдователей въ упущеніи словъ пономаря Огурца, что М. Битяговскій прибѣгалъ къ нему на колокольню, и что онъ (Огурецъ), не пустилъ его. Битяговскій, какъ дьякъ, какъ высшее правительственное лицо, обязанъ былъ прекратить суматоху. Для этой цѣли Битяговскій, прежде всего долженъ былъ прекратить набатъ; но глупый Огурецъ, послѣ внушительнаго урока Суботы-Протопопова, не пустилъ его: вотъ и все!

Причины и поводы къ убійству Битяговскихъ и др. не выяснены обстоятельно въ слѣдственномъ дѣлѣ; а самый фактъ убійства, то-есть, какъ оно совершилось, и совсѣмъ не выяснены.

Когда убитъ былъ Михайло Битяговскій съ дьякомъ Третьяковымъ, то-есть, прежде или послѣ сына и Н. Качалова? По тому обстоятельству, что согласно всѣмъ показаніямъ, М. Битяговскаго убили за то, что началъ разговаривать, можно предположить, что толпа сначала бросилась на него. Еслибы сынъ его и Качаловъ были убиты прежде, то едва-ли М. Битяговскій сталъ бы разговаривать, то-есть, увѣщевать народъ. Попытка убійства началась почти одновременно; одновременно осадили брусную избу (гдѣ скрывался М. Битяговскій съ Третьяковымъ) и дьячью избу (гдѣ скрывались Н. Качаловъ и Данило Битяговскій). Кажется, что сначала овладѣли брусною, а потомъ и дьячьею избой. Въ той и другой избѣ перебито было много и другихъ лицъ, изъ чего можно заключить, что и тамъ, и тутъ была сильная свалка. Изъ показаній Углицкихъ разсмысленныхъ видно, что Никиту Качалова ¹⁾ убили за то, что онъ заступался за Осипа Волохова, бѣжавшаго къ Битяговскимъ и убитаго послѣ.

Вотъ показанія относительно убійства Битяговскихъ, Качалова, Волохова и прочихъ побитыхъ:

Попъ Богданъ показалъ: М. Битяговскій, вмѣстѣ съ дьякомъ Третьяковымъ, ушелъ въ брусную избу, откуда его выволокли и убили.

тельное дѣло! Да вѣдь эти вопросы важнѣе: они объяснили всю преступную дѣятельность Михайлы Нагого; они раскрывали сущность дѣла.

¹⁾ Это показаніе очень интересно, потому что оно можетъ навести на такіа соображенія: не закричала ли царица на Волохову сначала только: Ты убійца, твой сынъ?... А имена обоихъ пріятелей его Н. Качалова, какъ заступника за О. Волохова, и Д. Битяговскаго, какъ сына дьяка ненавистнаго, присоединились послѣ, и что въ умѣ избитой Волоховой всѣ крики слились воедино потому? И царица, и Волохова, обѣ были въ ненормальномъ положеніи. У одной погибъ сынъ, жизни сына другой угрожали, а потомъ и убили. Къ сожалѣнію въ показаніи разсмысленныхъ не сказано, сами ли они видѣли и слышали, какъ Н. Качаловъ заступался за Волохова, или нѣтъ?

Маховиковъ и Данилко, сынъ Михайлы Григорьева, одного изъ главныхъ убійцъ, и самъ убійца показали то же.

Маховиковъ и Григорьевъ объ убійствѣ Н. Качалова и Даниила Битяговскаго показали, что они убиты были въ дьячьей избѣ.

Углицкіе же разсыльные показали, что Михаилу Битяговскаго убили въ дьячьей избѣ, а Данилу Третьякова и Кириллу Маховикова (который былъ только избитъ) Михайло Нагой велѣлъ убить на переходахъ. Видно, что они или не видѣли дѣла близко, а смотрѣли издали, или показываютъ такія обстоятельства, на которыя слѣдователи не обратили вниманія. (Могли слышать, какъ Михаилъ Нагой велѣлъ убить Третьякова и Маховикова; могли видѣть, какъ М. Витяговскій бѣжалъ къ дьячьей избѣ, куда могъ не попасть, или откуда могъ перейти въ брусяную избу)¹⁾. О показаніи ихъ на счетъ смерти Н. Качалова мы уже говорили.

Челобитная Углицкихъ разсыльныхъ, изъ которой мы извлекли вышеприведенныя показанія, замѣчательна и съ другой стороны. Въ началѣ челобитной стоятъ слѣдующія слова: „А бѣмъ тебѣ, государю, челомъ и плачемся, чтобы намъ, отъ тебя государя съ виноватыми не погибнуть“. Слова, выражающія сильный страхъ. За чтò они опасались отвѣтственности? Несомнѣнно, что въ убійствѣ они участія не принимали. Ясно, что они боятся отвѣтственности за бездѣятельность, за то, что не оказали никакого противодѣйствія буйству народа. Разсыльщики, полицейскіе служители, точно также боятся отвѣтственности, какъ и Русинъ-Раковъ, городской прикащикъ. Последній, разумѣется, долженъ былъ опасаться болѣе, потому что онъ не только не противодѣйствовалъ буйству, но исполнялъ приказанія М. Нагого, имѣвшія цѣлю скрытіе преступленія. Замѣтимъ, что и Русинъ-Раковъ, городской прикащикъ, и Углицкіе разсыльщики, подающіе челобитную, принадлежатъ къ полицейскимъ властямъ города.

Объ Осипѣ Волоховѣ всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что онъ убитъ у Спасовой церкви; но изъ всѣхъ показаній останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе показаніе одного изъ убійцъ, Даниила Григорьева: „и М. Нагой велѣлъ Осипа Волохова прибить“, а онъ съ отцомъ и съ посадскими людьми убили его до смерти. Такъ и должно было быть: вся Углицкая трагедія разыгрывалась постепенно. М. Нагой

¹⁾ Изъ этихъ показаній можно вывести и такое заключеніе, что отъ суботы до вторника въ городѣ не смѣли говорить о дѣлѣ, иначе разсыльные могли бы собрать болѣе точныя свидѣнія и сдѣлать болѣе ясныя показанія.

кричалъ побити, а сестра его кричала: „то де убойца моего сына“, — и въ Нагихъ, и въ толпѣ кровожадная свирѣлость росла постепенно, одно преступленіе плекло другое.... Положимъ, царица Марья Осодорвна обезумѣла отъ горя; положимъ, М. Нагой обезумѣлъ отъ первыхъ порывовъ своего необузданнаго гнѣва; но почему ни Григорій, ни Андрей Нагой не отняли О. Волохова, чтобы представить его суду? Они могли уговорить и царицу Марью, и М. Нагого, что это необходимо для ихъ собственнаго оправданія. Вѣроятно, то-есть, безъ сомнѣнія, такъ бы и было, еслибъ Осипъ Волоховъ и другіе побитые были виновны; но смерть Волохова, напротивъ того, закрывала, то-есть, затемняла преступленіе Нагихъ: послѣдній обличитель былъ убитъ. И не мудроно, что М. Нагой, велѣвшій его прибить, хладнокровно смотрѣлъ, какъ его убили и потомъ прохолокали, какъ надъ зайцемъ.

Юдинъ, видѣвшій смерть царевича, ни слова не говоритъ объ убійствѣ Битяговскихъ. Чтò это значить? Неужели по смерти царевича онъ уползъ со двора? Мы замѣтили, что о смерти царевича онъ показавалъ потому только, что на него указавалъ Тулубевъ здѣсь же; на него никто не указывавалъ, вотъ онъ и молчалъ. Такихъ явныхъ уклоненій было много.

Но, кромѣ уклоненій, слѣдуетъ обратить вниманіе на характеръ показаній различныхъ лицъ, смотря по ихъ отношеніямъ къ уличному двору.

Русинъ-Раковъ и Углицкіе разсылные свидѣтельствуютъ, что М. Нагой былъ мертво пьянъ; всѣ же придворные служители молчатъ объ этомъ. Юдинъ, сѣнные и сытныя сторожа, повара и хлѣбники ни слова не говорятъ объ убійствѣ Битяговскихъ. Какъ будто возможно допустить, что они ничего и не видали, и не слышали. Низшіе придворные служители молчали и потому, что многіе изъ нихъ могли принимать участіе въ свалкѣ, а у другихъ могли участвовать въ ней родственники. Но разумѣется, прежде всего должно припятъ во вниманіе привычку къ своимъ господамъ, къ ихъ авторитету. Бѣда случилась не маленькая, бѣда случилась страшная, — придворные служители видѣли, знали, что царевичъ закололся въ припадкѣхъ надучей болѣзни; но вмѣстѣ съ тѣмъ, знали, что Битяговскій съ сыномъ и другіе побиты напрасно, невинно. Естественно, что при допросахъ ими овладѣлъ страхъ, который, вмѣстѣ съ другими эгоистическими побужденіями, заставляя о видѣнномъ молчать, и потому всѣмъ хотѣлось быть подалѣе отъ слѣдствія. Особенная робость замѣтна, когда дѣло касалось царицы Марьи: кромѣ Волоховой, о ней всѣ молчатъ. Сит-

пикъ Маховиковъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ смерть царевича, ибо Тулубевъ показывалъ, что ему о смерти царевича сказывали Юдинъ и Маховиковъ; но Маховикова, который даже Витяговскому не осмѣлился сообщить прямо о смерти царевича, а только о болѣзни, ничего объ этомъ не спросили. Такъ-то слѣдствіе производилось въ пользу Годунова! Нѣтъ нужды, кажется, прибавлять, что Маховиковъ о смерти царевича говорилъ Тулубеву то же, что и Юдинъ. Странчій кормоваго двора Субота-Протопоповъ показываетъ, что М. Витяговскаго убили по приказанію М. Нагого, даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о ссорахъ М. Витяговскаго съ М. Нагимъ, указываетъ причину ссоръ, что М. Нагой спрашивалъ у М. Витяговскаго, сверхъ государова указа, денегъ изъ казны, а М. Витяговскій не давалъ; но тотъ же Субота-Протопоповъ говоритъ, что не вѣдаетъ — за что побили Н. Качалова, Д. Витяговскаго, Осина Волохова и другихъ. И это, безъ сомнѣнія, потому, что для объясненія причинъ ихъ убійства нужно было показывать на царицу Марью. Это подтверждается и тѣмъ, что Субота-Протопоповъ ни слова не говоритъ о смерти царевича. Можно ли предположить, чтобы человекъ, такъ настоятельно распоряжавшійся звономъ, и побоями заставлявшій Огурца сильнѣе звонить, ничего не видалъ, и ничего не слыхалъ?

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличаются показанія Русина-Ракова, Углицкихъ разсыльныхъ и губнаго старосты Муранова; въ этихъ показаніяхъ рѣзче рисуются незаконныя дѣйствія М. Нагого.

Заклучимъ разборъ показаній свидѣтельствомъ патріарха Іова и посмотримъ, съ должнымъ ли безпристрастіемъ отнесся къ этому свидѣтельству нашъ историкъ С. М. Соловьевъ. Оканчивая свой разборъ слѣдственнаго дѣла, С. М. Соловьевъ говоритъ: „Крайне недобросовѣстно произведено было слѣдствіе; по еще недобросовѣстнѣе было основываться на немъ, какъ сдѣлалъ патріархъ Іовъ“.

Прежде всего замѣтимъ, что патріархъ Іовъ основывался не только на словахъ слѣдственнаго дѣла, но и на словахъ митрополита Геласія, бывшаго при производствѣ слѣдствія въ качествѣ наблюдателя отъ царя и правителя и въ качествѣ представителя отъ духовенства. Вотъ слова его: „а передъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Феодоромъ Ивановичемъ всея Руси, Михаила и Григорія Нагихъ и Углицкихъ посацкихъ людей измѣна явна“. По обычаю того времени, когда складывался государственный строй, патріархъ Іовъ называлъ самоуправство, своеволие Нагихъ измѣною. Онъ былъ бы правъ; съ точки вѣрнія его времени, и въ томъ случаѣ, еслибы царевичъ

дѣйствительно зарѣзали; но патріархъ Іовъ былъ справедливо убѣжденъ (и другого убѣжденія у него не могло и быть), что „смерть царевичу Дмитрію учинилась божьимъ судомъ“, то-есть, что въ этой смерти никто изъ людей не былъ виноватъ. Далѣе патріархъ Іовъ говоритъ: „а онъ Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей, дьяка Михайла Битяговскаго съ сыномъ и Микиту Качалова и иныхъ дворянъ и жильцовъ, и посацкихъ людей, которые стояли за Михайла Битяговскаго и за всѣхъ тѣхъ, которые стояли за правду и разговаривали посацкимъ людямъ, что они такую измѣну сдѣлали, велѣлъ побити напрасно, умыленно за то, что Битяговскій съ нимъ, съ Михайломъ Нагимъ, бранился по часту за государя, что онъ Михайло Нагой держалъ у себя вѣдуна Ондрушку Мочалова и иныхъ многихъ вѣдуновъ и за то великое измѣнное дѣло М. Нагой съ братьемъ и съ мужики - Угличане по своимъ винамъ дошли до всякаго наказанія“. С. М. Соловьевъ видитъ въ этихъ словахъ патріарха особенное желаніе выставить измѣну Нагихъ и заслуги Битяговскаго, бранившася за государя; но мы, кромѣ простой передачи фактовъ, добытыхъ слѣдствіемъ, ничего здѣсь не видимъ. На чемъ же патріарху было и основываться, какъ не на слѣдственномъ дѣлѣ? Нельзя же было основываться на словахъ Нагихъ! Мы же, кромѣ того, въ словахъ патріарха Іова видимъ еще и ту характеристическую черту, которая проходитъ черезъ все слѣдствіе: это умалчиваніе о царицѣ Марьѣ. Онъ даже не упоминаетъ имени Осипа Волохова, убитаго въ глазахъ царицы. Этого пропуска нашъ историкъ, такъ любящій отыскивать пропуски въ другихъ частяхъ слѣдственного дѣла, не замѣчаетъ. Но еще пристрастнѣе судить онъ о заключительныхъ словахъ грамоты Іова: „а то дѣло земское, градское, въ томъ вѣдаетъ Богъ, да государь и великій князь Θεодоръ Ивановичъ всея Руси, все въ его царскихъ рукахъ и казнь, и опала, и милость, о томъ государю, какъ Богъ извѣститъ, а наша должная молитъ Господа Бога и пречистую Богородицу и великихъ русскихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іону и всѣхъ святыхъ о государѣ, царѣ и великомъ князѣ Θεодорѣ Ивановичѣ всея Руси и о государынѣ, царицѣ и великой княгинѣ Иринѣ, о ихъ государскомъ, о многолѣтнемъ здравіи и о тишинѣ междоусобной брани“. „Какъ выставлена“, говоритъ С. М. Соловьевъ, „обязанность духовенства молиться о тишинѣ междоусобной брани!“ Въ простой рѣчи патріарха нѣтъ ни малѣйшаго слѣда и желанія особенно выставить эту обязанность. Но естественно, что Углицкое дѣло должно было навести раздумье о томъ, что будетъ, если Θεодоръ умретъ? Нѣтъ сомнѣнія,

что Ювъ хлопоталъ о возведеніи на престолъ Годунова не только изъ преданности къ нему, но и изъ желанія общаго блага, ради утвержденія тишины. Естественно, что въ словахъ Юва выразилось опасеніе междуусобій! ¹⁾).

Изъ разбора всего слѣдственнаго дѣла несомнѣнно можно вывести слѣдующія заключенія:

Во-первыхъ, вѣрность основнаго факта, то-есть, что царевичъ на-брушился ножомъ самъ. Кромѣ вышеприведенныхъ доказательствъ, въ этой вѣрности убѣждаетъ насъ и самая обстановка, среди которой случилось несчастное событіе. Трудно предположить, чтобы князь В. И. Шуйскій, дѣяки Клепшицъ и Вылузгинъ сговорились между собою и съ митрополитомъ Геласіемъ, сговорились бы такъ нагло закрыть убійство; а еще труднѣе, и скажемъ, невозможнѣе предположить, чтобы всѣ эти лица сами, или черезъ кого бы то ни было, устроили всю обстановку дѣла. Неразвитое общество, чернь всегда во всѣхъ несчастіяхъ, случающихся среди царствующихъ фамилій, отыскиваютъ преднамѣренное злодѣяніе; но историкамъ неприлично подчиняться дурнымъ инстинктамъ неразвитыхъ людей. Митрополитъ Геласій, князь В. И. Шуйскій, Клепшицъ, Вылузгинъ пріѣхали въ городъ, страшно взволнованный, безъ стражи, безъ войска, и среди взволнованнаго города они сочиняютъ и болѣзнь царевича, и игру въ пожь черезъ черту, и заставляютъ Жданову, Самойлову, четырехъ мальчиковъ, Юдина показывать, что царевичъ закололся самъ!

Во-вторыхъ, ясно видно, что при слѣдствіи не было никакихъ принудительныхъ мѣръ, застраиванія; стоитъ припомнить, что Юдинъ, видѣвшій смерть царевича, показалъ объ этомъ только потому, что на него сослался Тулубевъ. Если бы заставляли такъ или иначе показывать, то не естественнѣе ли было бы заставить Андрея Нагого

---

¹⁾ Любопытно еще одно замѣчаніе С. М. Соловьева: зачѣмъ велѣли привезти въ Москву одну Тучкову-Жданову, почему не велѣли привезти Волохову и Самойлову, ибо всѣ три одинаково показывали, что царевичъ закололся самъ. Не говоря о томъ, что Волоховой не было, Ирина Жданова-Тучкова ближе всѣхъ видѣла смерть царевича. Но какимъ образомъ изъ этого можно заключить, что именно Ирина-то и объявила царицѣ о гибели царевича отъ руки убійцы? Еслибъ она видѣла, и еслибы слѣдствіе производилось изъ угоду Годунову, то Ирину Жданову немедленно увезли бы въ Москву, хотъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она, бывши ближе всѣхъ къ царевичу во время несчастія, не предупредила оное! Еслибъ она сказала царицѣ, то объ этомъ не преминули бы упомянуть при допросахъ, какъ мы уже замѣтили, а еслибъ она погибла по приказанію Годунова, то послѣ о томъ не умолчали бы враги его.

показать, что онъ, бывшій во дворцѣ, засталъ царевича живымъ, а не Григорія, прибѣжавшаго съ подворья? Свобода показаній доказывается, между прочимъ, и психологическою вѣрностію ихъ.

Въ-третьихъ, въ слѣдственномъ дѣлѣ ясно желаніе смягчить вину Нагихъ (закрѣпить оную было не возможно), и это желаніе было слѣдствиемъ того, что главною виновницею страшной драмы, разыгравшейся въ Угличѣ, была царица Марья, вдова Іоанна Грознаго.

Василиса Волохова показала, какъ была ее царица, какъ билъ, по приказанію царицы, братъ ея Григорій, какъ царица выкрикнула имена О. Волохова, Д. Битяговскаго, Н. Качалова, и ни объ чемъ объ этомъ не спросили ни Жданову, ни Колобову, ни Юдина. Это ли дѣйствія въ пользу Бориса Годунова?

Одинъ изъ убійць, конюхъ Михайло Григорьевъ, прямо указывалъ на М. Нагого и на царицу, какъ на подстрекателей. И никакихъ разспросовъ по этому поводу не было сдѣлано. И это дѣйствія въ пользу Годунова?

Даже патриархъ Іовъ не упоминаетъ имени царицы, а говоритъ только о сѣ братьяхъ! И это въ пользу Годунова?

Въ-четвертыхъ, въ слѣдственномъ дѣлѣ видна величайшая невнимательность къ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ и сопровождавшимъ убійство Битяговскаго съ сыномъ, Н. Качалова и другихъ. И никто, разумѣется, не можетъ сказать, чтобы она была выгодна Борису Годунову; ибо эта невнимательность подавала поводъ къ различнымъ толкамъ. Нѣкоторая доля вины относительно этого пункта зависѣла, можетъ-быть, и отъ неискusstва слѣдователей, но еще болѣе отъ нежеланія вполне раскрыть вину Нагихъ ¹⁾.

Въ-пятыхъ, здѣсь, то-есть, въ Угличѣ, несомнѣнно положено было начало союзу, заключенному противъ Б. Ѳ. Годунова, князя В. И. Шуйскаго съ Марьей Ѳеодоровною Нагою (см. IV-ю главу).

Евгеній Вѣлонъ.

¹⁾ Еслибы слѣдствіе производилось въ пользу Бориса Годунова, для прикрытія мнимаго убійства, то на этотъ пунктъ естественно болѣе обратили бы вниманія. Если, по мнѣнію защитниковъ лѣтописнаго разказа, сочинили показанія или заставляли подписывать какія угодно слѣдователямъ, то развѣ нельзя было собрать такихъ показаній болѣе, чѣмъ ихъ имѣется въ слѣдственномъ дѣлѣ? Къ несчастію, до насъ не дошло начало слѣдственнаго дѣла—къ несчастію, потому, что, можетъ-быть, тамъ было еще нѣсколько важныхъ указаній о томъ, какъ собирались первоначальными свидѣніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ СЛХVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).
1873.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О смерти царевича Дмитрія. (Окончаніе). . . Е. А. ВЪЛОВА.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго
судопроизводства въ исторіи русскаго
права. (Продолженіе). . . . . К. Г. СТЕФАНОВСКАГО.

Осада Очакова въ 1788 году. . . . . А. Г. БРИЕНЕРА.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:

Laut und Formenlehre der Polabischen Sprache von
August Schleicher. (Фонологія и морфологія по-
лабскаго языка *Августа Шлейхера*). S.-Peters-
bourg, 1871. 8°; стр. XIX и 353 . . . . . И. А. БОДУЕНЪ-ДЕ-КУРТЕНЪ.

Онежскія былинны, записанныя Александромъ Федо-
ровичемъ *Гильфердингомъ* лѣтомъ 1871 года. Съ
двумя портретами Онежскихъ раисодовъ и на-
пѣвами былинъ. С.-Пб. 1873. . . . . Л. Н. МАЙКОВА.

О значеніи классическаго образованія. . . . Н. МАПУЙЛОВИЧА.

Французскія гимназіи. (Статья д-ра Э. Штрё-
лина. Переводъ съ нѣмецкаго).

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ.

(См. на 3-й стр. обѣрки).

О СМЕРТИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ¹⁾.

III.

Разборъ лѣтописныхъ сказаній²⁾.

Мы начнемъ разборъ лѣтописныхъ сказаній съ того мѣста такъ-называемой Никоновской лѣтописи, которое служитъ какъ-бы эпиграфомъ къ повѣствованію о смерти царевича Димитрія. Въ этомъ мѣстѣ говорится о взаимной ненависти бояръ и В. Ѳ. Годунова, а именно: „Боляринъ Борисъ рекомый Ѳедоровичъ Годуновъ, ненавидяше братію свою бояръ, боярежь его не любяху, что многіе люди, погубивъ напрасно“. Кого же погубилъ Борисъ? Въ какое время? Разборъ этихъ вопросовъ важенъ въ томъ отношеніи, что напомнить читателю всю глубину ненависти извѣстной партіи къ Борису и уяснить причину, почему на Бориса Годунова пало обвиненіе въ смерти царевича, и причину гибели семейства В. Ѳ. Годунова. При Грозномъ Годуновъ, какъ извѣстно, не принималъ участія въ казняхъ и опалахъ; но не смотря на это, ненависть бояръ къ людямъ, близкимъ къ Іоанну, перешла и на В. Ѳ. Годунова. Эта ненависть окрасила въ лѣтописныхъ сказаніяхъ темнымъ цвѣтомъ и борьбу Годунова съ боярами при Ѳедорѣ Ивановичѣ; ибо современники Грознаго и ближайшіе потомки ихъ смотрѣли на опалы, постигшія бояръ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, какъ на продолженіе опалъ временъ Грознаго. Вышеприведеннымъ мѣстомъ начинается описаніе событій, предшествовавшихъ смерти царевича Димитрія; но до этого рокового событія было только два дѣла, вызвавшія опалы—дѣло Вѣльскаго и дѣло о разводѣ.

¹⁾ Окончаніе. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* июльскую книжку 1873 года.

²⁾ Мы взяли для этого разбора такъ-называемую Никоновскую лѣтопись и Лѣтопись о митечахъ. Кроме того, пользовались «Изборникомъ» Попова, особенно при разборѣ обвиненій противъ Годунова.

Никоновская лѣтопись и Лѣтопись о мятежахъ говорятъ различно о побужденіяхъ Бѣльскаго: Никоновская лѣтопись говоритъ, что Бѣльскій извелъ царя Ивана Васильевича, а теперь замышлялъ извести Ѳедора Ивановича и доставить престолъ своему совѣтнику (то-есть, другу и пріятелю) Борису Ѳедоровичу Годунову; а Лѣтопись о мятежахъ говоритъ, что Б. Бѣльскій самъ хотѣлъ сѣсть на престолъ. Но оба сказанія, послѣ описанія волненій черни, оканчиваются одинаковымъ обвиненіемъ Годунова, высказаннымъ одними и тѣми же словами. Это значитъ, что о побужденіяхъ Богдана Бѣльскаго были различные толки; но въ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ Бориса, эти толки слились во едино. Оба лѣтописныя сказанія оканчиваютъ свое описаніе такими словами: „Шуринъ же царя Ѳеодора Борисъ Годуновъ, мстя приходъ на Богдана Бѣльскаго, прежде реченныхъ Липуновыхъ и Кикиныхъ и иныхъ многихъ дѣтей боярскихъ и многихъ посадскихъ людей поимати повелѣ и по городамъ, по темницамъ разосла“. Страшно было бы Годунову мстить за Бѣльскаго, когда онъ задумывалъ сѣсть на престолъ самъ; но разнорѣчіе о побужденіяхъ Бѣльскаго имѣетъ смыслъ: Видѣли, что трудно обвинить Годунова въ желаніи сѣсть на престолъ, изведа царя Ѳеодора, когда въ началѣ правленія Ѳеодора власть Годунова еще не окрѣпла; можетъ-быть, толки, изъ которыхъ сложилось лѣтописное обвиненіе, встрѣчали сильное возраженіе, и потому другое сказаніе, возникшее изъ новыхъ толковъ, прибавляетъ, что Бѣльскій самъ хотѣлъ сѣсть на престолъ; но обвиненіе въ мести, павшее на Б. Ѳ. Годунова, осталось старое... А все дѣло сводится къ тому, что Б. Ѳ. Годуновъ долженъ былъ, по обязанности правителя, прекратить волненія и наказать виновныхъ. Народъ съ криками требуетъ Бѣльскаго; Липуновы и Кикины наводятъ пушки на Фроловскія ворота, и за все за это Годуновъ разослалъ виновныхъ по городамъ и темницамъ. Можно видѣть тутъ слабость новаго правительства, какъ говоритъ Карамзинъ; но гдѣ же жестокость, месть? Такъ съ самаго начала пристрастно и враждебно относятся лѣтописныя сказанія въ Борису Ѳедоровичу Годунову ¹⁾).

¹⁾ Волненіе народа въ Москвѣ лѣтописное сказаніе сначала приписываетъ врагу рода человѣческаго, который вложилъ людямъ въ сердце подозрѣніе на Бѣльскаго, и можетъ-быть, въ этомъ выраженіи скрывается не одна обычная риторическая фигура, а высказывается неопытно, что причина волненія не была извѣстна сказателямъ. Подъ влияніемъ же вражды къ Б. Ѳ. Годунову, неизвѣстное перешло въ извѣстное!

Другое дѣло, известная попытка сломить власть Бориса посредствомъ развода цари Ѳедора Ивановича съ его супругой Ириною Ѳедоровною, сестрою Годунова. Этому дѣлу предшествуетъ одно известіе, находящееся въ Степенной книгѣ Латукина (см. Исторію Государ. Росс., т. XII, примѣчаніе 60-е); которое обнаруживаетъ, что борьба бояръ съ В. Ѳ. Годуновымъ не прерывалась. Оно сообщаетъ, что В. Ѳ. Годуновъ сблизился съ княземъ И. Ѳ. Мстиславскимъ, но потомъ Шуйскіе и Воротынскіе привлекли Мстиславскаго на свою сторону и стали его уговаривать, чтобъ онъ извелъ Бориса. Мстиславскій сначала отказывался, но кончилъ тѣмъ, что „по волѣ ихъ, хотя сотворити имъ угодное, умысли въ дому своемъ пирь сотворити и, призвавъ Бориса, тогда его и убити“. С. М. Соловьевъ остается въ недоумѣніи, справедливъ или нѣтъ этотъ разказъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо добавляетъ, что онъ носитъ всѣ признаки достовѣрности: „Шуйскіе“, говоритъ онъ, „являются вѣрны наслѣдственному характеру; хитрые, уклончивые, они хотятъ истребить Бориса чужими руками, посредствомъ Мстиславскаго; послѣдній также вѣрентъ наслѣдственному характеру — дрожить передъ насильственною мѣрой и все-таки дѣлается орудіемъ въ чужихъ рукахъ“. Но и по этому дѣлу Мстиславскаго сослали въ Кирилловъ монастырь, а другихъ только разослали по городамъ. Послѣ этой то неудачи, рѣшились отдѣлаться отъ Бориса путемъ развода. Но ни Никоновская лѣтопись, ни Лѣтопись о мятежахъ, важнѣйшіе источники о смутной эпохѣ, разказывая о попыткѣ Діонисія примирить И. П. Шуйскаго, его фамилію и ихъ сторонниковъ съ В. Ѳ. Годуновымъ, о новой ссорѣ Шуйскихъ съ Годуновымъ и о ссылкѣ Шуйскихъ, ни слова не говорятъ о просьбѣ на счетъ развода. Странный пропускъ: едва-ли онъ случайный. Латукинская Степенная книга и здѣсь пополняетъ разказъ Никоновской лѣтописи и Лѣтописи о мятежахъ¹⁾: „Діонисій митрополитъ, да князь Иванъ Петровичъ Шуйскій и иные бояре царицы полаты, гости же московскіе и всѣ люди купецкіе между себе сотвориша совѣтъ и рукописаніемъ утвердишася, бити челомъ государю, чтобъ онъ чадородіи ради второй бракъ пріялъ, а первую свою царицу Ирину Ѳедоровну отпустилъ бы во ипоческій чинъ“. Безъ сомнѣнія, послѣ этой попытки Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и „возложилъ измѣну“ на Шуйскихъ, и въ глазахъ ца-

1) Извѣстія изъ Степенной книги Латукина мы приводимъ по примѣчаніямъ Карамзина.

рицы Ирины Ѳеодоровны, о голосѣ которой въ этомъ дѣлѣ молчатъ наши историки, благо его не слышно, — въ глазахъ царицы, говоримъ мы, попытка Шуйскихъ справедливо должна была казаться измѣною. Голосъ царицы въ этомъ дѣлѣ, безъ сомнѣнія, былъ очень силенъ; развѣ для Ирины Ѳеодоровны не ясно было, въ чемъ дѣло? Развѣ она могла не понять, изъ-за чего вносить раздоръ въ царское семейство? Да развѣ это принесеніе царицы въ жертву мнимымъ государственнымъ интересамъ, а въ сущности интересамъ партіи Шуйскихъ, не преступленіе, не измѣна со стороны этой фамиліи? Извѣстіе о подготовленной уже невѣстѣ, о княжѣ Мстиславской, чрезвычайно поясняетъ не только это дѣло, но и отношенія партій: свергнувъ царицу Ирину, хотѣли поставить свою царицу, точно также какъ по сверженіи самозванца поставили своего царя. И здѣсь, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ потомковъ удѣльныхъ князей, видно одно и то же желаніе окружить царя людьми, исключительно изъ своей среды. Безъ сомнѣнія, съ дѣломъ о разводѣ тѣсно связано дѣло о пыткѣ людей Шуйскихъ. С. М. Соловьевъ думаетъ, что трудно рѣшить — „Годуновъ ли былъ виновникомъ ложнаго доноса, или доносъ былъ справедливъ“. Говорится на счетъ доноса объ измѣнѣ; но какая была эта измѣна — лѣтописный разказъ не поясняетъ. Дѣло это поясняется тѣмъ, что вмѣстѣ съ дворовыми людьми Шуйскихъ пытали и гостей Московскихъ — Ѳеодора Нагого съ товарищами; а извѣстно, что Московскіе гости подписывали челобитную о разводѣ ¹⁾). За извѣстіемъ объ измѣнѣ Шуйскихъ слѣдуетъ разказъ о ихъ опалѣ и голословное извѣстіе о томъ, что князья Иванъ и Андрей Петровичи Шуйскіе были отправлены въ ссылку и тамъ удушены.

Трудно приять послѣднее извѣстіе, то-есть, о насильственной смерти Шуйскихъ, — во первыхъ, потому, что это противорѣчитъ вообще нерѣшительному характеру В. Ѳ. Годунова; во вторыхъ, потому, что за Иваномъ и Андреемъ Петровичами Шуйскими стояла ихъ громадная родня, опираясь на цѣлую партію, которая не преминула бы передъ богобоязненнымъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ раскрыть это

¹⁾ По поводу нерѣшительности С. М. Соловьева въ приговорѣ о виновности Годунова или Шуйскихъ, мы замѣтимъ, что гдѣ дѣло касается до обвиненія Годунова, то тамъ прибѣгаютъ къ разнаго рода соображеніямъ и догадкамъ, съ противниками же его обходится осторожнѣе. Что же касается до лѣтописнаго разказа на счетъ дѣла о разводѣ, то мы не вѣримъ, чтобы В. Ѳ. Годуновъ очень умолялъ Діонисія оставить дѣло: безъ сомнѣнія, царица Ирина, при извѣстной любви къ ней Ѳеодора, и сама сумѣла отстоять себя.

преступленіе; втретыхъ, извѣстіе это, какъ мы уже замѣтили, голословное; вчетвертыхъ, съ него начинается рядъ нелѣпныхъ обвиненій противъ Бориса Ѳеодоровича.

По этому мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Пощажены были тѣ Шуйскіе, до которыхъ не дошло слово, и если слово дошло объ Иванѣ и Андреѣ Петровичахъ Шуйскихъ, то это слово (то-есть, доносъ) заподозрить нельзя, принявши во вниманіе тожественность дѣла о разводѣ и дѣла объ измѣнѣ.

2) Волненіе черни, неизвѣстно кѣмъ возбужденной, покушеніе на жизнь В. Ѳ. Годунова, покушеніе на свободу и права царицы Ирины — всѣ эти преступленія наказаны были довольно мягко, снисходительно.

3) Изъ всего хода этихъ дѣлъ не видно, чтобы Борисъ губилъ бояръ даромъ, напрасно.

4) Въ послѣднемъ дѣлѣ, то-есть, въ дѣлѣ о разводѣ, болѣе пострадали люди Шуйскихъ и московскіе гости, чѣмъ главные виновники. И это послѣднее обстоятельство показываетъ несмѣлость, нерѣшительность Бориса въ дѣйствіяхъ его относительно бояръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываетъ, что враги Бориса были побѣждены, но сила ихъ была еще велика. Пусть подумаютъ защитники лѣтописнаго разказа: допустили ли бы эти враги Бориса закрыть преступленіе, еслибы оно было совершено? Мы говоримъ о мнимомъ убіеніи царевича Димитрія.

И самый разказъ о смерти царевича Димитрія Углицкаго начинается сѣтованіемъ о враждѣ бояръ, и по началу можно было бы ожидать выясненія — какая связь между этою враждою и гибелью царевича. Но изложеніе внезапно прерывается обвиненіемъ Годунова. „Вложи діаволь ему (то-есть, Борису) въ мысль извести праведнаго своего государя, царевича Димитрія“. Хотя лѣтописный разказъ не объясняетъ, что за связь между враждою бояръ и смертію царевича; но мы думаемъ, что вышеупомянутое сѣваніе все-таки сказано не даромъ. У сказателей, безъ сомнѣнія, было темное сознаніе; что случайная смерть царевича дала боярамъ, враждебнымъ Годунову, страшное оружіе противъ ихъ врага, и что эта случайная смерть открыла путь къ спорамъ за престолъ. Иначе къ чему служило бы это сѣваніе?

Мы уже замѣтили, что составители сказаній предвидѣли возраженіе: почему Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, желая освободиться отъ царевича, прибѣгнулъ къ убійству, когда имѣлъ въ рукахъ другое

средство, такъ-сказать, болѣе скромное, — почему не прибѣгнуть къ отравѣ? И для опроверженія подобнаго возраженія сказатели, дѣйствительно, повѣствуютъ о намѣреніяхъ В. Ѳ. Годунова отравить царевича; но такъ какъ нельзя было сказать, что царевича отравили, то они ввели въ разказъ элементъ чудеснаго. „Борисъ посла на Угличъ, чтобы отравить сего праведнаго зельемъ. Ему же праведному царевичу Дмитрію даваху смертоносное зелье овогда въ ѣствѣ, овогда въ питьѣ; Богъ же храняи праведника, не хотяи вгаиѣи его праведную душу увести приняти, а хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити ксему (всему) миру“. По этому поводу Карамзинъ говоритъ, что дрожашая рука убійць, вѣроятно, бережно сыдала отраву. Этимъ объясненіемъ онъ, разумѣется, нисколько не объяснилъ сущности дѣла; только легенда, сложившаяся подъ различными условіями, потеряла подъ его перомъ свой характеръ. Въ разказѣ говорится, что отраву давали иногда въ пищѣ, иногда въ питьѣ — „овогда въ яствѣ, овогда въ питьѣ“ — и въ этихъ словахъ слышатся усилія, которыя употребляли враги царевича, чтобы отравить его; но эти усилія падаютъ передъ волею Божіей, — Богъ хотѣлъ не въ тайнѣ принять его душу, но открыто явить міру. Разказъ о смерти царевича, облеченный въ форму легенды, началомъ своимъ обязанъ слухамъ, пущеннымъ Нангими изъ Углича. Среди толковъ, которые неминуемо раздавались по смерти царевича, безъ сомнѣнія, были голоса и за, и противъ В. Ѳ. Годунова; естественно, что первые, то-есть, тѣ, которые говорили за Годунова, возражали, что еслибъ онъ хотѣлъ погубить царевича, то онъ бы его отравилъ; имъ отвѣчали, что Богъ хранилъ. Эти толки, споры мало по малу складывались въ разказъ, который, послѣ перенесенія тѣла царевича изъ Углича въ Москву при В. И. Шуйскомъ, неизбѣжно долженъ былъ принять подъ перомъ сказателей, характеръ легенды. Развѣ въ словахъ: „Богъ... хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити ксему миру“ не слышно объясненія, почему В. И. Шуйскій перенесъ тѣло царевича въ Москву? Очень можетъ-быть, что первоначальное лѣтописное сказаніе объ отравѣ сложилось уже при В. И. Шуйскомъ, вслѣдъ за перенесеніемъ тѣла царевича. Перенесеніе тѣла царевича изъ Углича въ Москву и послѣднія слова сказанія, безъ сомнѣнія, имѣютъ между собою самую тѣсную связь. Волею Божіей, желавшей явить міру кровь праведника, объяснялись неудачи попытокъ отравленія Дмитрія, и можетъ-быть, оправдывалось убійство самозванца и въ то же время доказывалось его самозванство. В. Ѳ. Годуновъ собираетъ совѣтниковъ, и „повѣдаша, яко ничто его

вредить". Слова, показывающія отчаяніе Годунова, что ядъ не дѣйствуетъ, не вредитъ, и служатъ объясненіемъ, почему Б. Θ. Годуновъ прибѣгнулъ къ убійству. „Сии же совѣтницы Борисовы умыслиша ему послати, кого избравъ и его праведнаго убить и изобраша Володимера, рекомаго Загряжскаго, да Микифора Чепчугова и изъ ихъ одинаго послати имъ, иже ко Владиміру и Микифору извѣстна. Они же люди богобоязненные нетокмо, что надъ нимъ сдѣлати и помыслити надъ своимъ государемъ не хотаху“. Сборъ совѣтниковъ, совѣщанія Б. Θ. Годунова показывають, что Б. Θ. Годуновъ часто говорилъ съ своими совѣтниками объ углицкомъ дворѣ, и притомъ, выражалъ свое неудовольствіе на поведеніе Пагихъ; слухи объ этихъ разговорахъ, безъ сомнѣнія, ходили по Москвѣ и въ послѣдствіи облеклись въ ту форму, о которой мы говоримъ: все пригодилось въ свое время. Но, кромѣ этого, по поводу сейчасть приведеннаго мѣста рождаются вопросы гораздо болѣе серіозные: зачѣмъ Б. Θ. Годуновъ обратился къ такимъ богобоязненнымъ людямъ для совершенія злодѣянія? Если совѣтники Годунова обращались къ нимъ, то они должны были знать этихъ людей. М. П. Погодинъ называетъ Чепчугова и Загряжскаго баснословными. Но откуда же взялись эти баснословные люди? Почему названы эти имена? Для рѣшенія этихъ вопросовъ нужно посмотрѣть, къ какому кругу или къ какой изъ враждующихъ сторонъ принадлежали эти фамиліи. При Василии Ивановичѣ Шуйскомъ въ 1609 году, одинъ изъ Чепчуговыхъ, вмѣстѣ съ княземъ Прозоровскимъ посланъ былъ къ боярину Шереметеву, который дѣйствовалъ противъ Лисовскаго. „Въ Касимовѣ же придоша къ нему съ Москвы отъ царя Василья Кл. С. Прозоровскій, да Иванъ Чепчуговъ съ жалованнымъ словомъ за службу, что царю Василью служилъ и прямилъ, да и про то ему говорилъ, что онъ идетъ мѣшкотно, государевымъ дѣломъ нерадѣетъ, а товарища его Ивана Салтыкова взяша къ Москвѣ“¹⁾. Замѣтимъ двойственный характеръ цѣли посольства: велѣно сказать жалованное слово за то, что *служилъ* и *прямилъ* царю В. И. Шуйскому, и выговоръ за нерадѣнье, за мѣшкотность. Изъ этого мы можемъ заключить, что жалованное слово сказано было только для виду, хотя и за вѣрность къ царю Василю Ивановичу; но дѣйствія Шереметева возбудили неудовольствіе и по-

¹⁾ Карамзинъ, приводя это мѣсто изъ Никоновской лѣтописи (т. XII, примѣчаніе 411) въ текстъ своей исторіи, имена Чепчугова не упоминаетъ. Можеть-быть, у Карамзина это упущеніе не преднамѣренное; но имя Чепчугова рядомъ съ именемъ В. И. Шуйскаго невольно бросается въ глаза.

селили, можетъ-быть, сомнѣніе въ самой вѣрности его на будущее время. Это подтверждается и тѣмъ, что товарища Шереметева, И. Салтыкова, взяли въ Москву и не видно, чтобы на него жаловался Шереметевъ. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ, когда В. И. Шуйскій во всѣхъ и во всемъ сомнѣвался, посланы были люди довѣренныя, которымъ, безъ сомнѣнія, поручено было развѣдать о положеніи дѣлъ въ отрядѣ Шереметева; и это развѣдываніе всего подручнѣе было производить лицу второстепенному, то-есть, Чепчугову. Слѣдовательно, Чепчуговъ былъ лицомъ весьма довѣреннымъ при В. И. Шуйскомъ. Фамиліи Чепчуговыхъ и Загряжскихъ были близки и къ Филарету Никитичу Романову. Изъ „Алфавитнаго указателя къ Боарскимъ книгамъ“ видно, что при Филаретѣ Никитичѣ было трое стольниковъ изъ Загряжскихъ: Дмитрій Ивановичъ, Иванъ Васильевичъ, Иванъ Ивановичъ, да двое стольниковъ изъ Чепчуговыхъ. Конечно, покровительству Филарета Никитича эти фамиліи обязаны были тѣмъ, что многіе члены изъ оныхъ служили и при самомъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Соображая такое отношеніе фамилій Чепчуговыхъ и Загряжскихъ къ Шуйскимъ и Романовымъ, мы можемъ догадываться, почему явились „баснословные“ Чепчуговъ и Загряжскій въ лѣтописномъ разказѣ богобоязненными людьми, отказавшимися совершить злодѣяніе. Ясно, откуда шли подтвержденія слухамъ, пущеннымъ изъ Углича. Намъ могутъ возразить, что поведеніе Владиміра Загряжскаго и Ивана Чепчугова относительно Дмитрія могло выдвинуть ихъ родственниковъ. Но почему же В. И. Шуйскій не воспользовался Иваномъ Чепчуговымъ (можетъ-быть, это одно лицо — съ упоминаемымъ въ Никоновской лѣтописи и при вызовѣ къ покушенію, и при поѣздѣ къ Шереметеву), почему не воспользовался, имъ чтобы засвидѣтельствовать о покушеніи на жизнь Дмитрія? Почему, съ другой стороны, самозванецъ не призвалъ и не приблизилъ къ себѣ Загряжскаго и Чепчугова, которые отказывались совершить злодѣяніе? Этимъ приближеніемъ можно было бы придать тѣнь достовѣрности его мнимому спасенію: можно было указать на нихъ, какъ на людей, которые предупреждали объ опасности прямо или косвенно. Явно, что все тутъ разказываемое придумано послѣ: и при В. И. Шуйскомъ, и при первомъ Романовѣ подобныя выдумки закрѣпляли слухи, пущенныя изъ Углича послѣ роковаго дня 15-го мая 1591-го года. „Зѣло прискорбень (былъ Борисъ) яко ничто хотѣніе его не совершается“. И вотъ къ прискорбному Борису является его совѣтникъ Клешининъ, опъ былъ дядькою при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, во время его мало-

лѣтства, и по видимому, близкимъ человѣкомъ къ В. Θ. Годунову; но нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы обратить его въ злодѣя. Близость къ В. Θ. Годунову и то обстоятельство, что Клешнинъ умеръ въ Боровскомъ Пафнутьевскомъ монастырѣ ¹⁾ схимникомъ были причиною, что въ лѣтописномъ сказаніи онъ является главнымъ помощникомъ В. Θ. Годунова въ злодѣяніи. Постриженіе и потомъ принятіе схимы играли, безъ сомнѣнія, весьма важную роль въ установленіи такого мнѣнія. Постриженіе и принятіе схимы, хотя то и другое въ XVI и VII вѣкахъ было не рѣдкостью, принятія по причинѣ близости Клешнина къ Годунову, за признакъ раскаянія въ мнимомъ злодѣяніи, легко могли, по смерти Клешнина утвердить о немъ мнѣніе, какъ о главномъ злодѣѣ и главномъ сообщникѣ Бориса. Послѣ отказа Чепчугова и Загряжскаго, совѣтникъ В. Θ. Годунова, дьякъ Клешнинъ „рече ему и яко не скорби о томъ, есть у меня братія и други, будетъ твое желаніе исполнено: тѣмъ же Никифору и Володиміру, что ихъ воли не сотворили, многія бѣды и злыя напасти содѣяху имъ“. Какія бѣды, какія напасти, объ этомъ лѣтописное сказаніе не говоритъ ни слова; но тѣмъ сильнѣе эта неопредѣленность должна была дѣйствовать на простодушныхъ читателей XVII вѣка. Въ словахъ „не скорби о томъ (то-есть, объ отказѣ Чепчугова и Загряжскаго), есть у меня братія и други, будетъ твое желаніе исполнено“, неволью бросается въ глаза сказочный тонъ. Защитники лѣтописнаго сказанія не обращаютъ никакого вниманія на сказочно-легендарный тонъ его, говоря, что такова была форма сказаній того времени; но формой нельзя прикрывать неестественность разказа, когда дѣло идетъ объ историческомъ фактѣ. Какимъ образомъ форма сказаній могла заставить слагателей упоминать о постоянныхъ совѣщаніяхъ то самаго В. Θ. Годунова, то Клешнина? Тутъ сказочно-легендарною, простодушною формою прикрыта ложь, источникъ которой мы знаемъ. Для закрѣпленія обвиненія противъ Годунова лѣтописному сказанію нужны были и Чепчуговъ съ Загряжскимъ, которые отказались отъ злодѣянія, и слѣдовательно, злодѣяніе уже давно обдумывалось, давно искали людей, способныхъ совершить оное, что придавало большой вѣсъ обвиненію противъ

¹⁾ Имя дьяка Выдугина осталось въ сторони; вѣроятно, онъ прожилъ подле Клешнина. Но мы не знаемъ, когда постригся Клешнинъ; о постриженіи и о посхимленіи его знаемъ только по надписи въ стѣнѣ церкви Св. Ирины Пафнутьевского-Боровскаго монастыря, которую приводитъ Карамзинъ въ примѣчаніи 247-мъ къ X тому.

Годунова. Для закрѣпленія этого обвиненія нужны были и совѣщанія Клешнина съ братією и друзьями, ибо всѣ эти совѣщанія также должны были придавать сказанію видъ достовѣрности. Тѣ люди, для которыхъ писались сказанія, не думали, что для Годунова не было нужды въ столькихъ свидѣтеляхъ преступленія; что Годуновъ, если бы хотѣлъ совершить оное, то могъ довѣриться только одному лицу. „Той же Андрей Клешнинъ прииде въ домъ свой и возвести братіи своей и друзьямъ: они же отъ нихъ ни единъ на такое окаянство уклоняшась“. Такимъ образомъ, получается еще одинъ отвязъ отъ родственниковъ и друзей Клешнина! Чепчуговъ, Загряжскій, родственники и друзья Клешнина мерзятъ злодѣаніемъ, и никто изъ нихъ не предупреждаетъ Углицкій дворъ, никто не сообщаетъ врагамъ Годунова. Наконецъ, одинъ изъ друзей Клешнина соглашается, — это былъ дьякъ Битяговскій. При появленіи на сценѣ дѣйствія Битяговскаго, слагатель разказа приходитъ какъ-бы въ паоосъ; но такъ какъ дѣйствительнаго паооса быть не могло, то онъ замѣняетъ его — скажемъ прямо — святотатственною вставкою изъ XXVI-й главы Евангелія отъ Маттея: „и яко же видѣ сатана въ Иуду Скаріотскаго иде ко Иудеомъ глаголя, что ми хощете дати и я вамъ предамъ Исуса, они же поставиша ему тридесать сребренникъ, онъ же искаше времени, хотя предати Исуса“ (ст. 15 и 16)¹⁾. „Такъ и сей окаянный Михаилъ, мысля на своего государя“, продолжаетъ лѣтописное сказаніе, — „на такова безскверна агнеца и шедъ возвести Андрею Клешнину: я хочу волю вашу сотворити“. Въ такомъ же тонѣ разказъ продолжается и далѣе: „Андрей же радостенъ бысть и шедъ къ Борису и возвести ему все по ряду. Борисъ же того Михаила повелѣлъ привести съ великою радостію и обѣща воздати ему великую честь и, одаривъ его, отпусти на Угличъ; да съ нимъ же отпустилъ сына его Данилку да Микитку Качалова и велѣ имъ вѣдати на Угличѣ все“. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, когда Битяговскій отправился въ Угличъ, за долго ли до убійства; но замѣчательно, что главными сообщниками Годунова, зятя Малюты Скуратова, въ убійствѣ царевича Дмитрія Углицкаго являются дьяки. Дьяки, особенно съ Іоанна Грознаго, почти не менѣе опричниковъ, были ненавистны боярамъ. Они и среда ихъ поставляютъ злодѣевъ. Замѣтимъ еще и противорѣчіе въ однихъ и тѣхъ же лѣтописныхъ сказаніяхъ: такъ,

¹⁾ Это мѣсто изъ Евангелія должно было сильно дѣйствовать на читателей XVII вѣка. Въ новое время А. С. Пушкинъ закрѣпилъ это прозвище Иуды — Битяговскій.

въ той же Никоновской лѣтописи прежде сказано было, что съ Димитріемъ въ Угличь отпущенъ Данило (то-есть, Осинъ) ¹⁾ Волоховъ съ матерью, да Микита Качаловъ; а въ только что приведенномъ мѣстѣ Н. Качаловъ ѣдетъ въ Угличь вмѣстѣ съ Битяговскимъ. Отказы же Загрижскаго и Чепчугова, друзей и родственниковъ Битяговскаго, не должны ли были убѣждать простодушныхъ читателей сказанія въ несомнѣнной вѣрности того, что Битяговскій могъ только сына своего да его друзей подвинуть на убійство? Вѣдь и довѣрчивымъ читателямъ XVII вѣка естественно могъ прійти въ голову вопросъ: неужели М. Битяговскій, кромѣ сына и его друзей, никого не нашелъ для совершенія злодѣянія.

„Они же идоша на Угличь, яко волки лыхающіи на праведнаго и приидоша на Угличь вскорѣ и начаша всѣмъ владѣти“. Последнія слова: „и начаша всѣмъ владѣти“ понятны только послѣ внимательнаго изученія слѣдственнаго дѣла. Это просто жалоба, что М. Битяговскій не давалъ Нагимъ денегъ сверхъ государева указа. Эти слова указываютъ на причину ссоръ Годунова съ Нагими и подтверждаютъ показанія, данныя при Углицкомъ слѣдствіи, о ссорахъ М. Битяговскаго съ Нагими; точно также и слѣдующія за симъ слова понятны только при сравненіи съ слѣдственнымъ дѣломъ: „Царица Марья Феодоровна, видя ихъ злокозненно умыслие и нача его беречи, никуды отъ себя ис хоромъ не пуцаше“. Ограниченіе требованій Нагихъ, отказы М. Битяговскаго въ этихъ требованіяхъ должны были произвести сильное впечатлѣніе на царицу Марью Феодоровну. Вдова Грознаго, удаленная въ Угличь, уже по этому самому подозрительно должна была относиться ко всѣмъ правительственнымъ лицамъ; уже одно это удаленіе, при общей подозрительности, господствовавшей тогда во всемъ русскомъ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ въ особенности, при подозрительности, которая въ царицѣ Марьѣ Феодоровнѣ, безъ сомнѣнія, усиливалась несчастными обстоятельствами ея жизни, — могло поселить въ ней опасеніе за жизнь ея сына. Естественно, что во всѣхъ царскихъ приставахъ она видѣла враговъ, готовыхъ покуситься на жизнь царевича Димитрія;

¹⁾ Въ лѣтописныхъ сказаніяхъ нѣтъ имена мнимыхъ убійцъ перепутаны и поправлены историками по слѣдственному дѣлу, достоверность котораго они не признаютъ. Но лучше всѣхъ поступилъ Н. И. Костомаровъ: онъ призналъ, что ни отца, ни сына Битяговскихъ при убійствѣ царевича не было, и конечно, только на основаніи слѣдственнаго дѣла; а между тѣмъ онъ отвергаетъ это самое дѣло, признавая Годунова виновнымъ въ убійствѣ царевича.

поэтому, нѣтъ ничего мудренаго, что она увидѣла въ М. Витяговскомъ *законченное умыслие*. Столкновенія между М. Витяговскимъ и Нагими были часты, и законченное умыслие должно было глубоко укорениться въ умъ и сердце Маріи Ѳеодоровны Нагой. Случилось несчастіе 15-го мая 1591 года, и всѣ темныя подозрѣнія, возникавшія въ раздраженномъ умѣ царицы, обратились въ несомнѣнный фактъ. При взаимныхъ столкновеніяхъ М. Витяговскаго и Нагихъ, Угличъ, разумѣется, дѣлился на партіи, и все, что было вхоже къ Витяговскимъ, что было близко къ дяку, все обратилось въ лагерь убійцъ (см. II-ю главу ¹⁾).

И такъ, царица берегла своего сына, а злодѣи „окаяннн совѣтовавшие съ мамкою его съ Марьею (Василисою) Волоховою, да съ сыномъ ея Данилкою (Осипомъ) и задумаша они, чтобы его праведнаго *явно убити* въ лѣто 7099 году, мѣсяца мая въ 15-й день“. Совѣщаются не о томъ, чтобы убить, но чтобы убить явно; эти слова брошены не даромъ, они какъ-бы подтверждаютъ слова, что Богъ не допустилъ тайной отравы, „хотя его праведную душу и неповинную кровь объявити всему міру“.

Характеръ, съ которымъ выступаютъ въ лѣтописномъ разказѣ, мамка Василиса Волохова и кормилица Ирина Жданова-Тучькова, вполне объясняется слѣдственнымъ дѣломъ. Волоховы были близки къ Витяговскимъ; Василису Волохову царица была послѣ несчастія 15-го мая 1591 года; кормилица Ирина Жданова-Тучькова держала умирающаго царевича на рукахъ,—и вотъ эти простыя обстоятельства сложились въ лѣтописномъ разказѣ въ такую форму: „Мати же его благовѣрная царица Марья, бывши у себя въ хоромахъ, сіяжь окаянная мамка Волохова речѣ праведному лестію, аки змія, прельстивъ Еву, также и она окаянная обольсти мати его и взявъ его поведуще на дворъ“. Волохова, избитая царицей и братомъ ея, сынъ которой погибъ, какъ мнимый убійца, опозоренная передъ толпами Углицкой черни, перешла въ народную молву съ именемъ главной злодѣйки; народная молва закрѣплена была книжными сказателями, подъ перомъ которыхъ она является зміемъ-искусителемъ. „Кормилица же *воспитавшая его сосцемъ своимъ* не хотяше пустити его; она же (Волохова) окаянная едва; но силою веде его на заколеніе“. Къ корми-

¹⁾ *Ларамзинъ*, на основаніи какого-то мутнаго источника, такъ описываетъ Витяговскаго: «Дякъ М. Витяговскій, ознаменованный на лицѣ печатію зварства, такъ, что уже дикій взоръ его ручался за *тѣрность во зль*»...

лицѣ, *воспитавшей его сосцемъ своимъ*, лѣтописное сказаніе уже по этому самому, благосклоннѣе. А то обстоятельство, что она держала умирающаго царевича на рукахъ своихъ, превратилось въ народной молвѣ въ цѣлую драму: „Сія же кормилица его идущи с ниму на нижное крыльцо, сіи же окаянніи, аки звѣри ярости исполнени течаху на крыльцо; той же злодѣй Данилко (Осипъ) Волоховъ, пріять его праведнаго за руку и речѣ ему: сіе у тебя государя новое ожерельице. Онъ же ему отвѣща и *малоля тихимъ ялосомъ и подня ему выю свою* и рече ему, сіе есть старое ожерелье, онѣ окаянніи свою (?), аки змія ужали жалоу, колну ножемъ праведнаго по шеѣ и не захвати ему гортани. Сія же кормилица, видя пагубу государя его, паде на немъ и нача кричати, тотъ же окаянный (Осипъ) Данилко, поверже ножъ свой, побеже. Союзники жъ его Данилко Битяговскій, да Микита Качаловъ начаша се бити едва живу оставиша, праведнаго же у нея отняша и заклаша, аки агньца нескверна, юнца осмолѣтна. Они же окаянніи побѣгоша“. Замѣчательно, что и судя по лѣтописному разказу, Василисы Волоховой не было на дворѣ; но тутъ была кормилица, чтѣ также согласно съ слѣдственнымъ дѣломъ; Осипъ Волоховъ ранившій царевича, бросаетъ ножъ и бѣжитъ; а его союзники Д. Битяговскій и Н. Качаловъ начинаютъ битъ кормилицу отнимаютъ царевича и убиваютъ его; но ее, свидѣтельницу преступленія, оставляютъ въ живыхъ. Такимъ образомъ, въ этомъ мѣстѣ лѣтописнаго разказа группировка, лицъ въ высшей степени замѣчательна: Волоховой нѣтъ, она только привела царевича на дворъ, кормилица ближе ея къ царевичу; Осипъ Волоховъ отдѣленъ отъ Д. Битяговскаго и Никиты Качалова. Въ слѣдственномъ дѣлѣ не выяснено, когда О. Волоховъ бѣжалъ въ домъ къ Битяговскимъ; вѣроятно, это относится къ началу суматохи, можетъ-быть, къ тому времени, когда били его матѣ, когда и ему стали грозить, и за него заступался Н. Качаловъ. О судьбѣ Д. Битяговскаго и Никиты Качалова лѣтописный разказъ передаетъ слѣдующее: „той же Микита Качаловъ и Данило Битяговскій побежа и отбежа дванадесяти верстѣ, кровь же праведнаго вопіаше къ Богу не попусти ихъ; они же окаянніи возвратишася назадъ, граждана жъ и тѣхъ побиша каменемъ и всѣхъ ихъ окаянныхъ побиша дванадесять человекъ и повергоша въ яму псомъ на съѣденіе“. Изъ слѣдственнаго дѣла видно, что во время смерти царевича ни одного изъ этихъ лицъ на дворѣ не было. О. Волоховъ если и прибѣжалъ на дворъ въ началѣ суматохи, то тотчасъ же и бѣжалъ къ Битяговскимъ, — иначе его побили бы тутъ же;

а Н. Качаловъ и Д. Витяговскій" и отецъ," пришедшій на шумъ, были побиты послѣ упорнаго сопротивленія.

Соображая оба приведенныя мѣста съ показаніями, данными на слѣдствіи, мы ясно видимъ, какъ сложился лѣтописный разказъ изъ темныхъ слуховъ: на это указываетъ и упомянутая нами группировка лицъ, и даже самая спутанность разказа, въ которомъ перемѣшаны факты. Въ дѣйствительности били Волохову, въ лѣтописномъ разказѣ бьютъ кормилицу: и лицо, потерпѣвшее побой, и причины побоевъ перемѣшались въ народной молвѣ, или потому только, что разказъ о смерти царевича переходилъ изъ устъ въ уста въ искаженномъ видѣ, или потому, что эта злонамѣренная ложь нарочито производила въ толкахъ и сужденіяхъ страшную путаницу, перестановку лицъ и событий. Сказатели придали всему разказу внѣшнюю стройность, мало заботясь о логикѣ, о правдоподобіи ¹⁾).

Слѣдующія мѣста лѣтописнаго разказа подтверждаютъ или дополняютъ слѣдственное дѣло. Такъ изъ одного мѣста можно заключить, что припадокъ эпилепсіи продолжался еще съ умирающимъ Димитріемъ: „Матижь его видя пагубу сына своего и кричаше надъ нимъ: о чудо праведно и ужасно, како мертвенное тѣло трепеташась на великій часъ, аки голубь той же часъ убійеннѣ!“ Это трепетаніе на великій часъ, то-есть продолжительное, было, безъ сомнѣнія, продолженіемъ, или лучше сказать, заключеніемъ эпилептического припадка. Другое мѣсто буквально подтверждаетъ слѣдственное дѣло: „Братія же его (должно быть ея, то-есть, царицы) и дядья (его) ро-

¹⁾ Защитники лѣтописнаго разказа скажутъ: нельзя же буквально понимать и принимать лѣтописный разказъ; но между тѣмъ они передаютъ его въ фактическомъ отношеніи буквально, исключивъ выраженія чисто народныя, легендарно-сказочныя и заимствованныя изъ Священнаго Писанія. Но и здѣсь непослѣдовательнѣе всѣхъ Н. И. Костомаровъ; онъ, передавъ лѣтописный разказъ о смерти царевича, добавляетъ: «Такъ разказывали въ Москвѣ, разумѣется, шепотомъ, а официально не могли иначе говорить, какъ имъ приказывало правительство». Дѣло не въ томъ, что говорили шепотомъ (?), но въ томъ, что слѣдовало разобратъ, правду ли говорили. Нужно было разобратъ, чей голосъ былъ справедливѣе — толпы или правительства. Однимъ словомъ, съ политическо-религіозно-легендарнымъ сказаніемъ о смерти царевича Димитрія Углицкаго ученые поступили такъ, какъ поступали когда-то съ преданіями классической древности, то-есть не вникали въ общій смыслъ сказанія, не разбирали его по составнымъ частямъ, переводили на нравы нашего времени. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ разобратъ сказаніе, что религіозно-легендарный характеръ онаго имѣеть особенное значеніе, закрѣпленъ въ народномъ сознаніи фактъ въ томъ видѣ, какой желали придать дѣлу люди заинтересованные въ ономъ.

зидошась по домамъ, что время быть полуденное". Первое мѣсто, разумѣется, важнѣе, потому что оно безсознательный отголосокъ истины и служить къ подтвержденію болѣзненнаго припадка, что, само по себѣ, въ основѣ колеблетъ лѣтописный разказъ. Мы уже въ разборѣ слѣдственнаго дѣла, по поводу вопроса о звонѣ, приводили слѣдующее мѣсто, которое объясняетъ, какъ сама собою, помимо чьей-либо индивидуальной инициативы, поднялась въ Угличѣ суматоха: „Слышаху же во градѣ и на посадѣ, по вратамъ ѣздаху, бѣху и воиѣху, что сидите? царя у васъ нѣсть. Кто ѣздилъ, кричалъ и билъ въ ворота? Нѣтъ никакого повода предполагать здѣсь чью-либо личную инициативу; по разказу видно, что дѣло началось со слуховъ; очень можетъ-быть, что эти слухи пошли отъ прохожихъ, которые шли мимо дворца въ минуту смерти царевича. Но видно также, что эта суматоха началась еще до звону.

О томъ, какъ Б. Ѳ. Годуновъ получилъ официальное извѣстіе изъ Углича, и какъ онъ и въ какомъ видѣ передалъ это извѣстіе царю Θεодору Ивановичу, въ лѣтописномъ сказаніи говорится такъ: „Къ царю же Θεодору заслаша гонца возвѣстити, яко убіенъ бысть братъ его отъ рабъ. Гонца же приведоша на Москвѣ къ Борису. Борисъ же велѣлъ грамоты переписать, а писать повелѣлъ, яко удержанъ бысть недугомъ и самъ себя зарѣзалъ небреженіемъ Нагихъ и донести грамоты до царя Θεодора“.

Самое важное въ этомъ извѣстіи, это отрицаніе несомнѣнной болѣзни царевича. Здѣсь ясно видно, какъ этимъ отрицаніемъ все дѣло выворачивалось на изнанку; правда обратилась въ ложь, а ложь въ правду. Но даже если примемъ буквально это мѣсто лѣтописнаго разказа, оно все же вызываетъ слѣдующіе вопросы: Къ чему было В. Ѳ. Годунову обнаруживаться передъ писцами? Развѣ царь Θεодоръ Ивановичъ не могъ быть предупрежденъ кѣмъ либо? Развѣ у Годунова мало было враговъ? Если бы Годуновъ получилъ такое извѣстіе, то ему нужно было бы самому предупредить царя, предполагая, что убійство царевича совершено по его (Годунова) волѣ¹⁾.

Вопросъ, съ котораго началось слѣдствіе, исцваженъ; вотъ какъ онъ передается лѣтописнымъ сказаніемъ: „Князь же Василій начать распрашивать града Углича всѣхъ людей, какъ небреженіемъ Нагихъ

¹⁾ Все это разказъ о ненужной перепискѣ грамотъ отымается легко-вѣріемъ монастырскихъ сказателей, чуждыхъ пониманію людскихъ дѣлъ и отношеній.

заклася самъ“ (то-есть, царевичъ?). На самомъ же дѣлѣ вопросъ былъ предложенъ въ такой формѣ: „*Которымъ обичаемъ* царевича не стало и что у него за болѣзнь и для чего М. Нагой велѣлъ убить М. Битяговскаго и Михайлова сына Данилу и Пикиту Качалова и Данилу Третьякова и Осипа Волохова и посадскихъ людей и слугъ Битяговскаго и Волохова и пр. (см. II-ю главу). Какъ видѣть, читатель, большая разница въ вопросѣ, какъ его передаетъ лѣтописное сказаніе, и какъ онъ былъ предложенъ, на самомъ дѣлѣ, при слѣдствіи¹⁾“. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ мѣстѣ лѣтописнаго разказа, болѣзнь царевича особенно беспокоитъ сказателя: тамъ она отрицается съ искаженіемъ дѣла, здѣсь о ней умалчивается совсѣмъ, и она замѣняется темнымъ выраженіемъ: „небреженіемъ Нагихъ“, которое, то-есть, небреженіе, конечно, тоже отрицается.

На слѣдующемъ мѣстѣ лѣтописнаго разказа основано знаменитое изреченіе Карамзина: „свидѣтельство истины, мірское, единодушное, было утаено: записали только отвѣты Михаила Нагого, какъ-бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго на томъ, что Дмитрій погибъ отъ руки злодѣевъ“. Какъ же передается это мірское, единогласное свидѣтельство? „Они же вопіяху всѣ единогласно: иноки, священники, мужи и жены, старые и юпоши, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михаила Битяговскаго, *по повелѣнію Бориса Годунова съ его советниками*“. М. П. Погодинъ говоритъ: „Царица, Нагие и граждане, совершивъ самовольно казнь, не должны ли были впредь для своего оправданія доказывать вину казенныхъ“ (Историко-критич. отрывки. 1846, стр. 291). Это возраженіе, основанное на здоровомъ смыслѣ, весьма дѣльно, но излишне: при разборѣ слѣдственнаго дѣла мы видѣли, что изъ Нагихъ только Михаилъ доказывалъ виновность убитыхъ; Григорій показавъ, что царевичъ самъ набрушился на ножъ; Андрей Нагой утверждалъ, что невѣдомо кто сталъ говорить, что царевича зарѣзали, царица же, по извѣстнымъ причинамъ, молчала. Никто изъ нихъ, равно какъ и изъ гражданъ (то-есть, горожанъ) не видалъ, а всѣ *вопіали*, да еще вопіали, что убить по приказанію Б. Ѳ. Годунова! Развѣ можно серьезно опровергать такую дѣтски-наивную ложь? Откуда узнали всѣ вопіавшіе, что Дмитрій убитъ по повелѣнію Б. Ѳ. Годунова? Карамзинъ наивнымъ образомъ приводитъ из-

¹⁾ При полученіи извѣстія объ углицкомъ несчастіи кн. В. И. Шуйскій прослезился: «Помянувъ свое согрѣшеніе (какое или которое?) плакался горько на многъ часъ».

вѣстие; что убійцы покались и назвали Бориса! Всѣмъ имъ — видятелю — было сообщено, что это де для Бориса Θεодоровича, убивайте!... Дѣтски-наивная сказка, доказывающая только, какими немудрѣнными средствами прикрывали ложь. „Князь же Василій, пришедъ съ товарищи къ Москвѣ и сказа царю Θεодору неправедно, что самъ себя заклалъ... Царь же Θεодоръ положи опалу на Нагихъ; Борисъ же съ бояры (съ каковыми?) поидоша въ пытки и Михаила и Андрея и сихъ Нагихъ пытали на крѣпко (однако, они жили довольно долго послѣ крѣпкой пытки), пытали чтобъ они сказали, что самъ себя заклалъ, они же нивакъ того не сказаха, то и глаголаху, что отъ рабъ убіенъ бысть“. Лѣтописный разказъ пропускаетъ Григорія Нагого; значитъ, слагателямъ извѣстно было, что Григорій показывалъ на слѣдствіи и можетъ-быть, сказка о крѣпкой пыткѣ предназначена была, чтобы потушить сомнѣнія въ правдивости слуховъ объ убіеніи царевича; сомнѣнія, которыя могли возникнуть вслѣдствіе показанія Григорія Нагого, и о которомъ въ началѣ, безъ сомнѣнія, и толковали въ народѣ противное. Такимъ образомъ, въ этомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, напримѣръ, въ искаженіи перваго слѣдственнаго вопроса, слышится уже не наивный голосъ толпы, а измышленіе слагателей.

„Борисъ же разъярися, хотяше и достальныхъ погубить: царицу же Марью повелѣ пострици и повелѣ сослати въ пусто мѣсто за Вѣло-Озеро, а Нагихъ всѣхъ разосла по городамъ, по темницамъ; градъ же Угличъ посла и повелѣ раззорити, что биша тѣхъ окаянныхъ и на него глаголаху, иныхъ казняху, иныхъ язвы рѣзаху, иныхъ по темницамъ рассылаху, множество же людей отведоша въ Сибирь, и поставиша градъ Пелымъ и ими насадиша и отъ тогожъ Угличъ запуслъ“.

Въ разказѣ, какъ видитъ читатель, опущены всѣ обстоятельства убійства Витязовскихъ, и другихъ погибшихъ, и потому справедливое наказаніе Нагихъ выставлено какъ дѣло мести со стороны Годунова. Но насъ особенно поражаетъ то обстоятельство, что болѣе пострадали менѣе виноватые жители Углича, увлеченные въ преступленіе Нагихи, чѣмъ сами главные виновники Нагіе; тутъ ясно видна та болѣзнь Руси, московскаго періода, съ которою велъ борьбу Петръ Великій, — неравномѣрное распредѣленіе правосудія между старшими и младшими братьями Русскаго государства.

Разумѣется, обращено было въ виду Борису и то обстоятельство, что онъ озаботился о Волоховой и о вдовахъ убитыхъ, даже и по-

гребеніе убитыхъ ставится какъ-бы въ упрекъ ему: „Тѣхъ же окаян-ныхъ и убойцевъ повелѣ хранити (то-есть; хоронити) и погребсти ихъ окаянное тѣло честно (христіанское сожалѣніе); тое же окаянную мамку Волохову и тѣхъ убойцевъ женъ устроиша, подавалъ и жалованье многое и вотчины“.

Въ такую-то форму облелся слухъ, выпущенный изъ Углича Нагими. Народные толки, догадки, политическія соображенія сказателей, или лучше сказать, лицъ, дававшихъ изустно направленіе сказателямъ, отрывки дѣйствительныхъ фактовъ, большею частію искаженныхъ, — вотъ матеріалъ, изъ котораго сложилось „Сказаніе о смерти царевича Дмитрія“.

IV.

Царь Б. Ѳ. Годуновъ. — Патріархъ Іовъ. — Царь В. И. Шуйскій и Патріархъ Филаретъ.

Начиная говорить о Годуновѣ, мы ничего не можемъ сдѣлать лучшаго, какъ выписать изъ Карамзина тѣ изумительныя, по своей произвольности, строки, которыми историографъ привѣтствовалъ появленіе Бориса Ѳедоровича Годунова при дворѣ Грознаго: „Любовь къ нему (къ Малютѣ Скуратову) государева (если только тираны могутъ любить) начинала тогда возвышать и благороднаго юношу, зятя его, свойственника первой супруги отца Іоаннова, Бориса Ѳедоровича Годунова, въ коемъ уже зрѣли и великія добродѣтели государственныя и преступное властолюбіе. Въ сіе время ужасовъ юный Борисякъ, украшенный самыми рѣдкими дарами природы, савитный, благолѣпный, прозорливый, стоялъ у трона окровавленнаго; но чистый отъ крови, съ тонкою хитростію избѣгая иную участіа въ смертоубійствахъ, ожидая лучшихъ временъ (!!!) и среди звѣрскаго опричинья, сіяя не только красотою, но и тихостію нравственною, наружно увѣтливымъ, внутренно неуклоннымъ въ своихъ дальновидныхъ замыслахъ“. Уже изъ этого, такъ-сказать, привѣтствія видно, какимъ путемъ складывались у нашего историографа сужденія о томъ или другомъ историческомъ лицѣ. Ясно, что приступая къ изученію смутной эпохи, онъ не слѣдилъ В. Ѳ. Годунова шагъ за шагомъ, отъ перваго его вступленія на историческое поприще до конца онаго: принявъ безусловно свидѣтельство лѣтописнаго сказанія о смерти царевича Дмитрія Угличкаго, онъ съ точки зрѣнія этого событія взглянулъ на знаменитую историческую личность и своимъ краснорѣчи-

вымъ перомъ закрѣпилъ лѣтописную ложь, не вникнувъ въ источникъ оной ¹⁾).

Всякій спокойный читатель оцѣнитъ, сколько исторической правды и психологической вѣрности можетъ быть заключено въ подобныхъ выраженіяхъ вышеприведеннаго мѣста: *преступное властолюбіе* у чело-вѣка, только что начавшаго свою служебную карьеру, *тонкая хитрость*, съ которою Годуновъ избѣгалъ участія въ смертоубійствахъ, или еще болѣе *дальновидныя замыслы* въ эпоху Грознаго, у чело-вѣка, еще не создавшаго себѣ прочнаго положенія, которое однажды даже весьма поколебалось, и поколебалось вслѣдствіе самоотверженнаго порыва этого дальновиднаго, хитраго властолюбца.

Карамзинъ былъ вполне подъ вліяніемъ лѣтописныхъ сказаній. Отъ этого же вліянія не освободился и С. М. Соловьевъ, не смотря на

¹⁾ Такимъ же путемъ сфоририровался, кажется, и односторонній взглядъ его на Грознаго. Конечно, главная причина односторонней оцѣнки Грознаго заключалась въ томъ, что Н. М. Карамзинъ, написавшій Исторію Государства Россійскаго, не анализировалъ постепеннаго развитія идеи этого государства, которое у него явилось готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Но кромѣ того, можетъ-быть, и на Грознаго онъ взглянулъ съ точки зрѣнія причины, не оцѣнивъ сначала источника этого явленія. Другой недостатокъ Карамзина—это красивые или краснорѣчивыя еразы, совершенно произвольныя, которыми исторіографъ бросалъ часто густыя тѣни на тѣ или другія личности, на тѣ или другія событія. При этомъ мы не можемъ вспомнить безъ благодарности строгую, но справедливую оцѣнку Карамзина, которую давалъ на своихъ лекціяхъ покойный профессоръ Казанскаго университета Николай Алексѣевичъ Ивановъ. Отдавая справедливость громадному труду исторіографа, цѣня его громадную заслугу, состоявшую въ томъ, что онъ заставлялъ своихъ современниковъ полюбить русскую исторію и тѣмъ самымъ сдѣлалъ большой шагъ въ развитіи народнаго самосознанія, Н. А. Ивановъ въ то же время постоянно указывалъ на произвольныя еразы, при помощи которыхъ исторіографъ окрашивалъ произвольнымъ цвѣтомъ нѣкоторые событія. Такъ мы помнимъ (и, можетъ быть, вспомнить и другіе слушатели 40-хъ годовъ), какъ онъ указывалъ на преувеличенія княжескихъ усобицъ, остроумно замѣчалъ, что часто подъ словами—«междоусобная брань» нужно разумѣть не болѣе какъ сожженіе двухъ-трехъ овинновъ; мы помнимъ его слова о гибели Ермака, какъ изображена она у Карамзина: «Ермакъ, *пробужденный звукомъ мечей и стономъ издыхающихъ, воспрянулъ... увидѣлъ ибеля, махомъ сабли еще отразилъ убійцъ*, кинулся въ бурный, глубокой Иртышъ» и пр... Эти слова приводилъ Ивановъ, между прочимъ, въ примѣръ того, на сколько исторіографъ давалъ произвола своей фантазіи... Замѣтимъ кстати, что справедливую, хотя и строгую оцѣнку Карамзина можно сдѣлать только съ строго-научной точки зрѣнія, и никакимъ уже образомъ нельзя судить его съ шаткой точки порицанія его консервативныхъ идей на счетъ крѣпостнаго права, какъ это сдѣлала въ недавнее время гг. Пыпинъ и Милдоръ.

то, что взглядъ его на русскую исторію гораздо глубже, чѣмъ взглядъ Карамзина, и что онъ остается вообще однимъ изъ главныхъ дѣятелей, которые пошатнули Карамзинское воззрѣніе на русскую исторію. И онъ главнымъ образомъ смотрѣлъ на В. Θ. Годунова съ точки зрѣнія лѣтописнаго сказанія объ Углицкомъ дѣлѣ, которая поставила его въ противорѣчіе съ нѣкоторыми его основными взглядами на русскую исторію: поэтому въ его взглядѣ на В. Θ. Годунова видна какая-то шаткость; двойственность даже. Вотъ слова С. М. Соловьева о причинахъ любви Грознаго къ Годунову, слова, которыя смѣло можно противопоставить словамъ Карамзина: „Грознаго влекли въ Годунову свѣжесть, чистота ума, которую онъ замѣтилъ въ послѣднемъ, способность отрѣшиться отъ ненавистной царю старины.... Все не будучи приверженцемъ старины, понимая царя лучше другихъ, Борисъ въ то же время не былъ ласкателемъ и угодникомъ придворнымъ, при умѣ спокойномъ былъ способенъ увлекаться благородными порывами и чувствомъ истиннаго усердія: такъ, сказываютъ, въ страшную минуту самоубійства, Борисъ, съ опасностію собственной жизни, не усумнился стать защитникомъ сына противъ разъяреннаго отца, поступокъ, который болѣе всѣхъ могъ быть оцененъ самимъ Грознымъ и мучительная грусть, испытанная несчастнымъ царемъ, по смерти сына, еще болѣе усилила любовь къ его защитнику“. Прекрасныя слова, проникнутыя глубокою психологическою правдой; страшная смерть сына должна была усилить любовь къ его защитнику. Въ высшей степени отличается также психологическою правдивостію и другое замѣчаніе С. М. Соловьева, именно, что измученнаго борьбою Грознаго привлекалъ къ Годунову „спокойный характеръ послѣдняго“. Но удивительно, что при этомъ С. М. Соловьевъ не обратилъ должнаго вниманія на то положеніе, которое занимали фамиліи, родственныя Годунову, въ борьбѣ Грознаго съ боярами. Обыкновенно останавливаются только на родствѣ В. Θ. Годунова съ Малютою Скуратовымъ, которое, конечно, имѣло вліяніе на возвышеніе его; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что родственныя фамиліи Годунова пощадилъ „вѣнчаный гнѣвъ Іоанна“, и это, кажется, потому, что эти фамиліи не только держались въ сторонѣ отъ этой борьбы, но, можетъ-быть, до известной степени проникались „государственнымъ“ воззрѣніемъ Грознаго. Кромѣ того, что никто изъ Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ не былъ казненъ при Грозномъ, одинъ изъ Сабуровыхъ упоминается въ числѣ воеводъ въ росписи Астраханской городской службы въ 1569 г. Курбскій, въ своей исторіи, говоритъ совершенную негѣ-

постъ объ избіеніи всего рода Сабуровыхъ-Долгихъ, родоначальниковъ Долгово-Сабуровыхъ; Карамзина (Т. IX, стр. 110) упоминаетъ о казни Замятни-Сабурова, но онъ здравствовалъ еще въ 1609 году ¹⁾. Опалы, миновавшія эти фамиліи при Грозномъ получаютъ особенное значеніе, если обратимъ вниманіе на такое, напримѣру, обстоятельство, что при второмъ самозванцѣ, одинъ изъ Вельяминовыхъ, Владиміръскій воевода, служилъ этому самозванцу, стоялъ на сторонѣ враждебной Шуйскому — боярскому царю. Конечно, Вельяминовъ зналъ, что не только второй, но и первый Димитрій оба были самозванцы. Само по себѣ замѣчаніе Карамзина о свойствахъ Б. Ѳ. Годунова съ Сабуровыми, родственниками первой жены Грознаго, ничего не доказываетъ; но такъ какъ самое родство Сабуровыхъ съ царствовавшимъ домомъ должно было сближать ихъ съ идеями Василя Ивановича и его сына, то становится понятнымъ, почему, между прочимъ, Іоаннъ приближалъ къ себѣ свойственника Сабуровыхъ ²⁾. Изъ всего сказаннаго можно вывести такіа заключенія:

1) Все родство Б. Ѳ. Годунова стояло на сторонѣ новыхъ государственныхъ стремленій — по родственнымъ ли связямъ съ домомъ Калиты, или по личнымъ убѣжденіямъ—это для насъ все равно.

2) Родство съ Малютою Скуратовымъ, конечно, помогло возвышенію Годунова; но и самое это родство, жепидьба на дочери страннаго опричника, подтверждаетъ отчасти наше первое предположеніе. Человѣкъ изъ среды, враждебной новымъ государственнымъ стремленіямъ, не могъ бы жениться на дочери Малюты; браки того времени были болѣе фамильнымъ расчетомъ, чѣмъ дѣломъ сердца. Да съ

¹⁾ Курбскій говоритъ: «сверодня погубити повелѣлъ (то-есть, Сабуровыхъ-Долгихъ и Сырокозновыхъ),... Яко и младенцы, у сосцевъ суще.... къ посвѣченію носими». Откуда же взялся потомъ родъ Долгово-Сабуровыхъ?

²⁾ Мы думаемъ, что небезполезно было бы прослѣдить отношенія различныхъ боярскихъ родовъ во время Московскаго періода. Нѣсколько прекрасныхъ указаній даетъ С. М. Соловьевъ; но этого мало. Исторія Романовыхъ весьма поучительна: Кошкины—Юрьевы—Захарьины—Романовы—это одна изъ тѣхъ фамилій, которая выросли съ Москвою, были въ числѣ главныхъ дѣателей, создателей, вместе съ потомствомъ Калиты, зданіе Московскаго государства. Не даромъ супруга Іоаннъ IV избрана изъ этой фамиліи, всегда любимой народомъ. Царица Анастасія (чтимая народомъ почти какъ святая подъ протодушнымъ именемъ царицы Анастаси) усилила значеніе этой фамиліи. Но по родству своему только Романовы не участвовали въ притязаніяхъ известной партіи; итъ, они не могли участвовать по всемъ преданіямъ своей фамиліи, хотя въ другихъ фамиліяхъ и родственныя связи играли важную роль; безъ сомнѣнія, эти связи увлекали нѣкоторыхъ лицъ то въ одну, то въ другую сторону.

другой стороны, и самъ Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, этотъ „образецъ дружинника, опричника, отказавшійся отъ всего для царя, готовый на все, по первому его мановенію, и честно положившій голову за вождя и царя своего“,—могъ ли онъ, при своемъ положеніи, выбрать себѣ въ зятя челоуѣка изъ враждебной среды?

3) Родственныя связи доставили Б. Ѳ. Годунову доступъ ко двору; но любовь и довѣріе Іоанна Васильевича Грознаго онъ приобрѣлъ своими личными качествами.

4) Въ поведеніи Б. Ѳ. Годунова при дворѣ Іоанна Васильевича Грознаго нѣтъ ни единой черты, за которую могъ бы порицать его самый строгій, но безпристрастный историкъ. А его заступничество за сына передъ отцемъ вызываетъ полное сочувствіе и оцѣнено лучше всего самимъ Грознымъ.

5) Родство съ Малютой Скуратовымъ-Бѣльскимъ и любовь и довѣріе Іоанна навлекли на Годунова ненависть той части боярства, съ притязаніями которой боролся Грозный, и эта ненависть проводила Годунова до могилы и приготовила гибель его семейству.

Мы говорили уже объ обвиненіяхъ, взведенныхъ на Годунова правителя¹⁾; теперь мы можемъ прямо перейти къ обвиненіямъ, взведеннымъ на царя Бориса Феодоровича.

¹⁾ Въ дополненіе къ сказанному по этому поводу въ главѣ III-й, мы покажемъ еще, какъ сформировалось обвиненіе противъ Годунова-правителя въ пожарѣ 1591 года. Авраамій Палицынъ говоритъ только, что на Чертольской улицѣ загорѣлся *накурсно*, то-есть, не извѣстно отъ чего; но онъ осмысляетъ Годунова упреками за щедрость, съ которою тотъ помогалъ погорѣвшимъ: «не по достоинству, но вдвое и втрое повелѣ давати погорѣвшимъ на домовое строеніе отъ царскія казны». У Авраамія только это обвиненіе, которымъ бросается какъ-бы подозрѣніе, что щедрость была не совсѣмъ безкорыстна. И это отчасти такъ, безъ сомнѣнія, и было; конечно, Годуновъ старался милостями привлечь на свою сторону народъ, но тутъ немалозначительную роль играла и природная щедрость его, проявлявшаяся во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Авраамій Палицынъ обвиняетъ Годунова только за щедрость; но вотъ въ Степенной книгѣ Латухина (*Барамзинъ*, т. X, примѣч. 250-е) говорится уже другое: «слаголють же (кто?) якоже повелѣніемъ Годунова бысть пожаръ той... тѣмъ онъ умыслилъ дари къ Москвѣ возвратити, его же государево изволеніе было во градъ Угличъ ити и про убіеніе брата своего истинно увѣдати». Пожаръ былъ послѣ смерти царевича; но если Годуновъ могъ заставить Шуйскаго произвести слѣдствіе, какъ ему было угодно, если Б. Годуновъ былъ бездушный хитрецъ и имѣлъ неограниченное вліяніе на простодушнаго Феодора, то развѣ въ Угличѣ не могъ онъ показать Феодору дѣло такъ, какъ ему, Годунову, хотѣлось? Если Годуновъ могъ, посредствомъ Клешинина, выставить какъкъ ему угодно было свидѣтелей

Въ 1598 году не стало Феодора Иоанновича, съ которымъ прекратился домъ Калиты. По нѣкоторымъ извѣстіямъ видно, что Феодоръ Иоанновичъ въ избраніи себѣ преемника колебался между шуриномъ своимъ и двоюроднымъ братомъ Феодоромъ Никитичемъ Романовымъ. Такъ, въ одномъ изъ хронографовъ говорится: „Благословилъ же (Феодоръ Иоанновичъ) приказалъ по себѣ быти на престолѣ братичу своему по матери Феодору Никитичу Романову, племяннику родному благовѣрныя царицы и великія вягини Анастасіи, матери своея, *оба же казню лукавою и преткновениемъ московскаго боярина и конюшаю Бориса Годунова* таковаго дара не сподобился еще же и злострадательствомъ злѣ пострада“. Конечно, это написано въ царствованіе первыхъ Романовыхъ; но безъ сомнѣнія основа этого извѣстія болѣе или менѣе вѣрна; безъ сомнѣнія, и Годуновы, и Романовы черезъ своихъ друзей и приверженцевъ старались дѣйствовать на Феодора Иоанновича, и безъ сомнѣнія, колебаніе между благоговѣнною памятію къ матери и любовію къ женѣ оставило вопросъ о престолонаслѣдіи не рѣшеннымъ. Это колебаніе и объясняетъ, почему Феодоръ вопросъ о престолонаслѣдіи предоставилъ „волѣ Божіей“. Такое нерѣшительное положеніе и заставило патриарха Іова слѣпить, по смерти Феодора, присягнуть царицѣ Иринѣ Феодоровнѣ: конечно, тутъ дѣйствовала одновременно и преданность Іова Борису Феодоровичу, и опасеніе смуты.

Борьба за престолъ началась, можетъ-быть, еще при жизни Феодора. И В. Ф. Годуновъ, и Ф. Н. Романовъ имѣли почти одинаковыя права на оный. Борисъ Феодоровичъ, братъ супруги послѣдняго царя, правитель царства при Феодорѣ Иоанновичѣ, высоко ставшій надъ всѣми подданными, не напрасно и не безъ права могъ предъявить свои права на

для хитраго Шуйскаго, то не легче ли было это сдѣлать для простодушнаго Феодора? Да и какимъ образомъ пожаръ могъ отвлечь Феодора отъ желанія ѣхать въ Угличъ, еслибъ это желаніе у него было? Гораздо важнѣе другое извѣстіе (Карамзинъ, т. X. примѣч. 250) это наказъ Исленьеву, который ѣхалъ въ Польшу; ему велѣно было говорить, что жгли мужики Нагихъ. Если кому выгодно были пожары, то не правителю Годунову, а его врагамъ, которымъ подъ руку были великія волненія. Также нецѣло относится обвиненіе В. Ф. Годунова въ ослѣпленіи царя Симеона, бывшаго Казанскаго царя Ядигара. Если Ядигару въ 1552 г. было 25 лѣтъ, то въ 1595 ему было 68 лѣтъ. Мудрено ли ослѣпить почти 70-ти лѣтнему старику? Это обвиненіе вызвано было, безъ сомнѣнія, извѣстными записками Годунова. Обвинили его и въ нашествіи Крымскаго хана, что впрочемъ самъ Карамзинъ считаетъ нецѣлостію. Это обвиненіе совпадаетъ, по видимому, съ началомъ мѣръ противъ перехода крестьянъ.

престоль. Но не напрасно и не безъ права могъ предъявить такіа же права и Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. За нею стояла и глубоко чтимая память царицы Анастасіи Романовны, его тетки, и постоянно вѣрная, долгая служба дому Калиты его предковъ. За этими двумя фамиліями стояли князья Шуйскіе, потомки Александра Невского, ближайшіе изъ Рюриковичей къ дому Калиты. Народъ склонялся къ первымъ двумъ фамиліямъ, большая же часть боярства и особенно потомки удѣльныхъ князей взирали на Шуйскихъ, какъ на представителей своихъ правъ и надеждъ; и только смута въ царствованіи В. И. Шуйскаго выдвинула Гедминовича — князя Василя: Голицына, безъ сомнѣнія: большой умъ и сильный характеръ этого князя подавали его партіи больше надеждъ на упроченіе своего значенія, чѣмъ слабость и двосудшіе Василя Ивановича Шуйскаго. Только съ этой точки зрѣнія можно безпристрастно взглянуть и правильно оцѣнить такъ называемую смутную эпоху¹⁾.

Въ 1598 году положеніе Бориса Ѳеодоровича Годунова, какъ правителя, какъ человѣка, высоко стоявшаго и имѣвшаго множество враговъ, было таково, что онъ не только ради честолюбія, но и ради самосохраненія долженъ былъ думать о приобрѣтеніи престола. Посмотримъ, что же было ужаснаго въ мѣрахъ, которыми Борисъ стремился достигнуть оного.

Присягаютъ царицѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ; но она удаляется въ монастырь, за нею слѣдуетъ братъ ея. Царица Ирина Ѳеодоровна, личность въ высокой степени чистая, погруженная въ горе своимъ бездѣтнымъ вдовствомъ, удаляется въ монастырь, конечно, главнымъ образомъ вслѣдствіе внутренняго побужденія; но что же значить, что удаляясь, она не вручила скипетръ брату? Можетъ-быть, зная силу и значеніе Романовыхъ, и она, подобно супругу своему, представила дѣло „воля Божіей“; можетъ-быть, его колебанія отразились и на ней. Она чувствовала, а братъ ея Борисъ хорошо понималъ, что престоль прійдется удерживать за собою только помощью борьбы, что даромъ престоль не уступитъ, и въ самомъ Борисѣ, въ рѣшительную минуту, является колебаніе, ибо, конечно, онъ сознавалъ, что права Романовыхъ равносильны его правамъ; онъ знаетъ, что за ними стояла давняя, такъ-сказать, земская дѣятельность этой фамиліи и

¹⁾ Только съ такой точки зрѣнія можно безпристрастно оцѣнить и Б. Ѳ. Годунова, и онъ перестанетъ представляться «сломаннымъ, лукавымъ, хитрымъ, хитрымъ проныромъ», какъ изображается въ хроникахъ, которымъ послѣдовалъ Карамзинъ, а за нимъ, въ этомъ пунктѣ, и Н. И. Костомаровъ.

популярнѣйшее въ то время имя царицы Анастасіи. Этимъ колебаніемъ можно отчасти объяснить и удаленіе Бориса Ѳеодоровича въ монастырь, и отказы отъ престола. Самъ Авраамій Палицынъ говоритъ, что Борисъ: „хотя или не хотя“ долго отказывался отъ престола. Эти слова: „хотя или не хотя“, подъ перомъ Авраамія Палицына, весьма замѣчательны: значить, современники, даже, можетъ быть, соперники В. Ѳ. Годунова, замѣтили въ немъ колебаніе.

Удаляясь въ монастырь, онъ передаетъ всё дѣла патріарху Іову, своему другу и главному рачителю. Сторонники того или другаго лица часто дѣйствуютъ энергичнѣе въ пользу его, чѣмъ оно само: такъ случилось и здѣсь. Въ одномъ хронографѣ говорится, что Борисъ, по смерти царя Ѳеодора: „нача посылати злосовѣтниковъ и рачителей своихъ по царствующему граду Москвѣ и по всѣмъ сотнямъ и слободамъ и по всѣмъ градомъ русскія области ко всѣмъ людемъ, чтобы на государство всѣмъ міромъ просити Бориса“. Совѣтникамъ (или, какъ ихъ, называетъ хронографъ, злосовѣтникамъ) и рачителямъ не было пужды дожидаться на этотъ счетъ приказаній Бориса; собственныя выгоды, надежды на награды у однихъ, искренняя привязанность у другихъ, должны были побуждать ихъ дѣйствовать энергично и дружно. Поэтому извѣстіе хронографа, что рачители такъ усиленно хлопотали за Бориса, безъ сомнѣнія, вѣрно, — только не Борисъ ихъ посылалъ, а сами они шли. Колебаніе, или еще лучше, можетъ быть, выжидательная политика замѣтна не у одного Бориса. Въ одномъ хронографѣ¹⁾ говорится: „*Величїи же бояре, иже отъ корени скипетродержащихъ* (конечно, Шуйскіе) *и сродники* (конечно, Романовы) *великому государю царю и великому князю Ѳеодору Ивановичу всея Русїи и достойни на се* (то-есть, болѣе достойные престола) *ни много, ни мало не изволиша поступити* (то-есть, не принимали) *никакихъ мѣръ*); *по даша на волю народа, паче же на волю божию*; и злого ради и злоковарнаго промысла Борисова никто не смѣи противу ихъ рещи“, то-есть, противъ рачителей В. Ѳ. Годунова. Такимъ образомъ, и въ рядахъ соперниковъ В. Ѳ. Годунова тоже было колебаніе, выжиданіе. И Борисъ Ѳеодоровичъ, и Ѳеодоръ Пикитичъ, и князь В. И. Шуйскій, въ неистощности своихъ силъ, колеблются и отдають рѣшеніе своихъ притязаній на волю народа, на волю Божию. Но сторонники, рачители соискателей не остаются безъ дѣла. Въ Нижегородской лѣтописи и въ Лѣтописи о мятежахъ есть извѣстіе, что „*всѣмъ бояромъ и рачителямъ*“ (въ оригиналѣ: „всѣмъ бояромъ и рачителямъ“) *Нарядити мѣръ, хронографовъ и мѣстичуровъ по Изборнику Лопова*.

что „князи жъ Шуйскіе единны его не хотяху на царство, узвяху отъ него, что быти отъ него людемъ и къ себѣ гоненію, онежъ отъ него на томъ многія бѣды и скорби и тѣсноты пріяша“. Эти слова указываютъ положительно на не прекращавшіяся враждебныя отношенія Шуйскихъ къ Годунову и показываютъ, что инициатива борьбы за престолъ, по смерти Θεодора, исходила отъ Шуйскихъ. Конечно, хитрый В. И. Шуйскій самъ не принималъ участія въ борьбѣ. Но рачители В. Θ. Годунова одержали верхъ, ибо въ данную минуту, конечно, общее настроеніе было за него; иначе и быть не могло: консервативное большинство всегда желало и желаетъ мира, покоя. Поэтому рачителямъ В. Θ. Годунова не трудно было одержать верхъ, такъ какъ за него и за нихъ стояло долговременное правленіе въ царствованіе Θεодора Іоанновича. Тѣмъ не менѣе успѣхъ В. Θ. Годунова приписать былъ злоковарному „промыслу“ его. Эта неудача соперниковъ В. Θ. Годунова, естественно, и должна была привести ихъ къ мысли свергнуть его посредствомъ самозванца. Права Романовыхъ были одинаковы съ правами Годунова, — во имя чего же они могли начать съ нимъ борьбу? Еще менѣе могли начать борьбу Шуйскіе, и они-то, безъ сомнѣнія, и вызвали смуту, поссоривъ напередъ царя Бориса съ Романовыми, которые считали себя, разумѣется, обиденными, оскорбленными. И вотъ является человѣкъ, облеченный въ священное для народа имя царскаго сына, и этимъ именемъ свергаютъ Бориса, и тѣмъ же именемъ свергаютъ и Шуйскаго.... (Это мысль С. М. Соловьева; мы выставляемъ только источникъ, изъ котораго родилась мысль о самозванцѣ).

Рачителямъ В. Θ. Годунова, сказали мы, не трудно было взять верхъ надъ своими соперниками; за него стояло желаніе покоя и мира со стороны большинства русскаго общества, да кромѣ того, они могли опереться на патріарха Іова и на присягу царицѣ Иринѣ, принесенную по смерти Θεодора. Этою-то присягой и выигранъ былъ у Романовыхъ первый шагъ. Карамзинъ (т. X, стр. 129, прим. 379) приводитъ изъ Шила и де-Ту слѣдующее извѣстіе: „Духовенство, чиновники и граждане (то-есть, народъ), на предложеніе дьяка Щелканова присягнуть боярской думѣ, отвѣчали: не знаемъ ни князей, ни бояръ; знаемъ только царицу и ей мы дали присягу, она и въ черницахъ мать Россіи“. Это извѣстіе должно быть достоверно; оно такъ согласно съ духомъ народа. Въ приведенныхъ рѣчахъ народныхъ, кромѣ обычной преданности царскому дому, слышенъ отголосокъ времени малолѣтства Іоаннова, опасеніе боярской смуты. Въ этихъ-то

опасеніяхъ, въ связи съ преданностью царскому дому, и лежала тайна избранія В. Ѳ. Годунова на всероссійскій престоль.

Просмотримъ же хоть одно изъ лѣтописныхъ сказаній о вступленіи Бориса на престоль; это разсмотрѣніе будетъ служить пополненіемъ и поясненіемъ къ сказанному нами. Въ одномъ хронографѣ это событіе передается слѣдующимъ образомъ ¹⁾: „Во единъ же отъ дней бояре и вельможи предстояще въ келии ея, народы же мнози на площади стояше, *мнози же суть и неволею пригнаны суть въ мизь* (то-есть, изъ нихъ), за ними же мнози приставы быша, принуждаемы съ великимъ воплемъ вопити и слезы точити“. Что изъ этихъ словъ можно вывести? Сперва должно замѣтить, что весь разказъ проникнутъ самыми враждебными чувствами къ Борису Ѳедоровичъ Годунову; но и при этой враждебности истина невольно пробивается наружу; сказатель его обнаруживаетъ дѣло, какъ оно было, говоря, что „народы же мнози на площади стояше, мнози же суть и неволею пригнаны“. Если онъ о вторыхъ *многихъ* замѣтилъ, что они пригнаны были неволею, то о первыхъ само собою слѣдуетъ разумѣть, что они пришли сами, по доброй волѣ; если вторыхъ заставляли умолять Бориса о вступленіи на царство, то первые умоляли искренно. Иначе и быть не могло; но только нужно подумать, слѣдуетъ ли буквально принимать слова: „неволею пригнаны суть“. Мы думаемъ, что „неволею гнать въ число своихъ рачителей“ не стала бы ни одна изъ сторонъ, боровшихся за престоль: это было бы крайне опрометчиво и даже не безопасно при взаимномъ наблюденіи соперниковъ. Но безъ сомнѣнія, рачители всѣхъ партій одинаково употребляли всѣ усилія привлечь къ себѣ людей деньгами, обѣщаніями и тому подобными средствами. И эти *мнози*, за которыми стояли приставы, безъ сомнѣнія, привлечены были такими же средствами рачителями Годунова. Если масса людей, искренно желавшихъ воцаренія Годунова, была велика, то не было нужды прибѣгать къ насилію; если же мало было людей, желавшихъ его воцаренія, то пригнать *многихъ* людей насильно на площадь было опасно, ибо соперники Годунова, конечно, не дремали, и отдавъ свое дѣло на судъ Божій, на волю народа, они, при первомъ насильственномъ шагѣ В. Ѳ. Годунова, воспользовались бы его ошибкою. Насильно согнанная масса легко могла быть взволнована; и слухъ объ убіеніи царевича въ Угличѣ могъ бы оказать въ этомъ случаѣ врагамъ Годунова вс-

¹⁾ См. Изборникъ *Полова*.

ликую помощь. Связь густой слой черной краски, мы и здѣсь видимъ, въ чемъ дѣло: если консервативное большинство стояло за Годунова, то конечно, передъ страхомъ смуть, усобицъ, ослаблялась и ревность большей части сторонниковъ Романовыхъ и Шуйскихъ.

Но разумѣется, и соперники Годунова, и рьяные ихъ сторонники по могли или не хотѣли понять, въ чемъ дѣло, и успѣхъ В. Ѳ. Годунова объясняли, какъ мы уже замѣтили, зловозненнымъ его промысломъ. Это объясненіе отражается и въ сказаніяхъ, которыя наполнены такого рода подробностями: „Предстоящія же передъ нею (то-есть, передъ царицею Ириною) внутри келии моляще ея преклопати ушеса и вниманіе къ моленію народному и позрити на собранное множество народное и слезное ихъ воздыханіе и вопль прошенія ради Бориса на московское государство. Она же егда хотяше народъ возрѣти и видѣти бываемая въ нихъ и егда хотяше обратитися къ позрѣнію въ окно: вельможи же предреченія, ови Борисови рачители, предстоящія ту внутри келии, помановеніемъ рукъ, возвѣстятъ внѣ келии у окна на крыльцѣ стоящимъ, они же возвѣстятъ такоже помановеніемъ рукъ своихъ приставомъ, у народа поставленнымъ, они же повелѣвають пасти на землю ницъ къ позрѣнію ея, нехотящихъ же создади въ шею пихающе и біюще повелѣвають на землю пасти и воставъ: неволею плакати; и инія же и нехота, аки волцы напрасно воюще, подъ тлазы же слюнами мочаше каждо, у себя слезъ сущихъ не имѣя, и спясе ни единою, по множицею бысть; и таковымъ злохитрствомъ лукавнымъ на милость ея обратша, яко чаяше истинное всенародное радѣніе къ нему и немогуще вопля и многія голки (всклипыванія) слышати и видѣти бываемыхъ въ народѣ, даетъ имъ на волю ихъ, да поставитъ на государство московское Бориса“.

Народу было множество; массы народа собрались передъ кельей: сколько же пужно было приставомъ, чтобы толчками въ шею заставить не хотящихъ падать ницъ на землю? Еслибъ не хотящихъ было на половину, то вышло бы, что одна половина толкала въ шею другую Или этихъ не хотящихъ было мало? На это указываетъ отчасти и само сказаніе, говори, что *ини же и не хотя; аки волцы напрасно воюще*. Взглядываясь въ это мѣсто сказанія пристально, безпристрастный исследователь долженъ вывести такое заключеніе: народное множество искренно упранивало царицу, на что указываетъ и выше приведенное мѣсто изъ до-Ту и Шила; но и рачители В. Ѳ. Годунова не оставались праздно, это разумѣется само собою,—и *ими-то*, то-есть, меньшая часть и привлечена была, безъ сомнѣнія; рачителями, по-

средствомъ вышесказанныхъ средствъ. Въ нимъ-то, безъ сомнѣнн, относятся толчки въ шею, и мазаніе глазъ слюнами¹⁾: только то и другое, безъ сомнѣнн, искажено или преувеличено. Естественно, когда появлялась царица у окна, то бояре изъ кельи давали знать „помаповедіемъ рукъ“ близъ стоящимъ; чтобы не проглядѣли и не пропустили минуты; тѣмъ же знакомъ близъ стоящіе далѣе передавали извѣстіе о появленіи царицы передъ окномъ, все это было естественно и иначе быть не могло. Рачители В. Ѳ. Годунова могли подавать эти знаки; но чтобы этимъ знакамъ повиновались, необходимо было сочувственное настроеніе большинства народа, убѣжденіе народнаго множества, что необходимо скорѣйшее избраніе царя: смѣшно и вѣрнѣе пошло думать, что въ такіи минуты могутъ играть большую роль толчки и слюны! Соперники — В. Ѳ. Годуновъ, Ѳ. Н. Романовъ и В. И. Шуйскій отдали свое дѣло на волю народа, предоставили „волю Божию“: минута торжественная и величественная! И такая минута необходимо должна была отразиться на самихъ соискателяхъ: восторжествовалъ Борисъ, и болѣе дурныя страсти разыгрались уже послѣ этой минуты! Это пойметъ всякій, кто хоть немного знаетъ человѣческую душу. Были злыя козьи прежде, были и послѣ; но въ ту минуту, когда отдавалось дѣло „суду Божию“, соискатели въ безмолвіи ожидали, что будетъ? Ожидали въ безмолвіи уже и потому, что опасно было въ такую минуту, какъ мы замѣтили выше, прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, ибо одинъ неловкій шагъ могъ дать перевѣсъ соперникамъ. Царица медлитъ назначить брата, Борисъ колеблется: не могли ли думать соискатели, что колеблется и народное множество? И это тѣмъ болѣе, что у всѣхъ были свои рачители? Каждый, разумѣется, желалъ быть избранникомъ народа, дабы стать высоко надъ своими соперниками; и чувства, внушаемыя торжественною минутою, и самый расчетъ соискателей не допускали пошлыхъ средствъ (конечно, отдѣльныя дѣйствія рачителей каждой стороны не могутъ идти въ счетъ), и мы это основываемъ

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ сказатели выражаются еще сильнѣе: «сія же смѣху причастна, како слезамъ быти, аще въ сердце умиленія и риднвія мѣсть, ни любви мѣсть къ нему и аже подъ очю въ слезъ ради слюнами мочаше». П. И. Костомаровъ это эффектное мѣсто передаетъ такъ: «изъ *раболизма* и *страха* за будущее Москвичи, за недостаткомъ слезъ, мазали глаза слюнами». Раболизмъ и страхъ за будущее соединить трудно; ибо страхъ за будущее гналъ и *раболизмъ*, и болѣе хорошія чувства. Онъ - то этотъ страхъ и былъ виновникомъ торжества В. Ѳ. Годунова надъ его соперниками.

на томъ же самомъ лѣтописномъ сказаніи, которое мы разбираемъ. Вотъ что говорить оно о мотивахъ, заставлявшихъ В. Θ. Годунова отказываться, дабы „тѣмъ велику похвалу получить передъ всѣми сродными (передъ Романовыми) великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всея Руси и передъ всѣми достойными на се (сѣсть на престолъ то-есть, передъ Шуйскими). *Яко да не имваются на него и не поносятъ ему о семъ, яко не своимъ желаніемъ воспріять скипетръ, но народнымъ множествомъ всего російскаго государства раченіемъ и возлюбленіемъ избранъ, а не его самохотѣніемъ*“. Сопоставьте это мѣсто съ вышеприведенными словами того же сказанія, что „велиціи же бояре, иже отъ корени скипетродержащихъ и сродники великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всея Русіи *ни мною, ни мало не изволиша поступати, но дати на волю народа, наче же на волю Божию*“,—сопоставьте вмѣстѣ и увидите, въ чемъ дѣло.... Всѣ ожидали, какъ явится „воля Божія“ устами народа; надежда на успѣхъ изгоняла дурныя, а тѣмъ болѣе пошлая средства, и опять повторяемъ—надежды не исполнились, дурныя страсти разыгрались. Не одинъ только Борисъ Ѳедоровичъ желалъ, чтобы въ случаѣ успѣха соперники не гнѣвались и не поносили его; не одинъ онъ, конечно, желалъ показать, что престолъ достался *возлюбленіемъ* всенароднаго множества. Такъ, безъ сомнѣнія, желали въ эту минуту и всѣ: примѣръ В. И. Шуйскаго въ 1606 году ничего не доказываетъ, тамъ было иное время, иныя обстоятельства: то происходило уже въ разгаръ страстей; да притомъ В. И. Шуйскій менѣе всѣхъ могъ положиться на голосъ народнаго множества! Въ 1598 году онъ долженъ былъ дѣйствовать въ присутствіи В. Θ. Годунова и Романовыхъ; въ 1606—онъ былъ одинъ въ Москвѣ.

В. Θ. Годунова обвиняють, что, удаляясь въ монастырь, онъ передалъ всѣ дѣла Юву, своему главному рачителю и другу; по кто же при подобныхъ обстоятельствахъ передалъ бы дѣла въ руки враговъ?

Вступленіемъ В. Θ. Годунова на престолъ борьба, конечно, не кончилась. „Бориса можно было только свергнуть самозванцемъ“, говоритъ С. М. Соловьевъ, „котораго легко уже было свергнуть“. Выше мы старались пояснить, какимъ путемъ могли прійти къ этой мысли; но здѣсь скажемъ, что въ этомъ глубокомысленномъ замѣчаніи нашего историка обнаруживается тайна всей смутной эпохи. „Для всякаго ясно, что перемѣна правителя въ Московскомъ государствѣ была гораздо нужнѣе для бояръ, чѣмъ для Польши или для іезуи-

товъ", продолжаетъ тотъ же историкъ, — „но Годунова нельзя было свергнуть другими средствами, кромѣ самозванца, нельзя было найти никакой другой причины къ возстанію, никакой формы для того, слѣдовательно, нужно было придумать средство, выходящее изъ обыкновеннаго порядка вещей и только мысль, напряженная отысканіемъ этого средства, могла остановиться, на подстановкѣ самозванца, могла рассчитать успѣхъ, сообразить всѣ выгоды подобной обстановки“. Мы уже замѣтили, что торжество Бориса, вслѣдствіе того, что народное множество было за него, само собою наводило на эту мысль; на эту же мысль могъ навести и слухъ, что царевичъ Димитрій убитъ по повелѣнію Бориса. „Онъ велѣлъ убить, а мы скажемъ, что это не удалось, мы спасли“. Думаемъ, что не долго приходилось ломать голову надъ изысканіемъ такого средства, оно само собою возникло въ мысли враговъ В. Ѳ. Годунова, и кто можетъ поручиться, что эта мысль не промелькнула въ головѣ Шуйскаго еще въ Угличѣ? И судя по единодушію его съ М. Ѳ. Нагой, при встрѣчѣ самозванца и послѣ, такое предположеніе становится весьма вѣроятнымъ. Послѣ къ В. И. Шуйскому примкнули и другіе, какъ увидимъ ниже. Вѣсть о появленіи самозванца ужаснула Бориса: „Приде же вѣсть ко царю Борису, яко объявися въ Литвѣ царевичъ Димитрій, царь же Борисъ ужастень былъ“ (Никон. лѣтоп.)... Получивъ эту вѣсть, онъ сказалъ князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло, что они измѣной и крамолою стараются свергнуть его съ престола.

Теперь для разъясненія борьбы за престолъ, скажемъ нѣсколько словъ о личности перваго самозванца.

Уже въ прошломъ вѣкѣ митрополитъ Платонъ, а въ наше время С. М. Соловьевъ и Н. И. Костомаровъ признали невозможность, чтобы названный Димитрій былъ Чудовскій монахъ Гришка Отрепьевъ. С. М. Соловьевъ, между прочимъ, прекрасно замѣчаетъ, что уже современники понимали невозможность подобнаго явленія, и по своимъ понятіямъ, приписывали умыселъ Отрепьева внушенію діавола, а успѣхъ умысла чернокнижью. Н. И. Костомаровъ хорошо доказываетъ нелѣпность показанія, высказаннаго въ такъ-называемой челобитной Варлаама. Въ своей статьѣ: „Кто былъ первый Лжедмитрій?“ г. Костомаровъ приводитъ весьма много убѣдительнѣйшихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Но ни тотъ, ни другой историкъ не говорятъ: при чемъ же былъ здѣсь Отрепьевъ? С. М. Соловьевъ превосходно объяснилъ роль Молчапова въ исторіи появленія втораго са-

мованца. Мы думаемъ, что Отрепьевъ игралъ роль приготовителя, а что Молчановъ шелъ по его слѣдамъ, что приемъ, употребленный Отрепьевымъ, былъ повторенъ вторымъ самозванцемъ ¹⁾.

Прежде самозванца считали исключительно орудіемъ Поляковъ; но послѣ новѣйшихъ разъясненій становится очевиднымъ, что масса польскаго дворянства не участвовала въ поставкѣ самозванца и даже была противъ поддержки его. Участвовалъ, безъ сомнѣнія, въ этомъ дѣлѣ только король Сигизмундъ и немногія лица изъ польскихъ магнатовъ, лица, далеко не пользовавшіяся общимъ уваженіемъ. На это обстоятельство указываютъ и С. М. Соловьевъ, и Н. И. Костомаровъ. Дневникъ польскаго сейма за 1605 г., напечатанный въ 4-мъ томѣ „Русской Исторической Вибліотеки“, не опровержимымъ образомъ подтверждаетъ, съ какимъ неудовольствіемъ масса польскаго дворянства относилась къ этому дѣлу. Не вдаваясь въ длинныя выписки, приведемъ только слова канцлера Замойскаго: „Что касается личности самаго Дмитрія, который выдаетъ себя за сына Іоанна, то объ этомъ я скажу слѣдующее: онъ говоритъ, что за мѣсто его задушили кого то другаго. Помилуй Богъ: это комедія Плавта или Теренція что ли? Вѣроятное ли дѣло: велѣть кого либо убить, а потомъ не посмотреть, тотъ ли убить, кого приказано убить, а не кто либо другой! Если такъ, если приказано было только убить, а затѣмъ никто не посмотрѣлъ: дѣйствительно ли убить и кто убить, то можно было для этого подставить козла или барана“. Въ инструкціи посла въ Бѣльскаго воеводства сказано: „Не понятно намъ, по какимъ побужденіямъ и какимъ образомъ осмѣлились (Сандомірскій воевода Мнишекъ и другіе) собственною властію, безъ сеймоваго одобренія, поддерживать“ (Лжедмитрія). Далѣе въ инструкціи говорится, что присяга должна быть соблюдаема, какъ всѣми вообще, такъ и королями-государями, а королемъ Сигизмундомъ тѣмъ болѣе, что „онъ присягалъ не только за себя, но и за насъ“. Что же касается до іезуитовъ, то не нужно забывать, что этотъ орденъ любилъ всегда срывать плоды зрѣлыя. Безъ сомнѣнія, и въ дѣло Лжедмитрія они вмѣшались, когда все было готово, и конечно уже, іезуиты никогда не приняли бы участія, еслибы названный Лжедмитрій былъ Отрепьевъ, котораго знала половина Москвы ²⁾.

¹⁾ Мы не пишемъ исторіи смутнаго времени и потому не имѣемъ времени заняться судьбою собственно Отрепьева. Извѣстія объ его судьбѣ различны, есть даже извѣстіе, что онъ былъ въ рядахъ самозванцева полка.

²⁾ Ни участіе Сигизмунда, кромѣ косвенныхъ упрековъ въ вышеприведенной

Изъ всѣхъ извѣстій объ Отрепьевѣ мы считаемъ самымъ важнымъ извѣстіе, сообщенное боярами Поликать, о томъ, что Гришка Отрепьевъ, до постриженія въ монахи, жилъ въ холопахъ у Романовыхъ и у родственниковъ ихъ Черкасскихъ ¹⁾. Появленію самозванца предшествовала опала Романовыхъ, о которой вотъ что говоритъ Авраамій Палицынъ: „И яко сихъ ради Никитичевъ паче же всего міра за премногіе и многочисленные грѣхи наши и беззаконія и неправды, вскорѣ того же лѣта 7109 (1601 г.) измѣненіе гнѣва быстрое бысть отъ Бога“. И затѣмъ описываются голодъ, моръ, разбой: однимъ словомъ, даже естественныя бѣдствія, ниспосланныя за грѣхи, ниспосланы были между прочимъ, „сихъ ради Никитичевъ“. Кромѣ извѣстія, что Гришка Отрепьевъ до постриженія жилъ въ холопахъ у Романовыхъ, въ другомъ извѣстіи онъ просто называется холопомъ Романовыхъ; вѣроятно, это послѣднее извѣстіе есть видоизмѣненіе перваго. Замѣчательно, что въ путь-дорогу въ Литву онъ отправился вмѣстѣ съ Мисайломъ, челоукомъ вхожимъ къ Шуйскимъ, къ которымъ также вхожъ былъ и Варлаамъ, коего челобитная служила главнымъ доказательствомъ, что самозванецъ былъ Отрепьевъ. Надобно добровольно закрыть глаза, чтобы не видѣть, что холопъ Романовыхъ и люди, вхожіе къ Шуйскимъ, служили одному и тому же дѣлу. Но что холопъ Романовыхъ игралъ, по видимому, первую роль, это ничего не доказываетъ. На самомъ дѣлѣ важнѣе, можетъ-быть, его спутникъ, орудіе Шуйскаго, которому безопасно и выгодно было поручить первую роль слугъ Романовыхъ.

Н. И. Костомаровъ въ своемъ изслѣдованіи: „Кто былъ первый Лжедмитрій?“ говоритъ, что можно было бы бросить подозрѣніе и на родъ Романовыхъ, но считаетъ признаки, бывшіе у него въ виду, недостаточными. Это зависѣло отъ неправильной точки зрѣнія на источникъ смутнаго времени и отъ того, что вышепомянутые признаки не сопоставлены имъ съ нѣкоторыми извѣстіями, давно не новыми и ему отлично извѣстными.

Прежде всего нужно условиться въ словѣ „подозрѣніе“. Н. И. Ко-

---

нструкция, указываетъ и одно извѣстіе Жолкелскаго, которому С. М. Соловьевъ совершенно справедливо придаетъ полную вѣру: самозванецъ посылалъ въ Польшу Безобразова, избраннаго для этой посылки Шуйскими. Шуйскіе, Голицыны и другіе выговаривали королю черезъ Сапѣгу, зачѣмъ онъ навязалъ имъ челоука, низкаго, легкомысленнаго и распутнаго тирана.

¹⁾ Это извѣстіе Н. И. Костомаровъ извлекаетъ изъ дѣла посольскаго подл. № 26. См. Костомарова: «Кто былъ первый Лжедмитрій?»

стомаровъ, да и другіе писатели смотрятъ на отношенія смутнаго времени съ точки зрѣнія нашей эпохи. Ѳ. Н. Романовъ и весь родъ Романовыхъ не могли скоро примириться со вступленіемъ Бориса Ѳедоровича Годунова на престолъ; онъ долженъ былъ казаться имъ узурпаторомъ, достигшимъ престола только помощію хитрости. Естественно, что у нихъ вырывались въ кругу людей близкихъ жалобы на козни, которыми Борисъ, по ихъ мнѣнію, достигъ престола: безъ сомнѣнія, такимъ настроеніемъ Романовыхъ воспользовалась партія, желавшая разомъ погубить и Романовыхъ, и Годуновыхъ. Въ началѣ Романовы и Шуйскіе дѣйствуютъ за одно, потому расходятся, какъ это всегда бываетъ съ партіями, соединившимися на борьбу противъ общаго врага, но не имѣющими общихъ интересовъ. Это временное единодушіе вызвано было опалю Романовыхъ, а кто вызвалъ опалу эту какъ не бояре? А по ходу дѣла ясно, что боярами извѣстной партіи могъ руководить только В. И. Шуйскій, ихъ избранныкъ на престолъ. Онъ понималъ, какое значеніе могла имѣть опала Романовыхъ. Мы видѣли, какое значеніе современники придавали опалѣ „Никитичевъ“. Взглянемъ же теперъ на главнаго и умѣйшаго изъ нихъ во время опалы.

Вотъ какъ тосковалъ въ своемъ монастырскомъ заключеніи невольный инокъ Филаретъ, бывшій Ѳедоръ Никитичъ Романовъ: „Колѣи жену споминетъ и дѣти, и онъ де говорить: „милне де мои дѣтки, маленки, да бѣдныя остались; кому де ихъ кормить и поить? таково ли де имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было? А жена де моя бѣдная, наудачу уже жива ли? часть де (онъ), она гдѣ близко таково-жъ де замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ де ужъ что надобно? лихо де на меня жена да дѣти, какъ де ихъ помянешь, ино де что *рогатинной въ сердце толкнетъ, мною де иное они мнѣ мѣшаютъ*; дай Господи, слышати, чтобъ де ихъ рагѣ Богъ прибратъ, и азъ бы де тому обрадовался; а что де жена моя и сама рада тому, чтобъ имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы де не мѣшали, я бы де сталъ промышляти одною своею душою; а братья де ужъ всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ“¹⁾. Это — донесеніе пристава отъ 1602 года. Страшная, раздирающая скорбь слышится въ этихъ словахъ, скорбь о дѣтяхъ и женѣ, при одномъ воспоминаніи о которыхъ „ино де что *рогатинной въ сердце толкнетъ*“. Но эта страшная, раздирающая сердце скорбь — не скорбь слабаго человѣка, падающаго подъ ея тяжестію.

¹⁾ Акты Историческіе, т. II, № 38.

Эта скорбь тѣмъ страшнѣе, что изъ-за нея слышится страшная мощь истинно русскаго духа: человекъ скорбитъ за семью, но скорбитъ еще и потому, что жена и дѣти связываютъ ему руки: „много де инос они мнѣ мѣшаютъ“, — и жажда борьбы, мести беретъ верхъ надъ нѣжнымъ чувствомъ, и узникъ возсылаетъ къ Богу грѣшную молитву, чтобъ онъ раньше прибралъ и жену, и дѣтей: *„тогда мнѣ бы де ужъ не мышамъ, и бы де сталъ промышлять одною своею душою!“* Тогда ничто уже не помѣшало бы связанному богатырю расправить могучее плечо и постоять за свои права. Въ 1605 году, когда успѣхъ самозванца могъ уже казаться болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, невольный инокъ обнаружился еще болѣе: „и живетъ де старецъ Филаретъ не по монастырскому чину: всегда *смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мрское житье, про птицы ловчїе и про собаки, какъ онъ въ мирѣ жилъ*, и къ старцамъ жестокъ; и старцы приходятъ къ нему къ Богдану (къ приставу, къ Воейкову) на того старца Филарета всегда съ жалобою, *ласть ихъ и битъ хочеть*, а говоритъ де старцомъ Филаретъ старецъ: *„увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ“*; а нынѣ де въ великій постъ, у отца духовнаго тотъ старецъ не былъ, и къ церкви и къ тебѣ на прощанье не приходилъ, и на кѣлїосѣ не стоитъ“. (Ист. Акты, т. II, № 54). Ясно, чему смѣялся въ мартѣ мѣсяцѣ 1605 года старецъ Филаретъ! Ясно, почему живѣе встрепенулась въ немъ наслѣдственная страсть къ охотѣ. Понятна и эта жестокость Филарета къ старцамъ, которые напоминали ему его неволю и принужденное постриженіе, въ то время, когда освобожденіе казалось столь близкимъ. Царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ очень ясно понималъ, въ чемъ тутъ дѣло, и потому въ своей грамотѣ къ Іоаннѣ, игумену Сїйскаго монастыря, изъ которой мы приводимъ послѣдній отрывокъ, приказываетъ починить монастырскую ограду и никого не допускать къ Филарету и выказываетъ опасеніе, чтобы послѣдній *не ушелъ изъ монастыря, или бы какою лиха надъ собою не учинилъ*, — *„и то сдѣлается твоимъ небреженїемъ и оплошкою“*, добавляетъ царская грамота къ Іоаннѣ. Н. И. Костомаровъ такое измѣненіе въ поведеніи Филарета Никитича ставитъ третьимъ въ числѣ четырехъ признаковъ, бросающихъ подозрѣніе на Романовыхъ. Первымъ признакомъ онъ ставитъ то обстоятельство, что Романовы пострадали, когда до Бориса стали доходить первые слухи о самозванцѣ: Борисъ ихъ болѣе всѣхъ подозрѣвалъ и на нихъ преимущественно разъярился, что подтверждаетъ наше мнѣніе, какъ выгодно было Шуйскому выставить на первомъ планѣ слугу Романовыхъ. Вто-

рымъ признакомъ г. Костомаровъ ставитъ то обстоятельство, что Ѳ. Н. Романовъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Бѣльскому и отзывался о немъ, какъ о самомъ способнѣйшемъ и достойнѣйшемъ между боярами; но при этомъ Н. И. Костомаровъ забылъ упомянуть, что Бѣльскій первый клялся народу, что самозванецъ истинный Дмитрій. Это важно: такой фактъ, сопоставленный со вторымъ и третьимъ признакомъ то-есть, съ извѣстіемъ, что Отрепьевъ служилъ у Романовыхъ, — такой фактъ, въ совокупности со всѣми указанными обстоятельствами, получаетъ большое значеніе. Прибавимъ сюда еще и описание царя Бориса, чтобъ инокъ Филаретъ не учинилъ надъ собою какого-либо лиха, — значитъ, Борисъ особенно подозрѣвалъ его, — и сожалѣніе Ѳ. Н. Романова, что дѣти и жена ему мѣшаютъ: всѣ эти обстоятельства несомнѣнно убѣждаютъ, что Романовы принимали значительное участіе въ низверженіи Бориса. Что же касается до четвертаго признака, то-есть, до того, что самозванецъ, вступивъ на престолъ, облагодѣтельствовалъ фамилію Романовыхъ и такъ уважалъ ее, что даже кости умершихъ приказалъ перенести въ Москву; то эти дѣйствія самозванца доказываютъ только желаніе его убѣдить народъ, что онъ дѣйствительно — сынъ Іоанна. Онъ долженъ былъ такъ дѣйствовать по собственному разчету, чтобы показать, какъ близки были его сердцу Романовы, которыхъ любилъ и чтилъ мнѣмъ отецъ его, Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Важно не то, что самозванецъ награждалъ Романовыхъ, но важно, во первыхъ, то, что награды были приняты, и во вторыхъ, то, какъ награждены были Романовы. Самозванецъ не оставилъ въ Москвѣ Филарета Никитича, котораго, конечно, патриархи восточные и русскіе святители не отказались бы прямо поставить въ патриархи. Мало того: самозванецъ не оставилъ при себѣ въ Москвѣ и сына его Михаила съ матерью инокицею Мареою. Все это сдѣлано было подъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы Михаилъ съ матерью жили въ епархіи отца. Конечно, Кострома отъ Москвы далѣе, чѣмъ отъ Ростова; но пребываніе Михаила въ Москвѣ выказало бы болѣе довѣрія къ Романовымъ со стороны самозванца. Этотъ четвертый признакъ опредѣляетъ только до нѣкоторой степени мѣру участія Романовыхъ, но за то положительно указываетъ, что главная нить дѣла была не въ ихъ рукахъ.

„Съ того времени“, говоритъ Карамзинъ, „инокиня Марея и юный Михаилъ, отданный ей на воспитаніе, жили въ епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ св. Іпатія, гдѣ все напоминало непрочную знаменитость и разительное паденіе ихъ личныхъ

злѣдѣвъ: ибо сей монастырь основанъ былъ въ XIV вѣкѣ предкомъ Годуновыхъ, мурзою Четомъ, и богато имъ украшенъ“. Это удаленіе не было ли дѣломъ В. И. Шуйскаго, который въ началѣ былъ силенъ при самозванцѣ? Да, безъ сомнѣнія, было его дѣломъ; стоитъ только испомнить, что отсутствіе Ѳ. Н. Романова открыло Шуйскому дорогу къ престолу. По смерти Бориса, народъ просилъ князя В. И. Шуйскаго объявить правду: точно ли онъ похоронилъ Димитрія царевича въ Угличѣ? В. И. Шуйскій отвѣчалъ, что царевичъ спасся, а убитъ и похороненъ поповъ сынъ. Эти слова имѣли роковое значеніе для семейства Годунова: народъ дозволилъ вывести Ѳедора Борисовича съ семействомъ изъ царскаго дворца и перевести въ боярскій домъ Годунова, гдѣ ихъ постигла злая смерть. Народъ молчалъ, ибо видѣлъ въ этомъ праведную казнь государевымъ злѣдѣямъ. А кто его увѣрилъ въ этомъ? Могъ ли народъ сомнѣваться послѣ словъ В. И. Шуйскаго? Годуновыхъ не стало, и В. И. Шуйскій становится во главѣ заговора, распускаетъ слухи, что на престолѣ чернокнижникъ, воръ и обманщикъ, а не царевъ сынъ. Затѣмъ, онъ обманомъ, но выраженію С. М. Соловьева, свергаетъ самозванца: бьютъ набатъ, увѣряютъ народъ, что цари бьютъ Поляки; но по утру народъ узнаетъ, что царь убитъ Русскими, а не Поляками.

Со вступленіемъ самозванца въ Москву, В. И. Шуйскій дѣйствуетъ явно за одно съ инокинею Марою, бывшею Марьей Ѳедоровной Пагою. Кого посылаетъ самозванецъ за мнимую свою матерью? Племянника князя В. И. Шуйскаго, М. В. Скопина-Шуйскаго. И неужели можно думать, что не было заранѣе условлено, какъ она должна принять мнимаго сына? Свергаютъ самозванца, и вотъ новый царь, В. И. Шуйскій, вмѣстѣ съ тою же инокинею Марою, пишетъ грамоты, въ которыхъ онъ, еще недавно называвшій самозванца сыномъ Іоанна, и она, подтверждавшая это, именуя его своимъ сыномъ, теперь объявляютъ Россіи, что сей человекъ всѣхъ прельстилъ своимъ черно-книжествомъ. Въ одномъ сказаніи (Изборникъ *Попова*, стр. 419) разсказывается слѣдующее по поводу перенесенія тѣла царевича изъ Углича въ Москву: Инокія Марѳа „была челомъ передъ великимъ государемъ и передъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и передъ всѣми людьми Московскаго государства и всея Руси, что она виновата, но напаче же передъ новымъ мученикомъ, передъ сыномъ своимъ царевичемъ княземъ Димитріемъ, что терпѣла вору Растригѣ, ложному злому еретикъ и чернокнижцу, не обличала его долго, а многая кровь христіанская отъ того богоотступника лилася и то дѣлала отъ бѣдности“.

Но что же дѣлалъ митрополитъ Филаретъ въ царствованіе В. И. Шуйскаго? Даже по отзыву Авраамія Палицына, что Филаретъ не склонялся ни на право, ни на лѣво, видно, что онъ держался, что называется — выжидательной политики ¹⁾. Пребываніе его въ Тушинѣ и принятіе отъ втораго самозванца нареченія въ патріархи лучше всего свидѣтельствуютъ, что митрополитъ Филаретъ ждалъ, когда наступитъ его время: очевидно, что онъ питалъ полное невѣріе къ прочности власти В. И. Шуйскаго. Что же касается до Тушинскаго вора то Филаретъ не могъ не презирать его. Гермогенъ оправдывалъ поведеніе Филарета въ Тушинѣ; но развѣ самъ Гермогенъ позволилъ бы себѣ принять это нареченіе? Невольнымъ принужденіемъ нельзя оправдать этого поведенія; но Филаретъ, инокъ по неволѣ, былъ и остался бояриномъ Ѳедоромъ Никитичемъ, неутомимымъ борцомъ за права своего дома. Съ этой точки зрѣнія поведеніе его въ Тушинѣ весьма понятно. Сохранилась грамота митрополита Филарета къ Яну Сапѣгѣ. Сапѣга просилъ о дозволеніи Юрьевскому соборному протопопу освятить храмъ въ Киржацкомъ монастырѣ, разоренный ратными людьми. Посылая Яну Сапѣгѣ благословеніе, именуя себя нареченнымъ патріархомъ, Филаретъ ни слова не говоритъ о томъ, кто называлъ себя Димитріемъ. Скажутъ, тутъ было не встать, не къ чему: да еслибъ онъ былъ подѣ страхомъ, то не упустилъ бы сказать: посылаемъ государево соизволеніе и наше благословеніе. Для самозванца такія упоминанія были бы выгодны. Но очень естественно, что Филаретъ на презираемаго имъ втораго самозванца смотрѣлъ точно также, какъ и на перваго, какъ на орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Вѣрилъ ли Филаретъ въ возможность прочнаго воцаренія Владислава? Мы думаемъ, что онъ зналъ Сигизмунда и потому не вѣрилъ. Жолдѣвскій считалъ его опаснымъ для польской стороны и потому, вмѣстѣ съ Василюемъ Васильевичемъ Голицынымъ, отправилъ посломъ къ Сигизмунду. Здѣсь Филаретъ твердо стоялъ за выгоды Россіи и болѣе всѣхъ замедлил торжество польской стороны, что въ будущемъ послужало къ выгодѣ его дома и Россіи.

¹⁾ Н. И. Костомаровъ говоря, что въ Тушинѣ боялись Филарета, прибавляетъ: «Было отъ чего. Признавши перваго Димитрія, получивши отъ него милости, онъ потомъ служилъ Шуйскому, открывалъ мощи младенца Димитрія; теперь служилъ второму самозванцу, и конечно не могъ быть ему столь же преданъ, сколько самъ ему былъ нуженъ». Выходитъ, что Филаретъ былъ простымъ искателемъ милостей у разныхъ господъ. Такой ложный взглядъ зависитъ отъ ложной точки зрѣнія на смутную эпоху.

Среди этой борьбы за престолъ, чуть не болѣе всѣхъ пострадалъ патриархъ Іовъ, на память котораго пали въ послѣдствіи тяжкіе укоры; а между тѣмъ, главная цѣль его дѣятельности состояла въ томъ, чтобъ утвердить миръ и тишину. Въ грамотѣ, по поводу смерти царевича Димитрія, Іовъ, какъ мы уже замѣтили, не даромъ молилъ о прекращеніи междоусобной брани. Не нужно было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, какая страшная смута грозила Россіи въ случаѣ бездѣтной смерти Θεодора. Поэтому не одна привязанность къ В. Θ. Годунову руководила дѣйствіями патриарха Іова при избраніи царя, по смерти Θεодора Іоанновича. Чтò же касается до преданности Іова В. Θ. Годунову, то въ ней не можетъ быть сомнѣнія; патриархъ Іовъ и самъ объ этомъ говоритъ въ своей прощальной грамотѣ: „понеже бо зѣло всячески мя преуспокои во вся дни живота моего. Егда же бѣхъ на коломенской епископыи, и на ростовской архіепископыи, такоже и въ митрополитѣхъ и на патриаршескомъ степеніи, яко не могу по достоянію изрещи превеликія его царскія милости къ себѣ смиренному“. Іовъ самъ говоритъ, что порадовался вступленію В. Θ. Годунова на престолъ, — иначе и быть не могло. Видно, что борьба за В. Θ. Годунова досталась ему не легко; на него, по смерти Θεодора Іоанновича, посыпались, по его собственнымъ словамъ, клеветы и укоризны. Но эта преданность не отрицаетъ въ патриархѣ Іовѣ искренней заботы о мирѣ и тишинѣ Россіи. Эта преданность не можетъ внушить подозрѣнія къ искренности его словъ, высказанныхъ въ соборномъ посланіи объ избраніи В. Θ. Годунова: „Мы видѣли Россійское царство безгосподарно, и стадо Христово небрегомо и гиблемо и потому сильно скорбѣли мы и въ печали были великой, какъ овцы, немущія пастыря“. Можно было бы упрекать патриарха Іова только въ такомъ случаѣ, еслибъ онъ хлопоталъ за человѣка, у котораго не было никакихъ правъ на престолъ. Можно, пожалуй, упрекнуть Іова — почему онъ, оставшись во главѣ правленія послѣ удаленія Ирины и Бориса въ монастырь, слишкомъ склонилъ съ своей стороны вѣсы избранія въ пользу Бориса, и почему онъ не сталъ выше личной привязанности и не представилъ земскому собору, кромѣ В. Θ. Годунова, другихъ кандидатовъ на престолъ? По вѣдѣ въ данную минуту за Годунова стоялъ не одинъ патриархъ Іовъ, — за него стояло, какъ мы замѣтили выше, консервативное большинство, желавшее мира и покоя. Могло ли это консервативное большинство не желать скорѣйшаго избранія царя? А кто въ 1598 году представлялъ болѣе гарантій для мира и спокойствія, какъ не тотъ человѣкъ,

который правилъ государствомъ въ царствованіе Феодора? Могъ ли самъ патріархъ Іовъ, не говоря ужъ о преданности его Борису Феодоровичу Годунову, а по самому своему положенію не раздѣлять мнѣній консервативнаго большинства? Голосъ патріарха Іова много значилъ въ дѣлѣ избранія Б. Θ. Годунова, но значилъ онъ именно потому, что отвѣчалъ желанію консервативнаго большинства. Должно впрочемъ сказать, что Іовъ и по характеру своему не могъ возвыситься до строгаго, холоднаго безпристрастія. Іовъ былъ человекъ, у котораго чувство преобладало надъ умомъ: это слышится въ каждой строкѣ дошедшихъ до насъ грамотъ его. Сталъ ли бы человекъ, холодно расчетливый, въ прощальной грамотѣ исчислять благодѣянія Б. Θ. Годунова? Скажемъ болѣе: патріархъ Іовъ былъ человекъ простодушный. Этимъ-то преобладаніемъ чувства и простодушіемъ объясняется и та слабость, съ которою патріархъ Іовъ поступался своими убѣжденіями ради мира и тишины. Такъ, по слабости характера, онъ уступилъ просьбамъ Гермогена и царя В. И. Шуйскаго и подписалъ грамоту, данную 16-го февраля 1607 года вкупѣ обоими патріархами, въ которой сказано, что царевичъ Димитрій принялъ закланіе неповинное отъ рукъ измѣнниковъ своихъ (*Соловьевъ*, VIII, стр. 183). Въ этой грамотѣ впрочемъ ясно видѣнъ компромиссъ,—та и другая сторона сдѣлали уступки: не сказали, что царевичъ помре волею Божіею, но не упомянули и Годунова. Ради какой мірской выгоды могъ идти на этотъ компромиссъ ослѣпшій отъ горькихъ слезъ патріархъ Іовъ? Это тяжелая жертва со стороны его въ пользу мира и тишины. Изъ пригласительной грамоты патріарха Гермогена видно, что объ этой уступкѣ сильно умоляли бывшаго патріарха. Вотъ эта грамота: „Государю отцу нашему, святѣйшему Іову патріарху, сынъ твой и богомолецъ Гермогенъ, патріархъ московской и всея Руси, Бога молю и челомъ бью. Благородный и благовѣрный, благочестивый и христілюбивый великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ, всея Руси самодержецъ, совѣтовавшись со мною и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольными, дворянами, съ приказными людьми и со всѣмъ своимъ царскимъ синклитомъ, съ гостями, торговыми людьми и со всѣми православными христіанами паствы твоей, послалъ молитъ твое святительство, *чтобъ ты учинилъ ходатайство и писалъ въ царствующій градъ Москву для его государева и земскаго великаго дѣла; да и мы молимъ съ усердіемъ твое святительство и колына преклоняемъ, сподоби насъ видѣть благолюбивое лицо твое и слышать пресладкій голосъ твой*“. Противъ мольбы и колѣнопрекло-

неній не могъ устоять патріархъ Іовъ, особенно когда эти мольбы касались мира и тишины. Человѣкъ добродушный отъ природы, уже почти ослѣпшій отъ горькихъ слезъ, Іовъ не имѣлъ силъ противиться убѣжденіямъ во имя блага церкви и Россіи. Такимъ образомъ, своимъ голосомъ онъ способствовалъ затемнѣнію Углицкаго дѣла на будущее время, не принеся никакой пользы тогдашней Россіи. Эта уступка, эта неправда не могли возстановить мира и тишины, которыя держатся только правдою. Мы не думаемъ въ этой слабости оправдывать патріарха Іова, но хотимъ только объяснить источникъ ея и тѣмъ снять съ памяти Іова излишнія обвиненія. Къ тому же если не оправдываютъ его уступчивость, то по крайней мѣрѣ ослабляютъ вину оной его несчастія и несчастія Россіи, среди которыхъ люди бродили, какъ въ чаду, и подобно утопающимъ, хватались за соломенку.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о борьбѣ Бориса Феодоровича Годунова съ первымъ самозванцемъ, ибо эта борьба уясняетъ взаимное отношеніе лицъ и партій.

Уже воеводы Петръ Шереметевъ и Михайло Салтыковъ, высланные царемъ Борисомъ къ Ливнамъ, сказали Хрущову, царскому посланцу, что трудно воевать противъ природнаго государя. Можно ли думать, чтобы Шереметевъ и Салтыковъ вѣрили въ спасеніе царевича Димитрія? Въ Москвѣ пьютъ за здоровье самозванца, который беретъ Черниговъ, Путивль; а воевода князь *Димитрій Шуйскій* неподвижно стоитъ у Брянска и не думаетъ подавать помощь Васманову, который отбивается въ Новгородъ-Сѣверскомъ. *Итакъ, первая удача самозванца зависла отъ бездѣтельности князя Димитрія Шуйскаго.*

Князь Мстиславскій занимаетъ мѣсто Димитрія Шуйскаго (вспомнимъ отношеніе Мстиславскихъ къ Годупову и невесту княжну Мстиславскую, приготовленную на случай развода), и что же дѣлаетъ новый вождь? Съ 50.000 войскомъ онъ позволяетъ себя разбить, подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, самозванцу, у котораго было только 15.000! И пораженіе это таково, что только неопытность самозванца, по справедливому замѣчанію г. Соловьева, спасла войско царское отъ окончательной гибели. Но, кромѣ этой неопытности, помогла еще и стойкость 700 нѣмецкихъ всадниковъ, вѣрныхъ Борису: они удержали стремленіе непріятельской конницы и спасли лѣвое крыло. Случайная рана Мстиславскаго, полученная имъ въ свалкѣ, нисколько его не оправдываетъ. Замѣчательно, что подъ Новгородъ-Сѣверскомъ

главными сподвижниками князя Мстиславскаго были князь Телятевскій, князь Дмитрій Шуйскій, князь Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ. Все роковыя имена смутной эпохи; среди ихъ мелькаетъ имя Ивана Годунова, челоуѣка, по видимому, весьма не замѣчательнаго. Да и что противъ всѣхъ могъ сдѣлать одинъ Иванъ Годуновъ? Рать Мстиславскаго отступила и засѣла въ лѣсахъ, близъ Стародуба. Самозванецъ также отступилъ, но не потому, что его оставили Поляки, мѣсто которыхъ заняли Запорожцы, а потому, что Басмановъ продолжалъ отбиваться.

На дѣйствіяхъ Б. Ѳ. Годунова лежитъ печать какого-то ослѣпленія: вызвавъ Басманова въ Москву, слѣдовательно, отнявъ у войска единственнаго крѣпкаго челоуѣка, стоявшаго за него, Борисъ Ѳедоровичъ, вмѣсто князя Мстиславскаго, посылаетъ начальствовать надъ войскомъ, князя В. И. Шуйскаго. Уже изъ этого одного видно, до какой степени В. И. Шуйскому удалось обратить всѣ подозрѣнія Годунова на Романовыхъ.

Князь В. И. Шуйскій одержалъ нечаянную побѣду при Добрыничахъ. Паэрле (*Карамзинъ*, т. XI, пр. 283) пишетъ, что войска самозванца (то-есть, одна конница?) заманены были нарочито подъ картечь; но по ходу дѣла видно, что залпъ изъ 40 пушекъ и 10.000 ружей, смѣшавшій рать самозванца, послѣдовалъ нечаянно. Самозванецъ обратился въ бѣгство, Русскіе и Нѣмцы гнали его войско на разстояніи верстъ восьми. Что же воевода? „Приказываетъ остановить преслѣдованіе, думая“, говоритъ Карамзинъ, „что все кончено (?), и что самъ Лжедмитрій былъ убитъ“ (?). На какомъ основаніи В. И. Шуйскій и другіе воеводы могли такъ думать? Дѣло ясное: они не хотѣли до конца истребить самозванца и дали время ему оправиться. Мало того, воеводы, остановивъ рать, своими дѣйствіями въ Камарницкой волости, по справедливому замѣчанію Карамзина, усиливали ненависть къ Борису и любовь къ самозванцу, ибо безъ нужды транили жителей.

Такимъ образомъ князь Дмитрій Шуйскій даетъ возможность усилиться самозванцу въ началѣ а В. И. Шуйскій, послѣ нечаянной побѣды при Добрыничахъ, даетъ ему возможность оправиться. Шуйскіе какъ-бы не при чемъ, а безславіе пораженія царскихъ войскъ, ободривъ самозванца, падаетъ на Мстиславскаго. И здѣсь не видна ли родовая черта въ характерѣ Шуйскихъ — загребать жаръ чужими руками?

Дѣйствія подъ Путивлемъ и Кромами еще болѣе освѣщаютъ пе-

редъ нами пропасть, которую рыли подъ ногами царя Бориса: днѣ недѣли простояли воеводы подъ Путивлемъ, ничего не дѣлая, *не желая даромъ проливать человѣческую кровь!* Какое здѣсь человѣколюбіе, особенно послѣ ужасовъ, совершенныхъ надъ безоружными жителями Камарницкой волости!

Сначала сдѣлали приступъ; но не удался, ибо въ рѣшительную минуту Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, конечно, не безъ согласія главныхъ воеводъ, приказываетъ отступить. Послѣ этого началась „достоинная смѣха осада“, какъ называютъ оную современники: безъ толку стрѣляли изъ пушекъ, и имѣя 80.000 войска, не только не могли взять крѣпость, въ которой засѣли 800 Донцевъ, но даже пропустили туда 100 возовъ хлѣба и 500 казаковъ!

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 13-го апрѣля 1605 года, скончался Борисъ Θεодоровичъ.

Царь Θεодоръ Борисовичъ вступаетъ на престолъ. Карамзинъ говоритъ, что, назначивъ Васманова главнымъ вождемъ, онъ далъ ему въ товарищи князя Котырева - Ростовскаго; но Котыревъ - Ростовскій назначенъ былъ первымъ воеводою, а не товарищемъ Васманова (см. *Соловьева*: „Обзоръ событій русской исторіи“ и пр.). Это различіе весьма важно: во первыхъ, потому, что показываетъ слабость новаго правительства, не осмѣлившася, не смотря на явную нужду, пренебречь притязаніями боярскихъ фамилій на исключительное занятіе высшихъ должностей, и во вторыхъ, потому, что хотя князь Котыревъ - Ростовскій самъ по себѣ личность и не важная, но важны его родственныя связи: сынъ князя Михаила Котырева - Ростовскаго женатъ былъ на дочери Θεодора Никитича Романова Татьянѣ (см. Алфавитно-Справочный указатель *Хмирова*).

Первые шаги новаго правительства запечатлѣны были такою нерѣшительностію, что уже Карамзинъ сказалъ: „Самые преданные (Годуновымъ) имѣли печальную мысль, что Θεодору не удержаться на престолѣ“. Печальная мысль оправдалась, — Θεодоръ Борисовичъ свергнуть съ престола: клятва В. И. Шуйскаго передъ пародомъ, что названный царь Димитрій есть истинный сынъ Іоанна вырыла могилу царскому дому Годуновыхъ. Извѣстна страшная смерть царя Θεодора Борисовича и матери его царицы Марьи Григорьевны; эта смерть окончила первый актъ драмы, вызванной смертію царевича Димитрія.

Ясно ли читателю, зачѣмъ нужно было поддерживать слухъ, что царевича зарѣзали слуги царя Бориса? Нужно закрыть глаза добро-

вольно, чтобы не видѣть, какимъ образомъ, на основаніи этого слуха, боярской партіи удалось свергнуть В. О. Годунова. По всему ходу дѣла видно, что въ сверженіи Годунова главную роль играли Шуйскіе, и во главѣ ихъ В. И. Шуйскій. Романовы же вовлечены были въ эту борьбу, ибо были необходимы В. И. Шуйскому, какъ любимцы народа. Изъ дѣла Романовыхъ не видно ихъ вины: мнимую вину на нихъ ввели бояре. Припомнимъ, что на Романовыхъ „лапались“ тѣ же бояре, которые сгубили Годуновыхъ. Романовы и сами сознавали—откуда шла на нихъ бѣда: такъ, Василій Романовъ говорилъ: „погибли де и мы внапраснѣ, къ государю въ наносѣ отъ своей братьи бояръ.“ (Акты Историческіе, II, № 38, стр. 41). Еще болѣе рѣзко отзывался о боярахъ самый энергичный и самый умный изъ Романовыхъ, Феодоръ Никитичъ: „бояре де мнѣ великіе недруги, искали де головъ нашихъ, а иные де научали на насъ говорити людей нашихъ, а я де самъ видалъ то не единожды“. Не менѣе рѣзко отзывался онъ и о способностяхъ ихъ: „не станеть де ихъ съ дѣломъ ни съ которею, нѣтъ де у нихъ разумнаго; одинъ де у нихъ разумень, Богданъ Бѣльскій, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добръ досужъ“ (Акты Историческіе, т. II, № 38, стр. 51). Не смотря на то, что эти слова говорились при царскихъ приставахъ, нельзя не видѣть въ нихъ искренняго убѣжденія: на разныхъ концахъ Россіи двое Романовыхъ говорятъ одно и то же, и слова ихъ вполне подтверждаются дѣйствіями и поведеніемъ бояръ въ дѣлѣ Романовыхъ. Такимъ образомъ, опалю Романовыхъ достигалась двойная цѣль; противъ В. О. Годунова вооружили разомъ и народъ, и могущественную фамилію Романовыхъ съ ихъ родственниками и приверженцами, и въ то же время эту самую фамилію удалили изъ Москвы, что было выгодно для Василя Ивановича Шуйскаго, ибо это удаленіе открыло ему дорогу къ престолу.

Евгеній Пѣловъ.